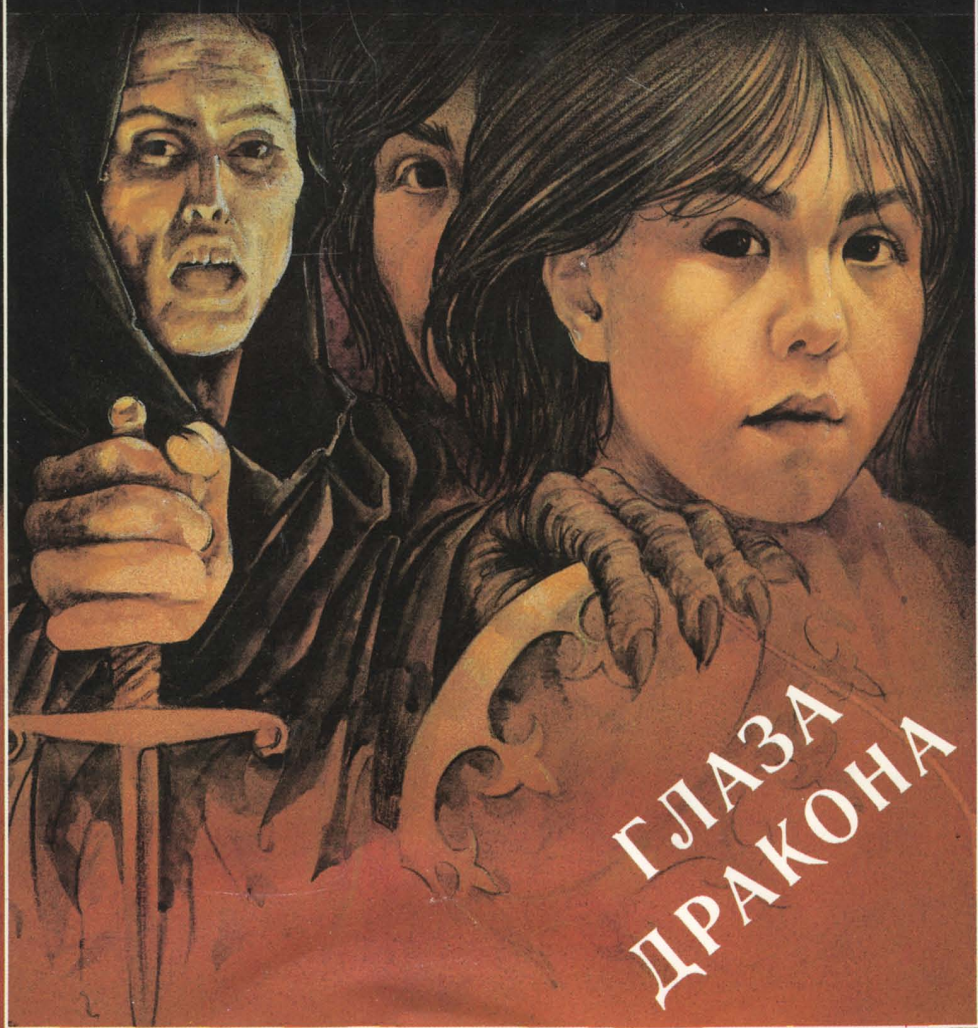

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ГЛАЗА ДРАКОНА

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 35

Stephen King

**THE EYES
OF THE DRAGON**

Стивен Кинг
ГЛАЗА ДРАКОНА: роман, рассказы

Copyright © by Stephen King.

ISBN 0-451-14746-4

ГЛАЗА ДРАКОНА

Давным-давно, в королевстве, называемом Делейн, жил король, и было у него два сына. Делейн был очень древним королевством, и там правили сотни королей, а может, и тысячи; самых ранних из них не могли припомнить даже историки. Роланд Добрый был не лучшим и не худшим из тех, кто управлял страной. Он всегда пытался не делать никому слишком большого зла и преуспел в этом. Еще он пытался делать что-нибудь полезное, но в этом, к сожалению, не преуспел. В результате получился весьма посредственный король; он сомневался, вспомнит ли о нем кто-нибудь спустя несколько лет после его смерти. А до смерти оставалось не так уж долго, ведь он был стар, и сердце у него пошаливало. Может быть, ему оставался год, может быть, три. Все, кто видел его серое лицо и дрожащие руки, считали, что самое большее через пять лет на большой площади у подножия Иглы объявят имя нового короля... и то если Бог даст Роланду эти пять лет. И все в королевстве, от богатейших баронов и пышно разодетых придворных до самого бедного холопа и его оборванной жены, думали и толковали о будущем короле — о Питере, старшем сыне Роланда.

И лишь один человек думал о другом: как сделать королем младшего сына Роланда, Томаса. Этим человеком был Флегг, королевский чародей.

Хотя король Роланд был стар — он думал, что ему семьдесят, но выглядел куда старше, — у него были молодые сыновья. Он долго не женился потому, что не мог встретить женщину своей мечты, и еще потому, что его мать, великая вдовствующая королева Делейна, казалась бессмертной и ему, и всем в королевстве. Она правила уже пятьдесят лет, когда однажды утром, за чаем, положила в рот дольку лимона, чтобы унять кашель, мучивший ее целую неделю. И как раз на то чаепитие для увеселения королевы и ее двора был приглашен знаменитый жонглер, который жонглировал пятью хрустальными шарами. И вот, когда королева положила в рот лимон, жонглер уронил один шар, и тот с громким звоном разбился о пол большого Восточного зала. От неожиданности королева проглотила лимонную дольку, подавилась и тут же умерла. Уже через четыре дня на Площади Иглы состоялась коронация Роланда. Жонглер ее не видел; ему еще за три дня до того отрубили голову на плахе недалеко от Иглы.

Король без наследников не радуется никого, особенно если он стар и лыс. Роланду было необходимо как можно скорее жениться и произвести наследника. Его ближайший советник Флегг все время твердил ему об этом. Он также говорил, что после пятидесяти шансы мужчины сделать ребенка невелики и будут с каждым годом уменьшаться, и уговаривал короля поскорее найти жену, а не дожидаться женщины его мечты. Если уж она не появилась до пятидесяти лет, говорил Флегг, то скорее всего не появится уже никогда.

Роланд согласился с этим. Он не подозревал, что Флегг с его гладкими волосами и бледным лицом, почти всегда скрытым под капюшоном, знает его главную тайну: он никогда не встретил бы женщину своей мечты потому, что никогда и не мечтал о женщинах. По правде сказать, он их боялся. И он никогда не мечтал о том занятии, от которого бывают дети, — он и его боялся.

Но он понял, что чародей прав, и через шесть месяцев после похорон вдовствующей королевы в королевстве случилось событие куда радостнее — король Роланд женился на Саше, которая потом стала матерью Питера и Томаса.

Роланда в Делейне не очень любили, но и не сказать, чтоб ненавидели. Сашу любили все. Когда она умерла, рожая второго сына, королевство погрузилось в глубокий траур, продолжавшийся год и еще день. Она была одной из шестерых девушек, которых Флегг предложил на выбор королю. Все они были одного возраста и положения; все из благородных семей, но не королевской крови; все красивы, добры и кротки. Флегг особенно старался, чтобы никто из них не смог в будущем потеснить его с места королевского советника. Роланд выбрал Сашу потому, что она показалась ему самой доброй и кроткой из шестерых и меньше других пугала его. Так они поженились. Саше из Западного бароната (очень маленького) было тогда семнадцать, на тридцать три года меньше, чем ее мужу. До брачной ночи она никогда не видела мужчину без одежды. Когда это случилось, она спросила с интересом, глядя на его восставший член: «Что это, мой супруг?» Если бы она спросила что-нибудь другое или спросила бы это другим тоном, события той ночи, как и вся наша история, могли обернуться иначе; несмотря на специальное питье, которое Флегг дал ему часом раньше, Роланд мог просто сбежать. Но он в тот момент увидел ее такой, какой она и была — молодой девушкой, еще меньше его знавшей о том, как делаются дети, — и увидел, как она хороша, и полюбил ее, как потом ее полюбил весь Делейн.

«Это Королевская Сталь», — сказал он.

«Оно непохоже на сталь», — с сомнением проговорила Саша.

«Его надо закалить», — сказал он.

«И где же это сделать?» — спросила она.

«Если ты доверишься мне, — сказал Роланд, ложась к ней, — я покажу тебе, где его закалить, ибо ты принесла это с собой, хоть и не зная того».

Люди Делейна любили ее за ее доброту. Ведь это королева Саша основала Великую Лечебницу. Королева Саша так плакала, увидев медвежью травлю на площади, что король Роланд запретил эту жестокую потеху. Королева Саша вымолила у короля отмену налогов в год большой засухи, когда пожелтели даже листья Великого Древнего Дуба. Был ли Флегг недоволен этим, спросите вы? Сначала не слишком. Для него это казалось мелочами, ведь он был настоящим чародеем и жил многие сотни лет.

Он позволил даже отменить налоги, поскольку годом раньше флот Делейна разгромил андуанских пиратов, которые больше ста лет разоряли южный берег. Череп пиратского короля еще долго скалился с шеста на дворцовой стене, а сокровищница королевства наполнилась богатствами, отбитыми в бою. В конце концов, Флегг оставался ближайшим советником короля Роланда, а для него это было самым главным.

Хотя Роланд и полюбил свою жену, он так и не полюбил то занятие, которое так нравится большинству мужчин и от которого появляются на свет и последний поваренок, и наследник королевского трона. Они с Сашей спали в разных спальнях, и он посещал ее не часто — раз шесть-семь в год. Да и в эти разы Королевская Сталь не требовала закалки, несмотря на все более сильные зелья, которые давал королю Флегг.

Но через четыре года брака все же появился Питер. И в ту ночь Роланду даже не понадобилось питье Флегга — зеленое, пенистое и оставлявшее в голове короля странное ощущение, будто он сходит с ума. В тот день он с дюжиной своих людей охотился в Королевском лесу. Охоту Роланд любил больше всего — запах леса, трубный звук рога и дрожание тетивы, когда она отпускает полетевшую точно в цель стрелу. Порох в Делейне был редкостью, и охота с железной трубкой считалась низким занятием.

Саша читала в постели, когда он вошел. Его грубое бородатое лицо сияло, и Саша отложила книгу и терпеливо выслушала историю, которую он ей рассказал, размахивая руками. Когда в конце он показал, как поднял лук и пустил Грозу Врагов, великую стрелу его отца, она засмеялась, и захлопала в ладоши, и окончательно покорила его сердце.

Королевский лес был уже не тот. Во времена короля Роланда там редко удавалось загнать стоящего оленя, а уж драконов не видели с незапамятных времен. Большинство людей посмеялись бы, если бы им сказали, что в этом

привычном лесу еще водятся мифические создания. Но в тот предзакатный час, когда Роланд и его свита уже собирались возвращаться...

Дракон с треском выбрался из подлеска. Его медно-зеленая чешуя тускло отсвечивала в последних лучах солнца; опаленные ноздри выпускали ручейки дыма. Дракон был уже не молод, в возрасте первой линьки. Увидев его, охотники застыли, как громом пораженные, не в силах поднять лук и даже просто двинуться.

Он смотрел на них, его обычно зеленые глаза пожелтели, а огромные крылья мерно трепетали. Он не мог улететь — крылья еще не выросли в полную силу, до этого ему оставалось по меньшей мере пятьдесят лет и две линьки, — но даже от этого трепета передний всадник вылетел из седла и шлепнулся на траву, выронив рог.

Роланд единственный не поддался общему оцепенению, и хотя он из скромности не сказал этого Саше, проявил в следующие несколько мгновений настоящий героизм. Если бы не его быстрая реакция, дракон мог бы зажарить весь их отряд живьем. Он направил стрелу и спустил тетиву. Стрела угодила прямо в цель — в то мягкое, похожее на жабры, место под глоткой дракона, куда поступает воздух, раздувающий огонь. Ящер рухнул замертво, испустив последний тяжкий выдох, опаливший все кусты вокруг. Охотники быстро погасили пламя — кто водой, кто пивом, а многие собственной мочой, которая тоже по большей части была пивом, потому что, когда Роланд выезжал на охоту, он брал с собой много пива и не жалел его.

Огонь погасили за пять минут, а дракон издох за пятнадцать. В это время у его ноздрей еще можно было вскипятить чайник. Потом ему взрезали грудь и торжественно поднесли Роланду дрожащее девятикамерное сердце. Он съел его сырым, как было положено, и нашел довольно вкусным. Он жалел лишь о том, что второго ему уже никогда не удастся отведать.

Может, это драконье сердце сделало его таким сильным в ту ночь. А может, это были просто его радость и

сознание, что он проявил отвагу и хладнокровие, когда остальные просто застыли в седлах (конечно, кроме переднего всадника, который застыл на земле). Во всяком случае, когда Саша всплеснула руками и воскликнула: «Как здорово, мой храбрый король!» — он, не колеблясь, лег к ней, и она встретила его улыбкой и широко раскрытыми глазами, в которых сияла его победа. В ту ночь он в первый и единственный раз в полной мере наслаждался объятиями своей жены. Девять месяцев спустя — по одному на каждую камеру драконьего сердца — в той же палате родился Питер, и все вздохнули с облегчением. Теперь у короля был наследник.

Может быть, вы думаете — если вы вообще об этом думаете, — что король после рождения Питера перестал принимать зелье, которое давал ему Флегг? Вовсе нет. Иногда он пил его, потому что любил Сашу и хотел доставить ей удовольствие. Кое-где считается, что секс нравится лишь мужчинам, а женщины только и мечтают, чтобы их оставили в покое. Но в Делейне люди знали, что и женщины получают удовольствие от того, что производит на свет детей. Роланд знал, что дает жене мало этого, но старался, как мог, и для этого пил зелье Флегга. Только чародей знал, как редко король посещает постель королевы.

Через четыре года после рождения Питера, под Новый год, на Делейн обрушилась снежная буря, самая сильная из всех известных, кроме одной — о той я расскажу вам после.

Повинуясь внезапному чувству, которое он сам не мог объяснить, Флегг в тот вечер дал королю питье двойной крепости — может, что-то в воздухе и в вое ветра побудило его сделать это. В обычное время Роланд мог бы скривиться и отставить стакан прочь, но бушевавшая за окном буря сделала новогодний пир еще более веселым, и король много выпил. Пляшущий огонь в камине напомнил ему дыхание дракона, и он поднял стакан, чокаясь с драконьей головой, висевшей на стене. Потом он одним глотком проглотил зеленую жидкость, и в нем зажглась злая похоть. В ту ночь он, хоть и любил Сашу, сделал ей больно.

«Прошу тебя, мой король!» — умоляла она, рыдая.

«Прости, — пробормотал он. — Хрррр...» Он уснул рядом с ней тяжелым сном и не мог проснуться двадцать часов. Она не могла забыть странный запах у него изо рта той ночью. Пахло чем-то гнилым; пахло смертью. Она думала, что он такого съел... или выпил?

Роланд никогда больше не прикасался к зелью Флегга, но чародей был доволен. Через девять месяцев Саша родила Томаса, своего второго сына. При этом она умерла. Все в Делейне жалели ее, но никто особенно не удивлялся — ведь такие вещи случаются. Но никто не знал, что случилось на самом деле — никто, кроме Анны Криволицей, повитухи, и Флегга, королевского чародея. Случилось то, что терпение Флегга иссякло.

Питеру было только пять лет, когда умерла его мать, но он хорошо помнил ее. Помнил доброй, любящей, полной ласки. Но пять лет — не так много, и большинство воспоминаний было не очень четким. Хорошо он помнил только одно — как мать сделала ему внушение. Он помнил это много лет спустя. Внушение касалось салфетки.

Каждый год при дворе устраивали пир, чтобы отметить начало весеннего сева. Когда Питеру исполнилось пять, его впервые позвали на этот пир. Обычай требовал, чтобы Роланд сидел во главе стола, наследник — по правую его руку, а королева — напротив. Это привело к тому, что она не могла подойти к Питеру, и ей оставалось только следить за тем, как он себя ведет. Ей хотелось, чтобы ее сын выглядел прилично, и она знала, что во время пира это зависит только от него, так как его отец не имел о приличиях никакого понятия.

Может быть, вы спросите — почему Саша так беспокоилась о манерах Питера? Разве у него не было гувернантки? (Было целых две). Разве не было слуг, специально приставленных к юному принцу? (Их был легион). Но она хотела держать всех этих людей подальше и воспитывать сына сама. Она очень любила его и не желала ни в чем стеснять, но понимала, какая ответственность за него лежит на ней. Когда-нибудь этот мальчик станет королем, и Саша хотела, чтобы он был хорошим королем.

Большие пиры в дворцовом зале не отличались изяществом манер, и большинство воспитателей даже не думали учить мальчика, как вести себя за столом. «Он же будет

королем! — сказали бы они, если бы им вдруг предложили заняться этим. — Кто скажет хоть слово, если он опрокинет соусник или вытерет руки о платье? Разве в прежние времена король Алан не блевал в свою тарелку и не велел своему шуту подойти и отведать этого «горячего супа»? Разве король Джон не откусывал головы живым форелям и не засовывал потом их еще трепещущие тела в вырез платья фрейлинам? Разве до сих пор каждый пир не заканчивается тем, что гости бросают друг в друга остатками пищи?»

Так оно и было, но Сашу это не успокаивало. Она считала, что «кто скажет хоть слово» — самая вредная идея, какую может усвоить мальчик, собирающийся стать королем. Поэтому она терпеливо учила его манерам и внимательно следила за его поведением на пиру. И после, когда он уже ложился спать, она пришла к нему.

Она была хорошей матерью и сначала похвалила его поведение — и действительно, оно было почти образцовым. Но она знала, что никто, кроме нее, не поправит его, когда он еще боготворит ее. Поэтому она сказала:

«Ты делал одну вещь неправильно, Питер, и я не хочу, чтобы ты вел себя так».

Питер лежал в постели и внимательно смотрел на нее своими синими глазами.

«Что это, мама?»

«Ты не пользовался салфеткой, — сказала она. — Она лежала сложенной возле твоей тарелки, и мне это не понравилось. Ты ел цыпленка руками, и это правильно, потому что так делают все мужчины. Но потом ты вытер руки о рубашку, и это было уже неправильно».

«Но папа... и Флегг... и все лорды...»

«Оставь в покое Флегга и всех лордов! — крикнула она так, что Питер даже подпрыгнул в кровати. Он испугался, увидев сердитые розы, мгновенно расцветшие на ее щеках. — Твой отец делает все правильно, потому что он король, и ты, когда будешь королем, тоже будешь во всем прав. Но Флегг не король, как бы он ни хотел им быть, и ты еще не король, а только маленький мальчик, который не следит за собой».

Она увидела его испуг и улыбнулась. Потом погладила его по голове.

«Успокойся, Питер, — сказала она. — Это мелочь, но и мелочи важны, если ты собираешься стать королем. А сейчас принеси свою грифельную доску».

«Но спать...»

«Подожди немного. Сначала принеси доску».

Питер сбежал за доской. Саша взяла мел и тщательно вывела три буквы.

«Можешь прочитать это?»

Питер кивнул. Он уже знал многие буквы, но мог прочитать всего несколько слов. И это было как раз одно из них.

«БОГ».

«Да, правильно. А теперь напиши его наоборот».

«Наоборот?»

«Вот именно».

Питер своим детским почерком выписал три буквы под четкой надписью матери и очень удивился, увидев еще одно знакомое слово.

«ПЕС¹! Мама, тут написано «пес»!

«Да, — ее голос был грустен, и это сразу погасило возбуждение Питера. Мать указала на два написанных рядом слова. — В человеке две природы. Никогда не забывай об этом, потому что ты будешь королем, а король вырастает большим, как дракон после девятой линьки».

«Но отец вовсе не такой большой», — заметил Питер. Роланд действительно был невысоким, да еще и кривоногим. К тому же перед собой он нес солидный живот, налитый пивом и медом.

Саша улыбнулась.

«Король растет невидимо, Питер, как только ему на голову возложат корону на Площади Иглы».

«Да?» — глаза Питера стали большими и круглыми. Он не очень-то понимал, как это связано с салфеткой, но не

¹ God и dog (англ.).

жалел, что они уклонились от довольно неприятной темы к такой интересной. К тому же он уже решил для себя, что теперь всегда будет пользоваться салфеткой, раз это так важно для его мамы.

«Да. Короли вырастают ужасно большим, поэтому они должны особенно заботиться о том, чтобы не задеть тех, кто меньше их, просто прогуливаясь или усевшись не в том месте. Плохие короли часто делают такое, и, я думаю, даже с хорошими это иногда случается».

«Мама, я не по...»

«Тогда послушай еще. Божьи люди говорят, что наша природа частью от Бога, а частью от Старика с копытами. Знаешь кто такой Старик с копытами?»

«Это дьявол».

«Да. Но большинство плохих людей скорее похожи на псов, чем на дьяволов. Псы хорошие, но глупые, как и люди, когда они напьются. Когда псы возбуждены или напуганы, они кусаются; так и люди, когда они возбуждены или напуганы, дерутся. Псы — ручные животные, они слушаются хозяев, но если человек только слушается, это плохой человек. Псы могут быть отважными, но могут и выть от страха в темноте и убегать, поджав хвост. Пес так же лижет руку плохого хозяина, как и хорошего, потому что не знает разницы между хорошим и плохим. Пса тошнит, когда он ест отбросы, но он все равно продолжает их есть».

Она на минуту замолчала, быть может, вспоминая пир — как мужчины и женщины, заливаясь пьяным смехом, кидали друг в друга объедками, иногда отворачиваясь, чтобы стошнить на пол. Роланд делал то же самое, но она знала, что его ей не изменить — даже если он пообещает ей вести себя иначе, он все равно не станет другим человеком.

«Ты понимаешь меня, Питер?»

Мальчик кивнул.

«Тогда скажи, пользуются ли псы салфетками?»

Питер потупился и покачал головой. Разговор оказался не таким приятным, как он подумал сначала. Время было

позднее, он устал, и, должно быть, от этого к глазам его подступили слезы. Он изо всех сил старался не дать им прорваться, и ему это удалось. Саша заметила это и порадовалась за него.

«Не плачь об этой салфетке, любовь моя, — сказала Саша. Она встала, с трудом поднимая свой располневший живот — до рождения Томаса оставалось совсем немного. — Твое поведение почти безупречно. Любая мать королевства гордилась бы своим сыном, будь он вполонину так же хорош, как ты. И я горжусь тобой. И говорю тебе все это только потому, что когда-нибудь ты станешь королем, и человеческие жизни будут зависеть от каждого твоего шага и даже от снов, которые тебе приснятся. Они могут не зависеть от того, пользуешься ли ты за столом салфеткой... но могут и зависеть. Иногда они зависят и от меньшего. Поэтому я и прошу: что бы ты ни делал, помни о доброй части своей природы. Это Божья часть. Обещаешь мне помнить о ней?»

«Обещаю, мама».

«Вот и хорошо, — она поцеловала его. — К счастью, я молода и ты молод. Нам еще о многом предстоит поговорить, когда ты подрастешь».

Они так больше ни о чем не поговорили, но Питер не забыл урок: с тех пор он всегда и везде пользовался за едой салфеткой.

И вот Саша умерла.

Но прежде чем она исчезнет из этой истории, необходимо сказать о ней еще кое-что: у нее был кукольный дом. Очень большой и красивый, целый маленький замок. Когда подошло время замужества, Саша старалась выглядеть веселой, но, конечно, ей было жаль покидать свой дом в Западном баронате, где она всех знала, — и еще она немного боялась. Она сказала матери: «Я никогда раньше не выходила замуж и не знаю, понравится ли мне это».

Но из всех воспоминаний детства, с которыми она расставалась, она больше всего жалела о кукольном домике, с каким играла с самых ранних лет.

Роланд, добрый Роланд, как-то узнал об этом и, хотя он тоже волновался (он ведь тоже никогда еще не женился), нашел время приказать Квентину Эллендеру, лучшему мастеру королевства, сделать для его жены новый кукольный дом.

«Я хочу, чтобы это был самый красивый дом, — сказал он Эллендеру. — Чтобы она только раз взглянула на него и навсегда забыла свой старый».

Но если он действительно этого хотел, это было глупо. Никто из нас не забывает любимую игрушку, доставлявшую столько радости в детстве, даже если ее заменила гораздо лучшая. Саша не забыла свой старый кукольный дом, но новый ее восхитил. Он восхитил бы и тебя, если ты не полный идиот. Все, кто видел его, говорили, что это лучшая работа мастера Эллендера, и, должно быть, были правы.

Это был миниатюрный особняк, очень похожий на тот, в котором Саша жила с родителями в Западном баронате. Все предметы, хоть и маленькие, были выполнены так искусно, что могло показаться, что они настоящие... а некоторые и правда работали, как настоящие!

К примеру, плита нагревалась, и на ней можно было готовить еду. Если положить в нее кусочек угля размером не больше ногтя, она горела весь день... и тот, кто попытался бы в это время дотронуться до нее своим неуклюжим пальцем, мог больно обжечься. Там не было раковин и унитазов потому, что в Делейне не слыхивали о таких вещах — но, если действовать осторожно, можно было накачать воду из колонки высотой в полпальца. Там была рабочая комната с прялкой и ткацким станком, и они тоже работали. Клавикорды в гостиной играли, если до ключей дотрагивались зубочисткой и находили верный тон. Те, кто это видел, толковали о чуде и о том, что в этом замешан Флегг. Когда Флегг это слышал, он только улыбался. Он вовсе не участвовал в затее с домом — по правде сказать, он считал ее глупой, — но зачем опровергать то, что прибавляет тебе значения? Иногда достаточно помалкивать и иметь умный вид — и тебя сочтут за мудреца.

В домике Саши были настоящие персидские ковры, бархатные занавески, китайский фарфор; на леднике действительно было холодно. Стены в холле обшиты железным деревом. Во всех окнах блестели стекла, а входную дверь украшал многоцветный витраж.

Одним словом, это был самый прелестный кукольный дом в мире. Саша на свадьбе захлопала в ладоши, когда его увидела, и горячо поблагодарила мужа. Позже она пришла в мастерскую к Эллендеру и не просто поблагодарила его, но даже поцеловала в щеку, чем глубоко растрогала старика, который, работая над домом, едва не потерял зрение. В те времена королевы нечасто целовали простых мастеров — точнее сказать, никогда.

Но она не забыла свой старый кукольный домик (пусть он был куда хуже этого), хотя и не проводила столько

времени, играя с ним — передвигая мебель, зажигая плиту и глядя, как из трубы вьется дым, что оповещало всех о Большом Королевском Чаепитии, — как раньше, совсем недавно, когда ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Причина была проста. Теперь ей незачем было воображать себя королевой — она и вправду ею стала. Она выросла и обнаружила, что взрослой становятся совсем иначе, чем она думала в детстве. Тогда ей казалось, что в один прекрасный день человек откладывает куклы и игрушки и говорит: «Все, теперь я взрослый». Теперь она поняла, что прежние увлечения не исчезают в один миг, они просто угасают все больше и больше, пока пыль времени не скрывает под собой яркие краски детства.

У Питера, мальчика, которому предстояло стать королем, были сотни игрушек — нет, если говорить точно, *тысячи*. У него были полки оловянных солдатиков, с которыми он выигрывал великие сражения, и десятки игрушечных лошадок. У него были мячи, и ходули, делавшие его великаном, и сколько угодно бумаги для рисования — а ведь тогда бумага была редкостью, и ею пользовались только богатые люди.

Но из всех игрушек в замке он больше всего любил кукольный дом своей матери. Он никогда не видел того, что остался в Западном баронате, и для него этот дом был лучшим и единственным. Он часами сидел перед ним, когда за окном моросил дождь или когда зима выдувала снежные вихри из своей посиневшей глотки. Когда он лежал с детской сыпью (у нас это называют ветрянкой), специальный слуга ставил ему дом на столик у кровати, и он играл им, пока не засыпал.

Он любил воображать маленьких людей, живущих в доме; иногда ему даже казалось, что он их видит. Он говорил за них разными голосами и придумал им все имена. Там жил король Роджер, храбрый и могучий (пусть даже и немного кривоногий), который однажды убил дракона. Жила королева Сара, его жена. И их сын, Пити, который любил их и был любим. И, конечно, слуги, которые стелили постели, топили плиту и носили воду.

Он был мальчик, и истории, которые он сочинял про обитателей дома, были немного кровожаднее, чем те, что сочиняла Саша, когда была девочкой. В одной из них на

дом напали андуанские пираты, чтобы перебить всю семью. Жители дома храбро сражались и убили десятки пиратов, но тех было слишком много. Когда пираты уже одолевали, подросла королевская гвардия — оловянные солдатики Питера — и перебила всех андуанских морских собак. В другой истории из ближайшего леса (обычно он располагался под кроватью Саши у окна) выходила стая драконов, чтобы сжечь дом своим огненным дыханием. Но Роджер и Пити всех их застрелили из луков. «Пока земля не почернела от их проклятой крови», — рассказывал Питер отцу за ужином, и тот одобрительно хохотал.

После смерти Саши Флегг сказал Роланду, что мальчику не пристало играть с кукольным домом. Это, сказал он, может не сделать его неженкой... но может и сделать. Да и слуги видят все и отнюдь не держат язык за зубами.

«Ему ведь только шесть», — возразил Роланд нерешительно. Белое лицо Флегга, спрятанное под капюшоном, и его магические способности всегда немного пугали короля.

«В шесть лет уже пора обучать мальчика мужским занятиям, — сказал чародей. — Подумайте над этим, ваше величество. Я уверен, что вы, как всегда, решите по справедливости».

«Подумайте над этим», — сказал Флегг, и король так и сделал. Ни над чем другим он не думал так напряженно за все свое двадцатилетнее правление.

Это покажется странным, если вспомнить все многотрудные обязанности короля — введение или отмена налогов, объявление войны, судебные дела. Разве идет с этим в сравнение вопрос о том, можно ли маленькому мальчику играть с кукольным домом.

Может, и не идет. Я только скажу вам, что думаю. И еще скажу, что Роланд был не самым умным из королей, правивших Делейном. Когда ему приходилось думать, ему всегда казалось, что в голове у него перекачиваются камешки, глаза у него слезились, а из носа текло.

В детстве занятия математикой или историей вызывали у него такую головную боль, что в двенадцать лет он

прекратил их и занялся тем, что никакой головной боли не вызывало — охотой. Он изо всех сил старался быть хорошим королем, но чувствовал, что не может рассудить многие дела верно, а от их неверного решения, он знал, пострадают люди. Если бы он слышал, что Саша говорила Питеру после пира, он бы с ней согласился. Короли действительно больше обычных людей, и иногда — довольно часто — ему хотелось быть поменьше. Если вам в жизни приходилось решать серьезные вопросы, к которым вы были не готовы, вы поймете его. Может, вы поймете и то, что это чувство неготовности в конце концов заставляет избегать любых решений. Так случилось и с Роландом, когда он все больше и больше дел доверял Флеггу. Иногда ему казалось, что Флегг уже заменил короля во всем, кроме титула, но такие мысли приходили только ночью, в темноте, а днем он был благодарен Флеггу за помощь.

Если бы не Саша, Роланд был бы куда худшим королем, и все потому, что этот слабый голос, который он слышал ночью, говорил правду. Флегг действительно управлял королевством, и Флегг был очень плохим человеком. К несчастью, нам еще придется о нем говорить, но сейчас о другом.

Саша ослабила власть Флегга. Она давала королю гораздо более добрые и справедливые советы, чем чародей, и король иногда их слушал. Она не любила Флегга, как и многие в Делейне, но безотчетно. Она не знала, как пристально, с какой холодной ненавистью тот следит за ней.

Однажды Флегг едва не отравил Сашу. Это было, когда она упростила короля помиловать двух дезертиров, которых Флегг хотел обезглавить. Он говорил, что дезертиры подают дурной пример, и если не наказать этих двух, за ними могут последовать другие. Чтобы этого не случилось, нужно показать всем отрубленные головы тех, кто попытался бежать из армии, с выпученными глазами и запекшейся на губах кровью.

Но Саша узнала от одной из своих служанок то, о чем Флегг не сказал Роланду. Мать старшего из беглецов тяжело заболела. В семье было еще пятеро младших братьев и сестер. Все они могли бы замерзнуть суровой делейнской зимой, если бы старший брат не отлучился из лагеря и не нарубил им дров. А младший ушел с ним потому, что был его лучшим другом. Без него старший нарубил бы нужные на зиму дрова за две недели, а так это заняло шесть дней.

Это представило дело в ином свете. Роланд сам очень любил мать и с радостью умер бы за нее. Он провел расследование и выяснил, что Саша права. Еще он узнал, что сбежали они лишь потому, что жестокий сержант отказался передать командиру их просьбу об увольнении и что, как только они нарубили достаточно дров, они вернулись в часть, хотя знали, что их ждет суровое наказание.

Роланд простил их. Флегг только улыбнулся и сказал: «Ваша воля — закон для Делейна, сир». Даже за все золото Четырех Королевств он не показал бы королю ту

ярость, что вскипала в его сердце. Милость короля вызвала в народе ликование потому, что многие знали правду и рассказали тем, кто не знал. Милость короля заставила забыть о его менее человеческих решениях, подсказанных ему чародеем. Но для Флегга это ничего не значило. Саша посмела вмешаться в его дела. Почему Роланд не женился на другой? Ему ведь было все равно. Почему? Впрочем, неважно. Флегг улыбался, но решил про себя, что скоро увидит похороны Саши.

В тот же вечер Флегг спустился в свою подвальную лабораторию. Там он надел железную перчатку и достал из клетки ядовитого паука, которого держал там двадцать лет, откармливая новорожденными мышатами. Мышат он отравлял, чтобы еще усилить собственный яд паука, и без того неимоверно сильный. Паук, кроваво-красный, размером с крысу, так и источал яд, который прозрачными каплями падал с его челюстей, прожигая дымящиеся отверстия в рабочем столе Флегга.

«А теперь умри, мой милый, и убей королеву», — прошептал Флегг и сдавил паука перчаткой, заколдованной от яда. И все равно его рука наутро опухла и покраснела.

Яд из раздавленного тела брызнул в кубок. Флегг налил туда бренди, помешал и вынул полуразъеденную ложку. От одного глотка такого зелья королева упадет замертво. Смерть будет быстрой, но весьма мучительной, подумал Флегг с удовольствием.

Саша плохо засыпала и взяла за обычай выпивать перед сном бокал бренди. Флегг позвал слугу и велел отнести ей бокал.

Саша никогда не узнала, как близко к смерти она была. За миг до того, как слуга постучал в дверь, Флегг вылил яд в сток, сделанный в полу, и с лицом, искаженным ненавистью, слушал шипение и бульканье зелья, уходящего в трубу. Затем он изо всех сил запустил бокалом в стену.

Слуга постучал и вошел.

«Я разбил бокал, — сказал Флегг, указывая на осколки. — Убери это. Только возьми щетку, болван, не то пожалеешь».

Он вылил яд в последний момент потому, что понял: его могут поймать. Если бы король чуть меньше любил молодую жену, у Флегга был бы шанс. Но он боялся, что Роланд не успокоится, пока не найдет убийцу, и уже представлял свою голову на шесте над стеной замка. За такое король жестоко отомстил бы любому. Даже ему.

Так Саша спаслась — в тот раз, — защищенная страхом Флегга и любовью своего мужа. В конце концов Флегг сохранял место ближайшего советника короля.

Но в тот раз Саша победила, хотя потом Флеггу и удалось взять верх.

После того, как Флегг завел речь о кукольном доме и о том, что принц может стать неженкой, король незаметно вошел в спальню покойной королевы и стал смотреть на играющего сына. Он стоял у двери, нахмутив брови, и напряженно думал, чувствуя, как камушки перекатываются у него в голове.

Он видел, что Питер рассказывает сам себе истории о кукольном доме, и истории эти вовсе не девчачьи. В них шла речь о битвах, о крови, о драконах — о том, что волновало самого короля, и ему вдруг захотелось самому присоединиться к сыну в его игре и сочинить еще более удивительные истории. И еще он увидел, что Питер, играя с домом Саши, продолжает вспоминать о ней, как и сам Роланд, который страшно горевал о своей жене. Иногда ему хотелось плакать. Конечно, короли не должны плакать, но два раза он все же просыпался на мокрой от слез подушке.

Король незаметно вышел из комнаты и всю ночь пролежал без сна, размышляя о том, что видел. И, как ни трудно было ему отказать Флеггу, наутро он вызвал чародея и сказал ему, что рассмотрел вопрос и решил, что Питер может играть с кукольным домом сколько пожелает. Он сказал, что это не принесет мальчику никакого вреда.

Сказав это, он ждал возражений Флегга. Но возражений не было. Флегг только поднял брови и сказал: «Ваша воля — закон, сир».

Роланд по его тону понял, что чародей недоволен, но был рад, что легко отделался. Когда в тот же день Флегг

предложил повысить налог с фермеров Восточного бароната, несмотря на то, что засуха погубила почти весь их урожай, король охотно согласился.

Впрочем, упрямство старого осла (так Флегг про себя называл короля) в вопросе о кукольном доме казалось чародею смешным. Повышение налогов было куда более важным делом. К тому же его утешал один глубоко спрятанный секрет. В конце концов он все-таки убил Сашу.

Когда королева или другая женщина благородной крови готовится произвести на свет ребенка, всегда зовут повитуху. Ведь все доктора мужчины, а мужчине не годится в этот момент быть рядом с женщиной. Питера приняла повитуха Анна Криволицая с Третьей южной улицы. Когда пришло время Томаса, ее позвали опять. К тому времени Анна овдовела, и ей было уже за пятьдесят. У нее был сын, и в двенадцать лет он заболел трясучкой, от которой умирают после нескольких лет ужасных страданий.

Она очень любила своего мальчика и, когда все доктора сказали «нет», пошла к Флеггу. Это было давно, когда Роланд еще ходил холостым, и ни о каких принцах не было и речи. Он принял ее в своем подземном кабинете, рядом с темницами, и во время беседы несчастная женщина слышала порой вскрик какого-нибудь несчастного, долгие годы не видевшего света дня. Она с содроганием думала, что, должно быть, где-то рядом находятся и камеры пыток. Да и сам кабинет Флегга не вызывал добрых чувств. На полу мелом были начертаны странные рисунки, которые, казалось, все время неуловимо менялись. С ржавого крюка под потолком свисала клетка с двухголовым попугаем. Иногда он начинал говорить сам с собой — одна голова спрашивала, другая отвечала. В темных углах, среди запыленных книг, ползали пауки. Кое-как, запинаясь, она рассказала свою историю и застыла в ожидании.

«Я вылечу твоего сына», — сказал он.

Уродливое лицо Анны Криволицей осветилось такой радостью, что сделалось на миг красивым.

«Господин! — выдохнула она, не в силах больше ничего сказать. — О, господин!»

Но белое лицо Флегга в тени капюшона оставалось бесстрастным, и страх опять проник в ее душу.

«Чем ты отплатишь мне за это?» — спросил он.

«Чем угодно! Просите чего вам угодно, господин!»

«Я попрошу об одной услуге, — сказал он. — Сделаешь?»

«С превеликой радостью!»

«Я еще не знаю, что это. Когда придет время, я тебе скажу».

Она упала на колени, и в этот раз он наклонился к ней. Капюшон упал, и ей открылось его лицо — белое лицо трупа с черными дырами вместо глаз.

«И если ты откажешь, когда я попрошу...»

«Я не откажу! О мой господин, я не откажу! Клянусь жизнью моего мужа!»

«Ладно. Приведи ко мне своего сына сегодня, когда стемнеет».

Она так и сделала. Бедный мальчик дрожал, его голова непрерывно тряслась, глаза закатились. Из рта стекал ручеек слюны. Флегг дал ей мензурку с темно-фиолетовой жидкостью.

«Дай ему это. Он обожжет губы, но пусть выпьет все до капли. А потом забирай его и убирайся».

Она всунула мензурку в рот сыну и наклонила ее. Он, давясь, проглотил содержимое и упал на пол, корчась от боли.

«Забирай его», — повторил Флегг.

«*Забир-рай!*» — прокричала одна из голов попугая.

«*Забир-рай дур-рака!*» — поддержала ее другая.

Она увела сына, уверенная, что Флегг дал ему яд. Но на другой день трясушка прошла, и вскоре мальчик выздоровел окончательно.

Прошли годы. Когда Саша готовилась родить Томаса, Флегг позвал повитуху к себе и что-то прошептал ей. Они

были одни, глубоко под землей, но и там он не решился сказать вслух то, что он сказал.

Лицо Анны побелело, но она помнила слова Флегга: *«Если ты откажешь...»*

И разве у короля не останутся два сына? А если он захочет жениться еще раз, то в Делейне много красавиц.

И она пошла к Саше, и успокаивала ее во время родов, и никто не увидел, как в решающий момент в руке у нее блеснул маленький ножик. Через миг Анна крикнула:

«Тужтесь, моя королева! Тужтесь! Он выходит!»

Томас вышел из чрева матери легко, но следом хлынула кровь. Через десять минут после рождения сына королева была мертва.

Так Флегг добился своего. Роланд был уже стар, жениться второй раз не собирался, и теперь ему предстояло выбирать наследника из двух принцев. Конечно, Питер был старше, но это не так уж важно. Его можно было тем или иным путем устранить — ведь маленькие дети беззащитны.

Я уже говорил, что за все свое правление Роланд ни над чем другим не думал так напряженно, как над тем, разрешать ли Питеру играть с кукольным домом, так искусно сделанным мастером Эллендером. Я также говорил, что он решил это иначе, чем Флегг, но тот подумал, что это мелочь.

Так ли это на самом деле было? Решите сами, когда дослушаете историю до конца.

Прошло много лет. Удивительно, как быстро в сказках проходит время, когда ничего не случается. В жизни так никогда не происходит, и это даже хорошо. Представляете, каково было бы жить, если бы годы мелькали как дни, а столетия — как годы?

Все эти годы Флегг внимательно наблюдал за обоими принцами — за тем, как они вырастают из-за сгорбившейся спины постаревшего короля. Он думал, кто из них будет выгоднее для него на троне, и довольно скоро решил, что это Томас. Когда Питеру было пять, Флегг понял, что не любит его, а когда ему исполнилось девять, чародей пришел к странному и неприятному для себя выводу: он еще и боялся маленького принца.

Мальчик рос сильным и красивым. Волосы его были черные, а глаза синие, как у многих в Западном баронате. Иногда, когда Питер быстро, с легким наклоном вскидывал голову, он напоминал отца, а порой точь-в-точь походил на Сашу. Но в отличие от неуклюжего, кривоногого Роланда, который выглядел изящно лишь в седле, Питер был высоким и стройным. Он тоже любил охотиться, но не так страстно. Он любил еще и уроки — особенно географию и историю.

Его отец обожал грубые шутки. Он прямо падал от хохота, когда шуты поскальзывались на банановой кожуре, или сталкивались головами, или устраивали перестрелку тортами в Большом зале. У Питера были совсем другие вкусы. При этом он любил смеяться, и его залиvistый хохот часто колокольчиком разносился по

дворцовым залам, заставляя невольно улыбаться слуг и придворных.

Многие на высокѣм месте Питера не водились бы ни с кем, кроме детей знати; он же подружился с мальчиком по имени Бен Стаад, когда им обоим было по восемь лет. Семья Бена была не из знатных, и, хотя его отец Эндрю Стаад возводил свой род к королям, их и дворянами-то можно было считать с большой натяжкой. Точнее назвать их «сквайрами». Когда-то богатые, Стаады переживали тяжелые времена, и если бы проводились выборы Лучшего Друга принца, их сын вряд ли имел бы шанс.

Встретились они на ежегодном сельском празднике. Обычно королям и королевам не очень нравилось там присутствовать; они поднимали тост, благодарили фермеров за плоды их труда (даже если год был неурожайным) и удалялись. Если бы так же поступал Роланд, Питер с Беном так никогда бы и не встретились. Но Роланд в самом деле любил сельский праздник и часто оставался там до конца (и часто его уносили оттуда, что называется в стельку).

Питер и Бен оказались в паре на состязаниях по бегу в мешках и выиграли. Они уже давно шли впереди, но вдруг упали, и Питер сильно оцарапал руку.

«Простите, мой принц!» — воскликнул Бен, побледнев. Он уже воображал себя в подземной тѣмнице, и его мать с отцом, с опаской наблюдавшие со стороны, тоже (Энди Стаад про себя окончательно решил, что счастливая звезда семьи закатилась). Страх Бена смешивался с удивлением: оказалось, что кровь будущего короля такая же красная, как у всех.

«Не валяй дурака! — нетерпеливо прикрикнул Питер. — Я сам виноват. Давай скорее, а то нас догонят».

Двое мальчишек, соединенных в одно неуклюжее трехногое существо мешком, в котором были крепко стянуты правая нога Питера и левая — Бена, попытались встать. Падение сильно их задержало, и за ними к финишной черте, у которой бесновались толпы фермеров (не говоря уж о Роланде, затесавшемся в их толпу без всякого чувства неловкости), уже приближались два здоровых, потных

крестьянских парня. На последних десяти ярдах они грозили почти наверняка обойти Питера и Бена.

«Быстрее, Пит! — вскричал Роланд, с таким энтузиазмом потрясая кубком, что большая часть содержимого пролилась ему на кафтан. — Скачи, как заяц! Эти олухи уже хватают тебя за задницу!»

Мать Бена начала всхлипывать, проклиная судьбу, поставившую ее сына в пару с принцем.

«Если они проиграют, — простонала она, — Бена бросят в самую глубокую темницу замка».

«Тише, женщина, — сказал Энди. — Наш добрый король не сделает этого», — он и правда так думал, но все равно боялся.

Бен тем временем начал смеяться, против воли и даже не веря, что это он, его смех:

«Он сказал: скачи, как заяц?»

Питер тоже рассмеялся. Ноги у него болели, из правой руки текла кровь, пот заливал побагровевшее лицо, но он тоже не мог удержаться от смеха.

«Да, именно это он и сказал».

«Тогда поскакали!»

Когда они пересекали финишную черту, они напоминали не зайцев, а, скорее, пару облезлых ворон. Чудом удержавшись от падения, они сделали три прыжка и на третьем приземлились на финише, где и рухнули, заливаясь смехом.

«Заяц!» — стонал Бен, тыкая в принца пальцем.

«Сам заяц!» — отвечал Питер.

Они еще смеялись, когда дюжие фермеры подняли их на руки (одним из них был Эндрю Стаад, и он никогда не забыл ощущение двойного веса его сына и принца) и понесли к месту, где король Роланд опоясал их голубыми лентами. Потом он неуклюже поцеловал обоих мальчиков в щеку и окропил оставшимся у него в кубке медом под одобрительный рев фермеров. Никто из них, даже старики, не помнили такого замечательного состязания.

Мальчики провели вместе остаток дня и, как скоро выяснилось, намеревались так же провести остаток жизни.

Даже у восьмилетнего мальчишки есть обязанности (особенно если он собирается стать королем), поэтому они не могли быть рядом все время, но они встречались, как только могли.

Некоторые морщили нос, говоря, что будущий король не должен водиться ни с кем, рангом ниже баронского сына. Но большинству это нравилось, и немало кружек в делейнских погребках было опрокинуто за то, что Питер получил лучшее с обеих сторон — ум его матери и любовь отца к простым людям.

И это так и было. Питер никогда не обрывал крылья бабочкам и не привязывал палки к собачьим хвостам. Это после истории с лошадью, которую хотел убить Иосиф, главный конюший, Флегг начал бояться Питера и обдумывать способы убрать его с дороги. Ведь именно в этой истории Питер проявил смелость и сострадание, а эти чувства очень не нравились Флеггу.

Питер проходил мимо конюшни и увидел во дворе лошадь, привязанную к изгороди. Одну заднюю ногу лошадь держала над землей. Иосиф, стоявший рядом, поплевал на ладони и взялся за тяжелую кувалду. Сообразив, что он собирается делать, Питер подбежал к нему.

«Кто велел тебе убить эту лошадь?» — спросил он.

Иосиф, крепкий мужчина под шестьдесят, служил при дворе всю жизнь и вовсе не собирался терпеть вмешательство какого-то сопляка, принц он или нет. Он наградил Питера грозным взглядом, но девятилетний Питер, хоть и покраснел, не потерял присутствия духа. Печальные карие глаза лошади, казалось, говорили ему: *«Ты — моя последняя надежда, поэтому сделай, что можешь, прошу тебя»*.

«Мой отец, и дед, и прадед, — сказал Иосиф, поняв, что взгляда здесь будет недостаточно. — *Вот* кто велел мне ее убить. Лошадь со сломанной ногой никому не принесет пользы, в том числе и себе, — он приподнял кувалду. — Ты видишь в этой штуке только орудие убийства, но, когда ты подрастешь, ты поймешь, что иногда она может быть и милосердием. А теперь отойди, а то я тебя забрызгаю».

Он поднял кувалду выше.

«Положи», — сказал Питер.

Иосиф остолбенел. *Никто* до сих пор так нахально не вмешивался в его работу.

«Что-о? Что ты сказал?»

«Ты слышал. Я сказал: *положи эту штуку*», — Питер проговорил это совсем другим тоном, и Иосиф вдруг понял, что это говорит будущий король. Если бы Питер *так* и

сказал — если бы он стал ныть: «Положи, слышишь, я ведь будущий король, слышишь, положи эту штуку!» — Иосиф бы только презрительно улыбнулся, сплюнул и оборвал бы жизнь несчастной лошади одним движением мускулистых рук. Но Питер ничего такого не говорил; все читалось в его голосе и глазах.

«Твой отец узнает об этом, принц», — сказал Иосиф.

«Если ты ему скажешь, он услышит это второй раз, — ответил Питер. — Я позволю тебе закончить твоё дело, господин главный конюший, если ты ответишь «да» всего на один мой вопрос».

«Спрашивай», — Иосифу начинал нравиться этот парень. Он понял, что хотел сказать Питер — что он сам расскажет отцу об этом случае. Это было смело. Кроме того, никто еще не называл Иосифа «господин главный конюший».

«Видел ли доктор эту лошадь?»

Иосиф был поражен.

«*Это* твой вопрос?»

«Да».

«О Господи, *нет!* — видя, что Питер нахмурился, он склонился к мальчику и попытался объяснить. — Лошадь со сломанной ногой — не жилец на этом свете, ваше высочество. Нога не срастется как следует, и у нее будет заражение крови. Это ужасная боль для лошади. *Ужасная*. В конце концов у нее разорвется сердце или она спятит. Разве я не говорил, что эта штука — орудие милосердия, а не убийства?»

Питер долго думал, опустив голову. Иосиф терпеливо ждал, склонившись над ним в полубессознательной позе послушания.

«Это часто бывает?» — спросил наконец Питер.

«Всегда, ваше высочество! Мой отец...»

«Тогда посмотри, что скажет доктор».

«О-о-о!» — простонал конюший и изо всех сил отшвырнул кувалду. Та угодила прямо в свиное корыто, и свиньи бросились врассыпную, ругаясь на своем свинском языке. Иосиф, как и Флегг, не терпел вмешательства в свои дела, и свиньи в тот момент занимали его меньше всего.

Он пошел прочь, потом внезапно обернулся с улыбкой на лице, похожей на единственный солнечный луч на хмуром небе.

«Зови своего доктора, — сказал он. — Ты найдешь его в конце Третьей восточной улицы. Даю тебе двадцать минут. Если ты не успеешь, я вышибу этой лошади мозги, будь ты хоть трижды принц».

«Да, господин главный конюший! Спасибо!» — Питер бросился бежать.

Когда он, запыхавшись, вернулся вместе с молодым ветеринаром, он боялся, что лошадь уже мертва; судя по солнцу, прошло уже не меньше часа. Но опасливый Иосиф решил подождать.

Ветеринарное дело было в Делейне в новинку, и молодой врач взялся за него третьим или четвертым, так что недоверие Иосифа имело основания. Конечно, ветеринару не очень хотелось бежать куда-то вслед за потным, взбешенным принцем, но ему польстило такое внимание. Наклонившись над лошадью, он ощупал ее ногу, что-то напевая себе под нос и приговаривая: «Потерпи, потерпи, скотинка». Лошадь только один раз дернулась от боли, потом затихла. Иосиф ждал, положив руки на рукоять кувалды. Он немного смягчился в отношении ветеринара: парень явно знал свое дело.

Наконец доктор встал, стряхивая пыль с ладоней.

«Ну что?» — спросил Питер с опаской.

«Убейте», — коротко бросил ветеринар Иосифу, не обращая на Питера внимания.

Иосиф схватился за кувалду, будто ничего другого и не ждал, но взгляд Питера опять остановил его.

«Подожди!» — голос мальчика опять прозвучал повзрослому... по-королевски.

Доктор уставился на него.

«Она что, умрет от заражения крови?»

«Что?» — изумление доктора увеличилось.

«Она может умереть от заражения крови, или сойти с ума?»

«Ты о чем? Никакого заражения. Перелом чистый. Я слышал уже такие истории, — он бросил взгляд на Иосифа, — но в них нет ни слова правды».

«Если ты так думаешь, то тебе еще многому предстоит научиться, парень», — буркнул Иосиф.

Питер не обратил на эти реплики внимания.

«Так зачем тогда ее убивать?» — спросил он ветеринара.

«Видите ли, ваше высочество, — объяснил тот, — ей целый месяц нужно ставить припарки, чтобы в рану не попала инфекция. И все равно она до конца жизни будет хромать и не сможет как следует работать. И ездить на ней будет трудно. Поэтому ее следует убить».

Он улыбнулся, довольный своей речью.

Когда Иосиф опять — в который уже раз — взялся за кувалду Питер сказал:

«Я буду ставить ей припарки. А если не смогу, это будет делать Бен Стаад. И я возьму ее себе и буду ездить на ней, даже если она останется хромой».

Иосиф рассмеялся и хлопнул принца по спине:

«Ты столь же добр, как и смел, мой мальчик, но мальчишки легко обещают и легко забывают обещания. Подумай об этом».

«Я знаю, что я говорю».

Смех Иосифа оборвался. Он по глазам Питера увидел, что это действительно так.

«Ладно, я не могу тут торчать весь день, — ветеринар продолжал изображать занятость, хотя и знал, сколько ему придется ждать следующего пациента. — Счет я представлю в казначейство по тарифу, если ваше высочество не прибавит что-нибудь за срочность. В любом случае, до свидания».

Питер и конюший смотрели, как он уходит, волоча за собой длинную полдневную тень.

«Спесивый пузырь, — заметил Иосиф, когда доктор скрылся и не мог уже опровергнуть этого мнения. — Уж поверь мне, ни одна лошадь, сломавшая ногу, не обошлась без заражения крови. Так уж Бог рассудил».

«Я спрошу отца», — сказал Питер.

Когда принц отошел, Иосиф хитро улыбнулся. Он знал, что Питеру попадет за вмешательство в дела конюшего, но знал и то, что король очень любит сыновей — особенно

старшего, — и уж, конечно, позволит им заводить не только лошадей, а целый табун. А уж здоровые это лошади или больные — не его, Иосифа, дело. Он специалист по лошадям, а не по принцам.

Питеру и правда влетело — три дня он не мог спать на спине и неделю не мог есть сидя, — но Роланд отдал ему лошадь.

«Все равно это ненадолго, — сказал король. — Если Иосиф сказал, что она умрет, значит, она умрет», — лицо Роланда было бледным, руки дрожали сильнее обычного. Наказание причинило ему не меньшую боль, чем Питеру — он действительно очень любил старшего сына, хоть и думал наивно, что никто, кроме него, об этом не знает.

«Не знаю, — упрямо сказал Питер. — По-моему, доктор знал, что он говорит».

И правда: никакого заражения у лошади не случилось, и хромота она почти перестала, заставив признать это даже Иосифа. Питер ставил ей припарки три раза в день и четвертый раз на ночь, а когда он был занят, это делал Бен Стаад. Питер называл лошадь Пеони, и они очень сдружились.

Когда Флегг советовал Роланду запретить принцу играть с кукольным домом, он был прав в одном: слуги видели все и не молчали о том, что видели. Некоторые видели сцену на конюшне и рассказали остальным, а те, делая вид, что сами были свидетелями этого, разнесли этот случай по всему городу. Говорили об этом и Иосиф, и молодой ветеринар. Особенно веским было слово Иосифа, которого многие уважали. Он первым стал звать Питера «молодой король», а за ним и другие.

«Я думаю, Бог вылечил эту лошадь потому, что молодой король так стоял за нее, — заканчивал он обычно свой рассказ. — И он трудился над ней, как раб. Я вам скажу: у этого мальчишки сердце дракона. Слышали бы вы его голос, когда он велел мне отложить кувалду!»

Да, история была замечательная, и Иосиф рассказывал ее целых семь лет — до того дня, когда Питера признали виновным в ужасном преступлении и приговорили к заключению в камеру на самой вершине Иглы до конца его дней.

Может, вам интересно, что из себя представлял Томас, а некоторые из вас уже решили, что он был злодеем, раз уж Флегг хотел передать ему корону, отняв ее у законного владельца.

Это было не совсем так, хотя некоторые и правда так думали. Конечно, Томас был не таким хорошим, как Питер — рядом с Питером никто не показался бы достаточно хорошим, и Томас понял это, уже когда ему было четыре — именно в тот год случились и знаменитый бег в мешках, и происшествие на конюшне. Питер всегда говорил правду; Питер был высоким и красивым и походил на мать, которую так любили и король, и весь народ Делейна.

Как же можно было сравнить с ним Томаса? Ответ прост — никак.

В отличие от Питера, Томас разительно напоминал отца. Это немного умиляло Роланда, но не доставляло ему радости. Он знал, что светлые кудри Томаса рано поседеют, а потом и выпадут, оставив его лысым в сорок лет. Знал, что Томас не будет высоким, а если ему передастся отцовская любовь к пиву и меду, то уже к тридцати он будет носить перед собой брюхо. Томас уже начинал косолапить, и Роланд понимал, что скоро его младший сын будет таким же кривоногим, как он.

Томас был не слишком хорошим, но он не был и плохим. Он часто грустил, часто злился и плохо соображал (когда ему приходилось думать, ему, как и отцу, казалось, что в голове у него перекатываются шарики), но он не был плохим.

И еще — он завидовал брату. Мало того, что тому предстояло стать королем, что отец его больше любил, что и *слуги* больше любили Питера, и учителя, потому что он всегда готовил уроки. Мало, что *все* любили Питера больше, чем его. Было еще кое-что.

Когда кто-нибудь, и особенно король, смотрел на Томаса, ему казалось, что они думают: «Мы любили твою мать, а ты убил ее своим появлением. И что мы получили взамен? Маленького уродца с глупым лицом почти без подбородка, который до восьми лет не смог выучить больше пятнадцати Великих Букв. Твой брат Питер в шесть лет знал их все. Что мы получили? Зачем ты нам, Томас? Страховка престола — вот кто ты такой, на случай если Питер упадет со своей хромой лошади и сломает шею. Нет уж, мы не хотим этого. И ты нам не нужен. Слышишь, не нужен!»

Томас сыграл недобрую роль в заточении своего брата, но даже после этого его нельзя было назвать по-настоящему плохим. Я верю в это и думаю, что и вы поверите.

В семь лет Томас просидел целый день у себя в комнате, вырезая в подарок отцу парусную лодку. Он делал это, не зная, что в тот же день Питер покрыл себя славой на состязаниях по стрельбе из лука. По правде говоря, Питер не так уж хорошо стрелял, и Томас вполне мог бы обставить его в этом, но так уж вышло, что именно Питер оказался тогда на состязании рядом с отцом. Томас часто грустил, часто злился, и ему часто не везло.

Томас подумал о лодке потому, что иногда, по воскресеньям, его отец любил запускать кораблики во рву, окружавшем дворец. Такие простые забавы всегда нравились Роланду, и Томас навсегда запомнил день, когда отец взял его — и только его — с собой. В то время у короля был специальный советник, который показывал ему, как делать бумажные кораблики. В тот день громадный старый карп поднялся из илистой воды и проглотил кораблик. «Морское чудище!» — повторял король, смеясь до слез и крепко обняв сына. Томас запомнил все до мельчайшей детали — яркое солнце, гниловатый запах воды во рву, тепло отцовских рук и его колючую бороду.

Поэтому однажды, когда он чувствовал себя особенно одиноким, он решил смастерить отцу лодку. Томас знал, что лодка получится не особенно красивой — руками он работал немногим лучше, чем головой. Но он знал и то, что, хотя король мог приказать любому мастеру, даже великому Эллендеру, сделать ему самую лучшую лодку, разница в том, что это он, его сын, *целый день* трудился над подарком отцу.

Томас терпеливо, сидя у окна, вырезал лодку из куска дерева. Он много раз занозил руки и один раз сильно порезался. Но это его не останавливало — он мечтал о том, как они с отцом пойдут в воскресенье запускать *его* лодку — вдвоем, потому что Питер ускачет куда-нибудь на Пеони или будет играть с Беном. И пусть даже тот же карп проглотит его лодку, если при этом отец так же обнимет его, и рассмеется, и воскликнет, что это лучше историй о морских чудовищах, глотающих целиком андунские клипперы.

Но когда он пришел в комнату к отцу, там был Питер, и Томасу пришлось полчаса ждать, пряча лодку за спиной, пока Роланд восхвалял меткость Питера в стрельбе. Томас видел, что брат чувствует себя неловко и хочет уйти и дать ему поговорить с отцом, но он все равно ненавидел Питера.

Наконец Питер изловчился уйти. Томас подошел к отцу. «Я тебе сделал кое-что, папа», — он достал из-за спины лодку внезапно вспотевшими руками.

«Правда, Томми? Ну и что же это?»

«Да, что же это?» — подхватил откуда-то взявшийся Флегг. Голос его звучал небрежно, но он смотрел на Томаса с глубоким вниманием.

«Что это? Покажи».

«Я знаю, папа, как ты любишь запускать кораблики по воскресеньям, и вот я.., — ему отчаянно хотелось продолжить: *и вот я захотел, чтобы ты опять взял меня с собой, и сделал эту вещь*, но он не мог этого сказать, просто не мог. — Вот я... сделал лодку... Я целый день работал... порезался... и...» Сидя у себя, Томас заготовил целую речь, которую готовился произнести, держа лодку за спиной, но теперь он не мог вспомнить ни слова, а то, что он мог вспомнить, не имело, казалось, никакого смысла.

Поэтому он просто протянул лодку с ее неуклюже хлопающим парусом Роланду. Король повертел ее в своих грубых пальцах. Томас смотрел на него, затаив дыхание. Наконец Роланд посмотрел на него.

«Хорошо, Томми. Очень хорошо. Это каноэ?»

«Лодка с парусом, — разве ты не видишь парус? — хотелось ему закричать. — Я целый час привязывал его и не виноват, что один узел развязался, и он теперь хлопает!»

Король подергал парус, который Томас вырезал из наволочки.

«А-а... ну да. А я сперва подумал, что это корыто с бельем», — он подмигнул Флеггу, который улыбнулся и промолчал. Томаса вдруг затошнило.

Роланд взглянул на сына посерьезневшими глазами и поманил его к себе. Все еще надеясь на лучшее, Томас подошел.

«Это хорошая лодка, Томми. Неуклюжая немного, как ты сам, но и хорошая, тоже как ты. И если ты хочешь *действительно* сделать мне подарок, учись стрелять из лука, чтобы выиграть когда-нибудь соревнование, как Питер сегодня».

Томас уже давно учился стрелять, но отец, по-видимому, забыл об этом. Томас ему не напомнил; он просто стоял, глядя на свою лодку в больших руках отца. Его щеки и лоб залила краска.

«В конце остались двое — Питер и сын лорда Таусона, — и инструктор велел им стрелять с сорока ярдов. Сын Таусона долго целился, а Питер сразу подошел к рубежу и выстрелил. И еще до того я увидел его взгляд и понял, что он выиграет. Еще до того, как он пустил стрелу! Представляешь, Томми? Жаль, тебя там не было...»

Король продолжал рассказ, небрежно отложив лодку, над которой Томас трудился целый день. Томас стоял и слушал, с той же дурацкой, автоматической улыбкой. Что толку? Отец никогда не возьмет его с собой запускать лодку. Ведь Питер, должно быть, вырезал бы такую даже с завязанными глазами и вдвое быстрее. Во всяком случае, отцу бы она точно показалась лучше.

Через какую-то адскую вечность Томас смог, наконец, уйти.

«Я думаю, мальчик много трудился над этой лодкой», — заметил Флегг.

«Похоже, — ответил Роланд. — Ну и штука! Похоже на собачье дерьмо с торчащим из него платком». («И на то, что я делал в его возрасте», — добавил он в уме).

Томас не мог услышать этих его слов,.. но каким-то чудом он их услышал, когда выходил из Большого зала. Внезапно тошнота сделалась невыносимой. Он вбежал в свою комнату, и его вырвало в тазик.

На следующий день, прогуливаясь возле кухни, Томас подстерег старого бродячего пса, пробравшегося туда в поисках отбросов. Он подобрал с земли камень и швырнул в пса. Удар попал в цель — дворняга, визжа, свалилась на землю. Томас знал, что его брат, хоть и старше его на пять лет, никогда не попал бы камнем в цель с такого расстояния. Утешение было сомнительным — Питер просто никогда не стал бы бросать камнями в собаку, особенно в такую старую и жалкую.

В какой-то момент Томаса охватило сострадание, и глаза его наполнились слезами. Потом он вспомнил, непонятно почему, слова отца: *«Похоже на собачье дерьмо с торчащим из него платком»*. Он набрал камней и стал бросать в бьющегося на земле пса. Часть его хотела оставить пса в покое или даже вылечить его, как Питер вылечил Пеони, и любить его. Но другая часть хотела сделать псу больно, словно это изгоняло боль из его собственного сердца. Потом в голову ему пришла дикая мысль:

А что, если бы на месте этого пса был Питер?

Это решило дело. Томас кидал камни в пса, пока тот не издох. Никто не видел его, а если бы кто-нибудь увидел, то сказал бы: «Это плохой мальчик, плохой и злой». Но они не увидели бы того, что случилось накануне — как Томаса рвало в тазик и как он потом плакал. Нет, Томас был завистливым, был невезучим, но повторяю — он не был по-настоящему плохим.

Я сказал, что никто не видел, как он швырял камни в дворнягу, но это не совсем так. Флегг видел это той ночью в своем магическом кристалле. Он видел это... и радовался.

Роланд... Саша... Питер... Томас. Теперь мы не поговорили только об одном человеке, так ведь? Пришло время поговорить и о Флегте, хоть мне и не очень хочется о нем говорить.

Иногда люди в Делейне звали Флегта Человеком в капюшоне, иногда просто Черным — и он на самом деле был черен, несмотря на свое бледное, как у покойника, лицо. О нем говорили, что он хорошо сохранился, но это не звучало комплиментом. Он пришел в Делейн из Гарлана во времена деда Роланда. Тогда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет сорока. А в конце царствования Роланда он выглядел худым, остролицым мужчиной лет пятидесяти. Но ведь прошло не десять, не двадцать, а целых семьдесят шесть лет. Младенцы, лежавшие без зубов в колыбельках, когда Флегг появился в Делейне, выросли, родили детей, состарились и умерли беззубыми в своих кроватях, а Флегг постарел всего на какой-то десяток лет! Конечно, это было волшебство, и хорошо иметь в королевстве настоящего волшебника, а не какого-нибудь фокусника, который вытаскивает из рукава голубей. Так говорили люди Делейна, боясь признаться даже себе самим, что не видят во Флегте *ничего* хорошего. Но, встречаясь с ним, они поспешно переходили на другую сторону улицы.

Действительно ли он пришел из Гарлана, где странные пурпурные горы дремлют в туманной дымке? Не знаю. Гарлан — волшебная страна, где ковры порой летают, а святые люди игрой на флейте поднимают ввысь веревки

из плетеных корзин, карабкаются по ним и исчезают в небе. Многие искатели приключений из более цивилизованных стран, таких, как Делейн и Андуга, приходили в Гарлан. Большинство исчезли так же бесследно, как святыне в небе, а те, кто вернулся, сильно изменились — и не всегда к лучшему. Да, Флегг мог прийти из Гарлана, но, если и так, это было не во времена деда Роланда, а намного раньше.

На деле он появлялся в Делейне не один раз — каждый раз под другим именем, но неся с собой тот же груз горя и смерти. Когда-то он был известен, как Билл Хинч, главный палач короля, и хотя с тех пор прошло уже двести пятьдесят лет, матери до сего времени пугали его именем детей. «Если не перестанешь ныть, придет Билл Хинч и заберет тебя», — так они говорили. Служа палачом при трех самых кровавых королях в истории Делейна Билл Хинч своим топором оборвал жизни сотен, а может, и тысяч узников.

А до *того*, за четыреста лет до Роланда, он явился как певец по имени Броусон, стал близким советником короля и королевы и растаял, как дым, развязав долгую и кровавую войну между Делейном и Андуга.

А до *того*...

Впрочем, никто толком не знал. Когда история эта случилась, даже сказочники не помнят. Флегг всегда являлся в ином обличье, но две вещи всегда оставались теми же. Он всегда ходил в капюшоне, будто у него не было лица, и он никогда сам не становился королем, а был лишь нашептывателем, вливавшим тайно и незаметно в ухо короля самый страшный яд — яд дурных советов.

Так кто же он был, этот черный человек?

Я не знаю.

Где он блуждал в промежутках между своими появлениями в Делейне?

Тоже не знаю.

Неужели его никто не подозревал? -

Некоторые — историки и сказочники вроде меня — догадывались, что Флегг появлялся в Делейне и раньше,

и это никогда не кончалось добром. Но они боялись сказать об этом. Человек, который прожил среди них семьдесят шесть лет и состарился всего лишь на десять лет, без сомнения, чародей; а тот, кто прожил в десять раз дольше... это не иначе, как сам дьявол.

Чего же он хотел? На этот вопрос я, как мне кажется, могу ответить.

Он хотел того, чего всегда хотят злые люди: иметь власть и с ее помощью творить зло. Самому быть королем не так интересно: слишком часто головы королей выставлялись на шестах над крепостной стеной. Но советники... нашептыватели... такие люди при взмахе топора палача обычно тают, как тени на закате. Флегг прятал свои дела, как и свое лицо, и когда приходили великие бедствия, вызванные им, исчезал, как тень.

Позже, когда пожарища зарастали травой, а на месте развалин воздвигались новые здания, когда появлялось что-либо, годное для разрушения, Флегг приходил опять.

В этот раз Флегг нашел Делейн процветающим. Ландри, дед Роланда, был старым пьяницей, которым можно было легко вертеть, но он скоро сошел в могилу. А Лита, мать Роланда, была не таким удобным орудием в руках Флегга — некрасивая, зато с добрым сердцем и сильной волей.

Если бы Флегг появился пораньше, он успел бы убрать ее с дороги, как теперь собирался убрать Питера. Но он не успел.

Зато она оставила его при себе в качестве советника, и это было уже кое-что. Она любила смотреть на его карточные фокусы, и еще любила сплетни — причем не только о том, что случилось, но и о том, что *могло бы* случиться. Флегг не рассказывал королеве о том плохом, что предсказывали карты. Она хотела знать не об убийствах и катастрофах, а о том, кто завел любовника или поссорился с мужем.

Долгие годы царствования Литы Флеггу пришлось держать свои главные таланты под спудом. Были, конечно, и маленькие победы — когда ему удалось вызвать смертельную вражду между двумя могущественными сквайрами Южного бароната или опорочить доктора, нашедшего лекарство от некоторых опасных болезней (Флегг не хотел допускать в Делейн никаких лекарств, кроме волшебных — иными словами, кроме своих собственных). Но это мало что меняло.

При Роланде — бедном, кривоногом Роланде — дела Флегга пошли к цели быстрее. А целью его было не что иное, как низвержение монархии — кровавая революция, которая на тысячу лет погрузила бы Делейн в бездну мрака и бедствий.

Конечно, плюс-минус год или два.

В характере Питера он увидел серьезную угрозу своим планам. Флегг все больше и больше убеждался в том, что Питера надо устранить. На этот раз дело затягивалось. То, что началось при Роланде — медленное повышение налогов, конфискация излишков зерна, обыски в домах богатых фермеров, — могло вскоре дать плоды, и Флегг не хотел пережидать правление Питера, как пережидал правление его бабки.

Питер мог не только разорвать с таким трудом сплетенную паутину; он мог выслать и самого Флегга, запретив ему возвращаться под страхом смерти. Ему не нужны были советники, он сам мог давать себе советы — и когда Питер, которому было уже пятнадцать, бросал на Флегга холодный взгляд, тому чудилось, что принц уже дал себе *этот* совет.

Мальчик любил историю и в последние два года, когда его отец все больше старел, задавал много вопросов своим учителям. И многие из этих вопросов были о Флегге или о том, что так или иначе вело к Флеггу.

Плохо, что он задавал такие вопросы в пятнадцать лет. И еще хуже, что он получал от таких осторожных людей, как историки, правдивые ответы. Это значило, что они уже считали его королем и радовались этому. Радовались, что он будет умным и знающим, как они, и в отличие от них будет смелым королем с сердцем льва и совершит множество подвигов. В его лице они приветствовали пришествие древнего Добра, которое вновь и вновь приходит к уставшим людям и дает им силы жить.

Его нужно убрать с дороги.

Флегг твердил это себе каждый вечер, засыпая в темноте своих покоев, и с этой мыслью он каждое утро просыпался — тоже в темноте.

Его нужно убрать с дороги. Мальчишку нужно убрать.

Но это легче было подумать, чем сделать. Роланд любил обоих своих сыновей, но Питера особенно. Еще можно было удушить мальчика в колыбели, создав впечатление, что он умер от Детской Смерти, но теперь он был уже подростком. Любое происшествие привело бы к тщательному расследованию. Флегг не раз думал: какой насмешкой судьбы было бы, если бы Питер действительно погиб случайно, а его бы, тем не менее, в этом обвинили. Мало ли что... падение с крыши конюшни... с лошади... треснувшая перекладина лестницы... И каков результат? Обезумевший от горя и гнева Роланд начнет искать убийцу и непременно заподозрит Флегга. Его мать не доверяла чародею, и он в глубине души тоже. Флегг всегда это знал. Конечно, обычно это недоверие скрывалось под страхом и признательностью, но в случае смерти сына...

Флегг думал, что этак ему еще придется оберегать жизнь юного принца. Это было невыносимо. Невыносимо!

Его нужно убрать с дороги! Нужно убрать с дороги!

Шли дни, месяцы, годы, и эти мысли все настойчивее стучались в голову Флегга. Роланд с каждым днем старел, а Питер становился старше, умнее и опаснее. Что же делать?

Флегг стал нервным и раздражительным. Слуги, особенно дворецкий Питера Брендон и его сын Деннис, обходили его стороной и шептались об отвратительных запахах, идущих ночью из его лаборатории. Деннис, который должен был впоследствии занять место отца близ Питера, однажды спросил его, не следует ли предупредить принца.

«Чтобы он знал об опасности», — добавил Деннис.

«Ни слова, — отрезал Брендон. — Этот человек опасен».

«Тем более это причина», — возразил Деннис.

«Болван может принять треск гремучей змеи за стрекот кузнечика и сунуть ей руку, — сказал Брендон, — но наш принц не болван. А теперь налей мне еще стаканчик, и покончим с этим».

Деннис ничего не сказал Питеру, но с тех пор, едва он встречал где-нибудь в коридоре замка закутанную в плащ фигуру Флегга, ему хотелось побежать прочь с криком: *«Гремучая змея! Гремучая змея! Осторожнее с ней, Питер!»*

И вот однажды ночью (Питеру было уже шестнадцать), когда Флегг уже начал верить, что ничего не сможет сделать Питеру, решение пришло к нему. То была ужасная ночь. Осенняя буря завывала за окнами и гуляла по пустым улицам, откуда торопливо бежали редкие прохожие.

Роланд простудился на охоте. Он прѣстужался все чаще, несмотря на лекарства Флегга, и одна из этих простуд могла перейти в воспаление легких и убить его. Волшебники лечат иначе, чем врачи, и Флегг знал, что его лекарства не действуют больше потому, что *он* так хочет. Он сохранял Роланду жизнь только из-за страха перед Питером.

«Хочу, чтобы ты умер, проклятый старик», — думал Флегг, сидя перед чадающей свечой и слушая, как за стенами воет ветер и как двухголовый попугай сонно бормочет во сне. «Я бы убил тебя своими руками за все, что сделали мне ты, и твоя дура-жена, и твой старший сын. Убил бы с радостью, пусть это даже разрушило бы мои планы. Убил бы...»

Внезапно он замер, уставившись в темноту, где без устали роились тени. Глаза его блеснули серебром. Мысль вспыхнула в его мозгу, как факел.

Свеча зашипела и погасла.

«Смерть!» — вскрикнула в темноте одна голова попугая.

«Стр-рах!» — подхватила вторая голова.

И в этой черноте невидимый никем Флегг начал хохотать.

Из всех орудий царевубийства ни одно не используется так часто, как яд. И никто не знает яды лучше, чем волшебники.

Флегг, один из величайших волшебников, знал все яды на свете: мышьяк; стрихнин; кураре, который по очереди парализует все мышцы, вплоть до сердца; никотин; белладонну; мухомор. Он знал яды сотен змей и пауков, и вытяжку из цветов бледной лилии, которая пахнет, как мед, но заставляет свои жертвы умирать в корчах; и Чертов Коготь, что растет в самой глубине Великой Топи. Флегг знал сотни или даже тысячи ядов, один хуже другого. Все они были расставлены по полкам в его подземной лаборатории, куда не смел войти ни один слуга. Они хранились в пробирках, в колбах, в маленьких конвертах. Они ждали своего часа. Флегг часто навещал их, когда хотел отдохнуть и развеяться. В этом дьявольском месте пряталось все, чего люди, слабые существа из плоти и крови, так боятся: головная боль, желудочные колики, рвота, закупорка сосудов, паралич сердца, выкатившиеся глаза, почерневшие языки, багровые чумные бубоны.

Но самый страшный яд Флегг держал отдельно. В его кабинете стоял стол, каждый ящик которого был заперт... но один из них запирался тремя замками. В нем лежала тиковая коробочка, расписанная магическими символами. Замок ее, на первый взгляд, был сделан из тусклой оранжевой стали. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это растение — особый сорт моркови. Раз в неделю Флегг поливал морковь водой из специальной

бутылочки. Если кто-нибудь пытался сорвать замок или даже неправильно вставлял ключ, морковь издавала пронзительный скрип. Внутри коробки была другая коробка, ключ от которой Флегг всегда носил на шее.

В этой второй коробке лежал пакетик с зеленым песком. «Ничего особенного, — скажете вы. — Не о чем рассказать маме». Но дело в том, что этот песок был одним из самых смертоносных ядов в мире, и его боялся даже сам Флегг. Его привезли из Грена, огромной безжизненной пустоши, лежащей за Гарланом. Грена можно достичь только, когда ветер дует вглубь его, иначе первый же порыв отравленного воздуха убьет неосторожного путника.

Убьет не сразу. День-два или даже три тот, кто вдохнет пары яда (или проглотит зерна песка, что еще хуже), будет чувствовать себя отлично, лучше, чем когда-либо в жизни. Потом внезапно его легкие начнут раскаляться, кожа задымится и все тело съжится, как мумия. После он упадет мертвым, часто с горящими волосами. Так будет с каждым, кто вдохнет или проглотит этот яд.

Он называется Драконьим Песком, и от него нет противоядия.

В ту дикую ночь Флегг решил подсыпать Драконий Песок Роланду в вино. Питер обычно приносил отцу перед сном бокал вина. Все во дворце знали об этом и хвалили принца за сыновнюю заботу. Отец любил общество сына почти так же, как вино, но Питер редко задерживался у него больше получаса — по дошедшим до Флегга слухам, он увлекся какой-то девицей.

Если Флеггу удастся как-нибудь после ухода Питера проникнуть к Роланду и принести ему *свой* бокал с вином — с особенным вином, — то второго старику уже не понадобится.

«Вино с моего виноградника, ваше величество, — подумал Флегг с улыбкой. — Похоже, этот виноградник рядом с адом, а когда его плоды попадут вам внутрь, вам и ад покажется раем».

Флегг откинул голову и рассмеялся.

План был выработан — план, который должен был убрать с дороги и Роланда, и Питера, — и Флегт не стал терять времени. Сперва он постарался, чтобы король почувствовал себя лучше — просто *захотел*, чтобы его лекарства подействовали. Король должен чувствовать себя здоровым — только тогда все поверят, что его убили, когда это случится. Флегт находил это забавным.

В холодную ночь, через неделю после того, как король перестал кашлять, Флегт отпер ящик и достал тиковую коробочку. «Так-так», — пробормотал он моркови, которая безмозгло скрипнула в ответ, открыл коробочку и достал из нее вторую. Потом открыл ее ключом, снятым с шеи, и достал пакет. Пакет был заколдован от страшного воздействия Драконьего Песка. Флегт осторожно взял его маленькими серебряными щипчиками — пот крупными каплями стекал у него со лба, — и положил на стол рядом с одним из королевских кубков.

Потом он вышел в коридор, ведущий к темницам, чтобы отдышаться. Ему нужно было как следует наполнить легкие воздухом, чтобы потом дышать как можно меньше. Один неосторожный вдох — и конец. В последний раз вдохнув свежего воздуха из зарешеченного окошка в коридоре, он вернулся в комнату. На столе у него лежал кусок обсидиана — самого твердого из известных в то время камней. Он также осторожно открыл пакет и извлек оттуда немного зеленого песка, не больше дюжины зерен. Он поместил их на обсидиан, и камень сразу же начал дымиться.

Прошло тридцать секунд.

Он поднял обсидиан, стараясь, чтобы ни одна песчинка не попала на кожу (она не остановилась бы, пока не достигла сердца и не опалила его огнем) и стряхнул яд в кубок.

Быстро, пока песок не начал разъедать стекло, он налил в кубок любимое вино короля, то самое, что Питер приносил ему каждый вечер. Песок моментально растворился. Лишь на мгновение красное вино стало зловеще-зеленым, потом приобрело нормальный цвет.

Пятьдесят секунд. Флегг вернулся к столу и взял камень и нож, которым открывал пакет. Только несколько зерен Драконьего Песка попало на лезвие, но лучшая андуанская сталь уже покрылась дымящимися щербинами.

Семьдесят секунд. Флегг начинал уже задыхаться.

В тридцати футах по коридору в направлении темниц (путь, которым никто в Делейне не хотел пройти) в полу был водосток. Флегг бросил в него нож и камень, улыбнулся, услышав двойной всплеск, и поспешил к окну.

Отдышавшись, он вернулся в кабинет. Теперь на столе лежали только щипчики, пакет и бокал с вином. На щипчиках яда не осталось, а тот, что в пакете, уже не мог повредить его здоровью, если быть осторожным.

Флегг почувствовал удовлетворение от сделанной работы. Он склонился над кубком и глубоко вдохнул. Это было безопасно: когда песок растворяется в жидкости, его пары становятся безвредны.

Чего нельзя сказать о самой жидкости.

Флегг поднес бокал к свету, любуясь кровавым отблеском.

«Последний бокал вина, мой король, — сказал он рассмеявшись и разбудил попугая. — Он согреет вас на славу».

Он сел, перевернул песочные часы и принялся читать заклинания в огромной книге. Флегг читал эту книгу тысячу лет и не прочел даже четверти. Написал ее на равнинах Ленга безумец по имени Альхазред, и читающий ее слишком долго рисковал тоже стать безумным.

Час... только час. Когда верхняя половина часов опустеет, Питер уже придет и уйдет. Через час он поднесет Роланду последний бокал вина. Флегг какое-то время смотрел на сонно сыплющийся белый песок, потом опустил глаза к книге.

Роланд был тронут, когда Флегг перед сном принес ему вино. Он выпил бокал двумя большими глотками и выразил надежду, что это вино его согреет.

Улыбаясь под капюшоном, Флегг сказал:

«Я уверен в этом, ваше величество».

Судьба или просто случай позволили Томасу увидеть в тот вечер Флегта в комнате отца — это уж решайте сами. Я расскажу только, *что* он видел, а случилось это из-за того, что Флегт многие годы пытался завоевать дружбу этого несчастного мальчика, у которого не было других друзей.

Я сейчас объясню, в чем дело, но сначала я должен сказать кое-что по поводу волшебства.

В историях о волшебстве фигурируют обычно три вещи, которые, якобы, умеет делать любой второразрядный чародей. Это превращение свинца в золото, изменение облика и делание себя невидимым. Настоящее волшебство — не легкая штука, а если вы другого мнения, попробуйте как-нибудь заставить исчезнуть вашу любимую тетюшку, когда она придет к вам погостить на недельку. Делать чудеса трудно, даже злые, хотя их легче делать, чем добрые.

Превратить свинец в золото можно, если знать нужные слова, но изменение облика и невидимость невозможны... если понимать эти слова в их подлинном смысле.

Иногда Флегт слышал истории о принцах, которые спасались от орд злодеев, сделав себя невидимыми, или о прекрасных принцессах (в сказках принцессы всегда прекрасны, хотя опыт Флегта говорил, что в большинстве случаев принцессы, продукт долгой цепи родственных браков, страшны как смертный грех и глупы как колода) превращали огромных людоедов в мух и легко их прихлопывали. Принцессы в сказках хорошо били мух, но Флегт сомневался, что реальные принцессы смогут прихлопнуть даже декабрьскую сонную муху. Да, в сказках все было просто.

На самом деле Флегг никогда такого не видел. Он знал великого андуанского волшебника, который верил, что можно изменить облик, но шесть месяцев медитации и почти неделя чтения заклинаний привели лишь к тому, что он отрастил себе нос в девять футов и сошел с ума. Флегг усмехнулся, вспомнив, что на этом носу росли желтые кривые ногти. Пусть великий волшебник, но он был дураком.

Невидимость казалась Флеггу столь же маловероятной. Можно было только сделать себя *тусклым*.

Да, *тусклый* — лучшее слово для этого, хотя иногда говорят «призрачный», «скрытый», «неявный». Невидимым он стать не мог, но, прочитав ряд заклинаний, он мог сделаться *тусклым*. Когда он в таком состоянии шел по коридору, и навстречу ему попадался слуга, глаза слуги внезапно устремлялись под ноги или на потолок. Если он входил в зал, разговор смолкал, и люди начинали встревоженно озираться. Свечи и факелы чадили и гасли. Но тот, кто хорошо знал человека, мог увидеть его и в *тусклом* состоянии, так что это не была невидимость.

В тот вечер, когда Флегг принес Роланду отравленное вино, он сделал себя тусклым. Он не думал, что его кто-нибудь увидит. Было около девяти, а замок при старом и больном короле ложился спать рано. «Когда королем будет Томас, — подумал Флегг, осторожно неся бокал по коридорам, — тут каждый вечер будут пиры. Он унаследовал любовь отца к пьянству, хотя больше любит вино, чем пиво и мед. Его легко будет приучить и к более крепким напиткам... Разве я не его друг? Когда Питер будет на Игле, а Томас на троне, пиры будут каждый день... пока это не надоест баронам и простонародью. Да, это будет последнее действие, самое интересное, но боюсь, что Томасу оно покажется чересчур горячим, как это вино его отцу».

Он не думал, что его увидят, и его не увидели. Несколько слуг, которые проходили мимо, просто отпрянули, будто наткнувшись на препятствие.

Но его все-таки видели. Томас видел его глазами Нинера, дракона, убитого когда-то его отцом. Томас смог это сделать потому, что Флегг сам его научил.

То, как отец обошелся со сделанной им лодкой, очень обидело Томаса. Но он все еще любил отца и хотел доставлять ему столько же радости, сколько Питер. И он хотел, чтобы отец любил его, как Питера, или хотя бы в половину меньше.

На беду, все идеи первыми приходили в голову Питеру. Когда он сообщал их Томасу, тот или называл их ерундой (пока они не воплощались в жизнь), или боялся взять за них ответственность. Так случилось, и когда Питер подарил отцу вырезанные им самим шахматы.

«Я подарю отцу кое-что получше этих игрушек», — заявил тогда Томас, но про себя он думал, что, если уж он не смог сделать простую деревянную лодку, то где уж ему справиться с двадцатью шахматными фигурами. Поэтому Питер вырезал их один, за четыре месяца — пехотинцев, стрелков, рыцарей, генерала, монаха — и конечно Роланд был в восторге, хоть они и получились немного неуклюжими. Он сразу убрал шахматы из слоновой кости, сделанные ему сорок лет назад великим Эллендером, и играл только в те, что сделал Питер. Когда Томас узнал об этом, он побежал к себе и лег в постель, хотя была середина дня. Он чувствовал себя так, будто кто-то заставил его съесть кусок его собственного сердца. Сердце было горьким, и он еще больше возненавидел Питера, хотя часть его все еще любила старшего брата.

Теперь об этом вечернем бокале вина.

Питер пришел к Томасу и сказал:

«Я подумал, что было бы здорово каждый вечер приносить отцу бокал вина. Я спросил у кравчего, и он сказал, что не может дать нам бутылку потому, что отчитывается за них перед главным винохранителем, но мы можем купить на свои деньги бутылку пятилетнего баронского — отец его особенно любит. Это совсем не дорого и...»

«И это самая большая чушь, какую я слышал! — взорвался Томас. — *Все вино принадлежит отцу, и он может пить его, сколько хочет. Почему мы должны отдавать наши деньги за то, что и так его? Чтобы обогащать этого толстяка кравчего?*»

Питер терпеливо пояснил:

«Ему будет приятно, если мы купим вино за свои деньги, хоть он им и владеет».

«Откуда ты знаешь?»

«Знаю», — просто сказал Питер.

Томас молчал. Откуда Питеру знать, что кравчий месяц назад поймал его в погребе, когда он пытался стащить бутылку вина? Старый хряк грозил рассказать отцу, если Томас не даст ему золотую монету, и Томасу пришлось дать, хотя он чуть не плакал от злости и обиды. *«Если бы это был Питер, ты бы отвернулся и сделал вид, что ничего не заметил, ублюдок, — думал он. — Потому что Питер скоро станет королем, а я навсегда останусь принцем».* Он подумал и о том, что Питер никогда не стал бы воровать вино из погреба, но эта мысль только добавила ему злости.

«Я только думал...» — начал Питер.

«Думал, думал, — передразнил Томас. — Иди подумай о чем-нибудь другом. Если отец узнает, что ты платишь кравчему за его собственное вино, он со смеху лопнет».

Но Роланд не лопнул со смеху — напротив, он назвал Питера хорошим сыном, почти со слезами в голосе. Томас видел это потому, что он следил за тем, как Питер в первый раз принес отцу вино. Следил через глаза дракона.

Если бы Флегга прямо спросили, зачем он показал Томасу это место и секретный ход к нему, он, пожалуй, и сам не смог бы ответить. Он не знал точно, *зачем* он это сделал. Замок был очень стар, со множеством потайных дверей и ходов, и Флегг знал многие из них (все не знал никто, даже он), но Томасу он показал только этот. Безошибочный инстинкт, какой обычно подсказывает людям сделать как лучше, подсказал ему: «так будет хуже» — и Флегг подчинился. Ведь «хуже» было его целью и смыслом жизни.

Он взял за правило заглядывать в комнату Тома и кричать: «Томми, что-то ты загрустил! Я хочу тебе кое-что показать. Пойдем посмотрим!» Он всегда говорил: *«ты загрустил, Томми»* или *«что-то ты нос повесил, Томми»* потому, что чуял, когда Томасу особенно тоскливо, и приходил именно в эти моменты. Флегг знал, что Томас боится его, но знал и о том, что Томасу очень нужен друг, и он не будет особенно разборчив в выборе. Флегг знал это, но Томас всегда прятал свой страх и позволял себе думать лишь, что Флегг — отличный парень и любит шутить... хотя шутки у него немного странные.

Вам странно, что Флегг знал про Томаса что-то, чего не знал сам Томас? Но это не так уж странно. Душа человека, особенно ребенка, как колодец — глубокий колодец с чистой водой. И когда какая-то мысль очень неприятна человеку, он прячет ее в ящик и бросает в колодец, на самое дно. Он слышит всплеск — и неприятной мысли как не бывало. Но она остается. Флегг, очень

старый и очень умный, знал, что даже самый глубокий колодец имеет дно, и, если что-то исчезло с глаз, это не значит, что оно действительно исчезло. И он знал, что ящики, в которых заключены дурные мысли и чувства, гниют, и эта гниль может отравить всю воду и сделать человека безумным.

Если чародей иногда показывал Томасу пугающие вещи, то лишь потому, что знал — чем больше Томас его боится, тем крепче его власть над мальчиком... потому что он знал, что Томас слаб и очень одинок, и хотел убедиться, что он побросает на темное дно своей души достаточно ящиков с заключенными в них страхами. А если он и сойдет с ума, когда станет королем, что с того? Так Флеггу будет только легче управлять им.

Откуда Флегг узнавал, что Томасу плохо? Иногда он видел это в своем магическом кристалле, а чаще просто чувствовал это — своим инстинктом зла, о котором мы уже говорили.

Однажды он повел Томаса в восточную башню, на самый верх — они карабкались по ступенькам, пока Томас не стал задыхаться, хотя Флегг не проявлял никаких признаков усталости. Наверху была дверь, такая маленькая, что даже Томас еле протиснулся в нее. За дверью — комната, покрытая толстым слоем пыли, с одним-единственным окном. Флегг молча подвел его к окну, и перед Томасом открылся дивный вид — весь город, предместья и на горизонте — голубые горы, за которыми лежал Восточный баронат. Он подумал, что это зрелище стоит любой боли в ногах, и повернулся, чтобы поблагодарить Флегга, но что-то в бледном лице чародея, как всегда спрятанном под капюшоном, заставило его замолчать.

«А теперь посмотри на *это*», — Флегг поднял руку. Из его пальца вырвался луч голубоватого света, и сухой шелест в комнате, который Томас сначала принял за веяние ветра, превратился в хлопанье множества крыльев. Мгновение спустя Томас закричал и кинулся назад к двери, закрывая голову руками. Из этой комнаты откры-

вался лучший вид на город, если не считать камеры на вершине Иглы, но теперь он понял, почему ее никто не посещал. Потолок комнаты сплошным слоем покрывали летучие мыши, и теперь, потревоженные светом, они с пронзительным писком бороздили воздух. Уже позже, когда они ушли, Флегг успокоил Томаса, который терпеть не мог летучих мышей, уверяя его, что он хотел только развеселить его. Томас поверил... но еще много недель спустя он с криком просыпался от кошмаров, в которых огромные летучие мыши пикировали на него и вцеплялись когтями в его лицо.

В другой раз Флегг отвел его в королевскую сокровищницу и показал штабеля слитков золота, пирамиды золотых монет и сундуки с надписями «изумруды», «алмазы», «рубины» и так далее.

«И там действительно драгоценности?» — спросил Томас.

«Посмотри сам», — Флегг открыл один из сундуков и достал оттуда пригоршню неограниченных изумрудов, которые осветили воздух зеленым блеском.

«О мой Бог!» — выдохнул Томас.

«Это еще что! Ты посмотри сюда: пиратские сокровища!»

Он показал Томасу груды сокровищ, отнятых у пиратов двадцать лет назад. Сокровищница королевства была богатой, ее служители не торопились, и эту часть поступлений еще не рассортировали. Томас горящими глазами смотрел на тяжелые мечи, кинжалы с лезвиями, инкрустированными алмазной крошкой, булавы с шипами из обсидиана.

«И все это принадлежит короне?»

«Все это принадлежит твоему отцу, — поправил Флегг, хотя на деле Томас был больше прав. — А когда-нибудь будет принадлежать Питеру».

«И мне», — сказал Томас с простодушием десятилетнего мальчика.

«Нет, — Флегг постарался окрасить свой голос сожалением, — только Питеру. Он ведь будет королем».

«Он поделится, — сказал Томас, но в эту реплику вкралась доля сомнения. — Питер *всегда* делится».

«Конечно, ты прав. Питер, должно быть, поделится. Но никто *не заставит* его поделиться. Никто ведь не может заставить короля, — он взглянул на Томаса, чтобы убедиться, что тот понял, потом оглядел полутемную сокровищницу. Где-то рядом служитель монотонным голосом считал дукаты. — Столько сокровищ, и все одному. Есть над чем подумать, правда, Томми?»

Томас ничего не сказал, но Флегг все равно был рад. Он видел, что Томас задумался, и что еще один ящик с отравленным содержимым плюхнулся в колодец его души — *плюх!* Так оно и случилось позже, когда Питер предложил Томасу купить на свои деньги бутылъ вина, тот подумал о громадной сокровищнице, которая вся достанется его брату. *Легко тебе говорить о деньгах! Ведь скоро все сокровища мира будут твоими!*

А потом, примерно за год до того, как Флегг поднес королю отравленное вино, он показал Томасу этот потайной ход. И тут его обычно безошибочный инстинкт зла дал осечку. Впрочем, об этом вам лучше судить самим.

«Что-то ты нос повесил, Томми!» — воскликнул Флегг. В тот раз капюшон его был откинут, и он выглядел почти нормально.

Почти.

Томми и правда было не по себе. Он пережил долгий обед, в течение которого отец хвалил Питера за успехи в геометрии и навигации в самых лестных выражениях. Сам Роланд в этом ничего не понимал. Он знал, что у треугольника три стороны, а у квадрата четыре; что, заблудившись в лесу, можно найти выход по Древней звезде. На этом его знания кончались, да и Томаса тоже, поэтому Томасу и было так плохо за обедом. Кроме того, мясо было как раз таким, какое любил отец — недожаренным, с кровью, — а от мяса с кровью Томаса всегда тошнило.

«Обед не улегся в желудке, вот и все», — сказал он.

«Ладно, я знаю кое-что, что тебя развеселит, — заявил Флегг. — Покажу тебе один секрет замка».

Томас играл с большим длинноногим жуком. Он посадил его на стол и окружил учебниками, передвигая их, когда озабоченно жужжащий жук пытался выползти.

«Я устал», — сказал Томас, и это была правда. Он всегда уставал, когда слышал, как хвалят Питера.

«Тебе обязательно понравится», — тон Флегга был заискивающим... но и немного угрожающим.

Томас в сомнении взглянул на него:

«А там нету летучих мышей?»

Флегг весело рассмеялся, но от этого смеха по спине у Томаса пробежали мурашки. Он хлопнул Томаса по спине.

«Никаких мышей! Тепло и светло! И ты сможешь подглядеть за своим отцом, Томми».

Томас знал, что подглядывать — это почти то же самое, что шпионить, а шпионить нехорошо, но соблазн был слишком велик, и когда жук в очередной раз попытался сбежать, он не стал его ловить.

«Ладно, — сказал он, — но никаких летучих мышей».

Флегг обнял его за плечи.

«Никаких, Томми. И еще — ты не только увидишь отца, но увидишь его глазами его самого большого трофея».

Глаза Томаса вспыхнули интересом. Рыбка попалась на крючок.

Флегг повел его по лабиринту коридоров, в которых вы, да и я, тут же заблудились бы, но Томас находил дорогу так же легко, как вы в своей спальне — во всяком случае, пока его вел Флегг.

Они почти дошли до покоев короля, когда Флегг вдруг открыл какую-то дверцу, которой Томас никогда не видел. Конечно, она всегда была здесь, но в таких больших и древних замках двери и целые крылья часто становятся *тусклыми*.

Проход был очень узким. Служанка со стопкой простыней так испугалась, встретив в этом каменном горле королевского чародея, что прижалась к стене и с радостью просочилась бы сквозь камень, если бы могла. Томас чуть не рассмеялся — иногда с Флеггом он чувствовал себя более уверенно. Больше им никто не встретился.

Откуда-то снизу донесся лай собак, что позволило Томасу догадаться, где они находятся. Во дворце жили только охотничьи собаки отца, такие же старые, как он. Роланд хорошо знал, как ноют от холода старые кости, и распорядился устроить конуры собак прямо в замке, ярах в тридцати от своих покоев. Теперь они лаяли, напоминая, что их пора кормить.

Флегг остановился так внезапно, что Томас едва не налетел на него. Чародей оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что они одни.

«Четвертый камень от пола, — сказал он. — Надави на него. Скорее!»

Конечно, это была тайна, а тайны Томас любил. Он быстро отсчитал четыре камня и нажал. Он ожидал какого-нибудь фокуса, но не того, что случилось.

Камень легко углубился дюйма на три, раздался щелчок, и кусок стены отъехал, открыв вертикальный темный проем. Это была вовсе не стена, а огромная потайная дверь. Челюсть Томаса так и отвисла.

«Быстрее, идиот! — рывкнул Флегг, рванув его за рукав. Он уже не пытался произвести впечатление на Томаса, как обычно — он был действительно встревожен. — Давай же!»

Томас взглянул в темное отверстие, снова вспомнив о летучих мышах. Но один лишь взгляд на Флегга показал ему, что сейчас не время обсуждать этот вопрос.

Он открыл дверь пошире и шагнул в темноту. Флегг последовал за ним, не забыв закрыть за собой вход. Темнота стала полной, но прежде чем Томас успел что-либо сказать из указательного пальца Флегга снова брызнула струя голубоватого света.

Томас невольно съежился и вскинул руки.

«Никаких мышей, — Флегг усмехнулся. — Разве я не обещал?»

Верно, потолок было очень низким, и без всяких летучих мышей. При свете, идущем из пальца Флегга, Томас видел весь потайной ход футов двадцать пять длиной, обшитый досками.

Собаки по-прежнему глухо лаяли невдалеке.

«Когда я говорю «быстрее», слушайся, — Флегг нагнулся к Томасу, в полумраке сам похожий на летучую мышь. От чародея исходил неприятный запах каких-то лекарств и сушеных трав. — Ты теперь знаешь про этот ход и можешь им пользоваться, но, если тебя поймают, скажешь, что нашел его сам, случайно».

Тень пододвинулась ближе, заставляя Томаса сделать еще шаг.

«Если ты скажешь, что это я тебе его показал, Томми, ты пожалеешь».

«Не скажу», — прошептал Томас дрожащим голосом.

«Вот и хорошо. Но лучше, чтобы никто тебя не заметил. Шпионить за королем — серьезное дело. А теперь иди за мной и не шуми».

Дальняя стена хода тоже была обшита досками, но, подойдя ближе, Томас заметил в ней две маленьких панели. Флегг погасил свет.

«Никогда не открывай их при свете, — прошептал он в полной темноте. — Он может заметить. Он стар, но еще хорошо видит».

«А что...»

«Тссс! Слышит он тоже неплохо».

Томас замолчал, слыша, как сердце колотится в его груди. Он чувствовал непонятное возбуждение. Потом ему казалось, что он каким-то образом знал, что должно произойти.

В темноте что-то скрипнуло, и внезапно показался тусклый луч света. Еще скрип — и второй луч прорезал пространство. Флегг наклонился к отверстиям, на миг закрыв свет, потом отступил и поманил Томаса.

«Взгляни», — прошептал он.

Еще более взволнованный, Томас осторожно приблизил глаза к отверстиям. Он видел все четко, хоть и через странную зеленовато-желтую дымку. Перед ним были покои отца, и сам Роланд сидел у огня в своем любимом кресле с высокой спинкой.

Покои, которые король часто называл «берлогой», были величиной с обычный дом. По стенам горели факелы, а между ними были укреплены головы зверей: медведей, оленей, лосей, антилоп. Была здесь даже голова легендарного Фойна, которого у нас называют птицей Феникс. Томас не видел головы Нинера, дракона, убитого отцом задолго до его рождения, но сначала он этого не заметил.

Отец зябко кутался в плед. Перед ним стояла кружка чая.

Вот и все, что происходило в этой огромной комнате, способной вместить (а иногда и вмещавшей) две сотни человек: старый король пил свой одинокий чай. Но Томас

глядел на это, не в силах оторваться. Сердце его готово было выскочить из груди. Кровь тяжело стучала в голове. Руки сжались так крепко, что потом он обнаружил на ладонях красные отметины от ногтей.

Вы спросите: неужели его так возбудил просто вид старика, пьющего чай? Ну, во-первых, это был не обычный старик, а его отец и к тому же король. И потом, наблюдать за человеком, который тебя не видит, очень интересно, даже если он не делает ничего особенного.

Но это и очень стыдно — подглядывать, что делают люди, когда думают, что их никто не видит, — и Томас чувствовал, что ведет себя плохо, но не мог оторваться от представшего перед ним зрелища, пока Флегг не прошептал:

«Знаешь, где ты, Томми?»

«Я... не знаю», — хотел он сказать, но, конечно, он знал. Хоть он и плохо разбирался в геометрии, но ориентироваться в пространстве мог. Внезапно он понял, что имел в виду Флегг, когда говорил, что он, Томас, увидит отца глазами его самого большого трофея. Он глядел на отца из середины западной стены... А именно в этом месте висела голова Нинера, дракона, убитого отцом.

Томас зажал рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

Флегг, тоже улыбаясь, снова закрыл панели.

«Нет! — запротестовал Томас. — Я хочу еще!»

«Не сегодня. На этот раз хватит. Ты сможешь прийти, когда захочешь... хотя, если ты будешь бегать сюда слишком часто, тебя наверняка поймают. А теперь пошли».

Флегг зажег волшебный свет и повел Томаса обратно, потайным ходом, к отверстию в стене. Перед тем, как выйти, он обратил внимание Томаса на глазок в деревянной обшивке. Томас увидел на другой стороне коридора нишу с зеркальными стенками, в которых отражались оба конца коридора.

«Всегда смотри в глазок перед тем, как выйти, — предупредил Флегг. — Пусто?»

«Да», — прошептал Томас в ответ.

Флегг надавил какую-то пружину, и дверь открылась.

«Теперь скорее!» — они вышли, опять захлопнув дверь за собой.

Через десять минут они уже были в комнате Томаса.

«Ну хватит на сегодня, — сказал Флегг. — Помни, что я сказал, Томми: не ходи туда слишком часто, чтобы тебя не поймали, а если тебя поймают — глаза его мрачно блеснули, — скажи, что нашел это место случайно».

«Хорошо», — быстро сказал Томас. Голос его скрипнул, как несмазанная петля. Когда Флегг вот так смотрел на него, его сердце всегда дрожало, подобно птице, бьющейся в клетке.

Томас последовал совету Флегга, но иногда он пользовался потайным ходом и подглядывал за отцом через стеклянные глаза Нинера — за отцом, который всегда в том мире был странного зеленовато-желтого цвета. После этого у него всегда болела голова, должно быть, оттого, что он наблюдал все глазами дракона, в которых все отражалось высохшим и готовым вспыхнуть. Это принесло и другие новые ощущения. Если раньше он любил отца, горевал, что тот недостаточно его любит, иногда боялся, то теперь он впервые начал жалеть его.

Когда Томас заставлял отца в чьем-нибудь обществе, он сразу уходил. Он смотрел долго, только когда отец был один. Раньше Роланд редко оставался один, даже в своей «берлоге» — всегда находилось какое-нибудь срочное дело и проситель, которого нужно было выслушать.

Но эти времена ушли вместе с властью и здоровьем. Теперь Роланд с тоской вспоминал, как жаловался Саше или Флеггу: «Когда же они оставят меня в покое?» Теперь, когда это случилось, он жалел о них.

Томас жалел отца потому, что люди редко хорошо выглядят, когда они одни. В обществе они всегда носят маски. А что под ними? Какой-нибудь жуткий монстр, от которого все убежали бы с воплями? Бывает и так, но обычно там не скрывается ничего плохого. Обычно то, что мы прячем под маской, может вызвать у людей смех, или отвращение, или и то и другое вместе.

Томас увидел, что его отец, которого он любил и боялся и который казался ему величайшим человеком в мире, в

одинокостью становится другим. Он мог ковырять в носу, вытаскивать оттуда засохшие зеленые сопли и рассматривать их на свет с мрачной сосредоточенностью, как ювелир — редкий камень. Он вытирал их о свое кресло, а некоторые, как это ни жаль, даже съедал с тем же сосредоточенным выражением на лице.

Питер приносил ему вечером бокал вина, но, когда Питер уходил, он выпивал огромное количество пива (много позже Томас понял, что отец не хотел, чтобы Питер это видел) и после этого мочился в камин.

Он говорил сам с собой. Иногда он бродил по комнате, спотыкаясь и разговаривая то ли с собой, то ли с головами зверей.

«Я помню, как мы тебя взяли, Бонси, — обращался он к лосиной голове (зачем-то он награждал каждый из своих трофеев именами). — Со мной тогда были Билл Сквоттингс и тот парень с бородавкой на роже. Помню, ты побежал через лес, и Билл промазал, и парень с бородавкой промазал, и я тоже...»

И он демонстрировал, как он промазал, поднимая ногу и пуская ветры, и размахивал руками, и смеялся стариковским, кашляющим смехом.

Тогда Томас закрывал панели и проскальзывал назад в коридор с виноватой усмешкой мальчика, который ест незрелые яблоки, хотя знает, что его от них будет тошнить.

Это отец, которого он так любил и уважал?

Это был старик, который пускал ветры и ел собственные сопли.

Это король, которого верные подданные называли Роланд Добрый?

Он мочился в камин, поднимая клубы вонючего пара.

Этот человек разбил его сердце, не оценив сделанную им лодку?

Он говорил с чучелами на стенах, называя их глупыми кличками вроде Бонси, Рогач или Волосатая Рожа.

«Мне больше нет до тебя дела, — думал Томас, оглядывая в зеркало коридор и пробираясь потом в свою

комнату. — *Ты просто глупый старик, и мне плевать на тебя. Плевать, слышишь?»*

Но Томасу было до него дело. Часть его все еще любила отца и хотела пойти к нему, чтобы Роланд говорил с ним, а не со звериными головами.

Но другая его часть предпочитала подглядывать.

Вечером, когда Флегг принес королю Роланду бокал отравленного вина, Томас впервые за долгое время осмелился подглядеть за отцом. Тому была причина.

За три месяца до того, как-то ночью, Томас не мог уснуть. Он ворочался, пока часовой на башне не прокричал одиннадцать. Тогда он встал, оделся и, крадучись, вышел из комнаты. Через десять минут он уже заглядывал в берлогу отца. Роланд не спал и был сильно пьян.

Томас много раз видел отца пьяным, но не до такой степени. Он был удивлен и даже испуган.

Многие люди постарше Томаса думают, что старость — тихое время. Тихая мудрость, тихая ворчливость или даже старческий маразм. Они верят, что к семидесяти жар души превращается в угли. Но в ту ночь Томас убедился, что эти угли могут иногда вспыхивать ярким пламенем.

Отец в развевающемся халате быстро ходил из угла в угол. Его ночной колпак слетел и остатки волос торчали непричесанными космами. Он не спотыкался, как обычно, хоть и покачивался при ходьбе по-матросски. Когда он наткнулся на стул с высокой спинкой, стоявший прямо под оскаленной головой рыси, он просто отшвырнул его прочь с рычанием, заставившим Томаса вздрогнуть. Стул ударился о стену, оставив вмятину на железном дереве — в этом состоянии к королю вернулась былая сила.

Он устался на голову рыси красными воспаленными глазами.

«Укуси меня! — прорычал он, опять заставив Томаса подскочить в своем укрытии. — Укуси, или ты боишься?

Слезай оттуда, Крэйкер! Прыгай! Вот моя грудь, — он распахнул халат, обнажив волосатую грудь, и оскалился своими немногочисленными зубами в ответ на великолепный оскал рыси. — Давай, прыгай! Я удавлю тебя этими вот руками! *Я вырву твои вонючие потроха!*»

Он стоял так какое-то время, с голой грудью и поднятой головой, сам похожий на зверя — на старого оленя, затравленного охотниками. Потом он пошел дальше, остановился под головой медведя и осыпал ее такими ужасными проклятиями, что оцепеневшему Томасу показалось, что сейчас разгневанный дух зверя оживит мертвую голову, и та зубами перервет горло отцу.

Но Роланд уже шел дальше. Он залпом осушил серебряную чашу, не обращая внимания на стекающую с подбородка пену, и швырнул ее о каминную полку с такой силой, что металл погнулся.

Теперь отец направлялся к нему, отшвырнув по пути еще один стул. Миг — и его горящие глаза встретили взгляд Томаса. Мальчик почувствовал, как его наполняет серый, липкий ужас.

Отец смотрел на него, оскалив желтоватые зубы, пуская изо рта пиво, смешанное со слюной.

«Ты, — прошептал Роланд низким, страшным голосом. — Что ты пялишься? Что ты хочешь увидеть?»

Томас не мог двинуться. «Найдут, — простонал его разум. — *Клянусь всеми богами, меня найдут и упрячут в темницу!*»

Томас был уверен, что отец говорит с ним, но это было не так — Роланд говорил с Нинером, как и с прочими головами. Если Томас мог видеть его через стеклянные глаза, то и отец мог видеть его, если бы не был так пьян. К тому же, Томас был настолько парализован страхом, что глаза его почти не двигались. А если и двигались, и отец заметил это, то что он мог подумать? Что дракон оживает? В таком состоянии он вполне мог в это поверить. Если бы Томас в это время моргнул, Флеггу, возможно, не пришлось бы прибегать к яду. Старое сердце короля могло бы не выдержать такого испытания.

Внезапно Роланд качнулся вперед.

«ЧЕГО ТЫ ПЯЛИШЬСЯ? — прорычал он, и, конечно же, он говорил с Нинером, последним драконом Делейна, хотя Томас этого не знал. — Что ты на меня уставился? Я делал все, что мог, всегда делал все, что мог! Разве я просил об этом? Ну, отвечай! Я делал все, что мог, и посмотри на меня теперь! Посмотри на меня!»

Он опять распахнул халат, открыв нагое волосатое тело с серой кожей.

«Посмотри на меня!» — повторил он и опустил голову, сотрясаясь в рыданиях.

Томас больше не мог этого вынести. Он закрыл панели за глазами дракона и вслепую кинулся прочь по темному ходу, ударившись о закрытую дверь. Не обращая внимания на льющуюся со лба кровь, он вскочил, дрожащими руками нашарил пружину и пустился бежать по коридору, даже не убедившись, что его никто не видит. Перед ним стояли налитые кровью глаза отца, и он слышал только его вопль: «Что ты на меня уставился?»

Он не знал, что отец уже впал в пьяное забытие. Когда Роланд проснулся утром с ужасной головной болью и ноющими суставами (все же он был уже слишком стар для таких нагрузок), он первым делом взглянул на драконью голову. Когда он был пьян, ему редко что-нибудь снилось, но этой ночью ему приснился страшный сон: стеклянные глаза дракона задвигались, и Нинер возвратился к жизни. Ондохнул на него своим мертвящим дыханием, и король почувствовал, как невыносимый жар охватывает его тело.

Жуткое видение еще стояло у него перед глазами, когда он, проснувшись, огляделся вокруг. Но все было, как всегда. Нинер смотрел со стены, выставив раздвоенный язык за частокол зубов, похожих на копья. Его зеленоватые-желтые глаза застыли навеки. Над ним висели лук Роланда и великая стрела, до сих пор черная от драконьей крови. Он пересказал сон Флеггу, который только молча кивнул, а потом и вовсе забыл о нем.

Но Томас не мог забыть. Он просыпался от кошмаров, в которых отец смотрел на него и кричал: «Смотри, что

ты сделал со мной?» — обнажая отвисший живот, вялые мускулы, старые уродливые рубцы на теле. Он словно говорил, что это вина Томаса, что если бы он не шпионил...

«Почему ты не ходишь к отцу? — спросил его как-то Питер. — Он думает, что ты сердишься на него».

«Что я сержусь на него?» — Томас был удивлен.

«Так он сказал за чаем, — Питер внимательно поглядел на брата, на его бледное лицо и синяки под глазами. — Том, что случилось?»

«Ничего», — медленно проговорил Томас.

На следующий день он вышел к чаю, где его ждали отец и брат. Это потребовало от него немалой храбрости — иногда и Томас обнаруживал храбрость, обычно когда его припирали к стенке. Отец поцеловал его и спросил, что с ним такое. Томас пробормотал, что неважно себя чувствует, хотя на самом деле *теперь* он чувствовал себя хорошо. Отец неуклюже обнял его и потом вел себя, как обычно — то есть все внимание уделял Питеру. На этот раз Томас был благодарен ему за это. Ему не хотелось, чтобы отец обращал на него слишком много внимания. Той ночью, лежа без сна и слушая вой ветра, он решил, что никогда больше не будет подглядывать за отцом. Постепенно кошмары стали приходить к нему реже и, наконец, прекратились.

Но главный конюший Иосиф был прав: мальчишки легко дают обещания и легко о них забывают. В конце концов желание Томаса шпионить за отцом пересилило его страх и благие намерения. И случилось это как раз в ту ночь, когда к его отцу пришел Флегг.

Когда Томас открыл панели, отец с братом допивали их вечерний бокал. Питер был теперь семнадцатилетним парнем, высоким и красивым. Они сидели у камина, попивая вино и разговаривая, как старые друзья, и Томас почувствовал, как старая ненависть опять разъедает его сердце. Через какое-то время Питер встал и вежливо попросил разрешения уйти.

«Ты каждый вечер уходишь все раньше», — заметил Роланд.

Питер что-то пробормотал.

Роланд улыбнулся печально-понимающей улыбкой, почти уже беззубой.

«Я слышал, она хорошенькая».

Питер выглядел растерянным, что было на него непохоже. Он стал оправдываться — тоже необычно.

«Иди, — прервал его Роланд. — Будь с ней ласков... но не прячь жар, если он есть в тебе. Старость холодна, Питер, поэтому пусть твой огонь горит ярко, пока хватает топлива».

Питер улыбнулся:

«Отец, ты говоришь, как глубокий старик, но для меня ты все еще молод и силен».

Роланд обнял его.

«Я люблю тебя», — сказал он.

«Я тоже люблю тебя отец», — Питер обнял его в ответ, и Томас в своей одинокой темноте (шпионял всегда в одиночестве и почти всегда в темноте) поморщился.

Питер ушел, и примерно полчаса ничего не происходило. Роланд сидел у камина, попивая пиво стакан за стаканом. Он не рычал, не говорил со звериными головами, не крушил мебель. Томас уже хотел уходить, когда в дверь постучали.

Роланд смотрел на огонь, замороженный пляшущими языками пламени. Потом он поднял голову.

«Кто там?»

Томас не услышал ответа, но отец встал и открыл дверь. Сперва Томас подумал, что его привычка говорить с головами на стенах приобрела новый оборот, и он начал говорить с воображаемыми людьми.

«Странно видеть *тебя* в такой час, — сказал Роланд, отходя к камину вместе с невидимым собеседником. — Я думал, в это время тебя не оторвать от зелий и заклинаний».

Томас потерял глаза и увидел, что в комнате кто-то есть. Еще мгновение спустя он удивлялся, как он мог не заметить Флегга. Чародей как всегда был в капюшоне и держал серебряный поднос с двумя бокалами вина.

«Бабы сплетни, мой король. Заклинания можно читать и днем. Но нужно, конечно, соблюдать обычаи».

Пиво всегда улучшало чувство юмора Роланда — до такой степени, что он часто смеялся над совсем не смешными вещами. Вот и теперь он откинул голову и громко захохотал. Флегг тоже улыбнулся.

«Что это, вино?» — спросил король, отрывисто смеясь.

«Ваш сын еще мальчик, но его уважение к отцу и королю устыдило меня, старика. Я принес вам бокал вина, мой король, чтобы показать, что тоже люблю вас».

Роланд выглядел даже смущенным.

«Не пей, отец!» — вдруг захотелось крикнуть Томасу. Голова Роланда дернулась, будто он услышал.

«Он молодец, мой Питер», — сказал король.

«Да, ваше величество. Все так говорят».

«Правда? — у Роланда был довольный вид. — Они это говорят?»

«Да. Выпьем за это?»

«Нет, отец!» — снова мысленно прокричал Томас, но на этот раз Роланд не услышал. Его лицо сияло любовью к старшему брату Томаса.

«За Питера!» — король поднял бокал.

«За Питера, — согласился Флегг, улыбаясь. — За короля».

Томас вздрогнул. *Флегг поднял два разных тоста! Не знаю, почему, но это... Отец!*

На этот раз Флегг устремил взгляд к драконьим стеклянным глазам, будто услышал эту мысль. Томас застыл, и глаза чародея, томные и пронизывающие, вновь вернулись к королю.

Они чокнулись и выпили. Когда отец осушил бокал, Томас почувствовал ледяной укол в сердце.

Флегг повернулся на стуле и бросил бокал в камин.

«За Питера!»

«За Питера!» — подхватил Роланд и швырнул следом свой бокал. Разбившись о кирпич, бокал вспыхнул на миг зловещим зеленоватым пламенем.

Роланд поднес ко рту руку, словно собираясь икнуть.

«Странное у тебя вино, — заметил он. — Оно не прокисло?»

«Нет, мой король», — сказал Флегг серьезно, но Томас услышал в его словах усмешку, и ледяное жало еще глубже скользнуло в его сердце. Ему не захотелось смотреть дальше, и он закрыл панели и прокрался к себе. Его бросало то в жар, то в холод. К утру он слег с температурой, а когда он выздоровел, отец был уже мертв, брат заключен в камеру на вершине Иглы, и он объявлен королем в двенадцать лет — Томасом Светоносным. И кто стал его ближайшим советником?

Можно догадаться.

Когда Флегг ушел от Роланда (старик чувствовал себя лучше обычного — верный знак, что Дракониий Песок начал действовать), он вернулся в свой подвал. Он достал коробочку с оставшимся ядом и серебряные щипчики из ящика стола, перевернул песочные часы и погрузился в чтение.

За окном опять выл ветер — старухи ворочались в своих постелях и говорили мужьям, что Рианнон, Черная Ведьма, оседлала в эту ночь свою метлу. Мужья ворчали, чтобы они спали и не морочили им голову. Мужчины часто бывают глупы; женщины, особенно старухи, гораздо лучше чувствуют Невидимое Зло.

Паучок пробежал по книге Флегга, нечаянно коснулся заклинания, которое не осмеливался произнести ни один чародей, и обратился в камень.

Флегг усмехнулся.

Когда часы опустели, он снова перевернул их. И еще раз. И еще. Он переворачивал их восемь раз, и на исходе восьмого часа встал, чтобы завершить дело. В темной комнате рядом с кабинетом он держал множество разных животных, и в первую очередь пошел туда. Звери беспокойно завопили, и Флегг признавал, что у них есть для этого основания.

Он подошел к плетеной корзине с дюжиной бурых мышей — они бегали по всему замку, и это было особенно важно. Там были и крысы, но они пока не нужны. Жирная королевская крыса наверху отравлена, и доказать это вполне сможет простая мышь. Если все пройдет удачно, Питер скоро окажется в такой же корзине.

Флегг достал одну мышь и сжал ее в руке, чувствуя, как бешено колотится ее маленькое сердечко. Скоро она умрет от страха. Нужно спешить.

Он поднес к мыши мизинец левой руки, на миг вспыхнувший фиолетовым.

«Спи», — приказал он, и мышь вытянулась на ладони.

Флегг отнес ее в кабинет и положил на стол, где раньше лежал кусок обсидана. После этого он пошел в погреб и нацедил из дубового бочонка немного меда. На обратном пути он задержался у окна, чтобы хорошенько отдышаться.

Вернувшись в кабинет, он взял щипчики и быстро бросил в мед весь Драконий Песок, кроме нескольких зерен. Остатки он переложил в заготовленный новый пакет, а пакет положил в коробку. Они не смогут долго удерживать яд. Он не вырвется наружу — для этого ему не хватит воздуха, — но обожжет и дерево, и бумагу. Это входило в планы Флегга.

Чародею хотелось вдохнуть, но он задержался еще на мгновение, чтобы полюбоваться на коробку. Он украл ее десять лет назад, сам не зная толком, зачем (как он не знал, зачем показал Томасу потайной ход) — его вел инстинкт зла, и вот, наконец, коробка, пролежавшая все эти годы в его столе, пригодилась.

На крышке ее была надпись «Питер».

Саша подарила ее сыну, он на минуту оставил ее на столе и куда-то убежал, а проходивший мимо Флегг сунул коробку в карман. Принц, конечно, плакал, коробку искал, ни так ничего и не нашли.

Флегг уложил пакет с оставшимися зернами яда в старую коробочку, убрал ее в стол, отправил туда же щипчики и только после этого пошел к окну глотнуть свежего воздуха.

Мышь спала, коробка была закрыта, неопровержимая улика таилась внутри. Все в порядке.

Направив мизинец на мышь, неподвижно лежащую на столе, Флегг скомандовал:

«Проснись!»

Мышь открыла глаза и пошевелила лапками.

«Бегай».

Мышь забегала кругами.

«Прыгай».

Мышь начала прыгать, как ученая собака, дико вращая при этом бусинками глаз.

«Теперь пей», — Флегг указал пальцем на блюдечко с отравленным медом.

За окном по-прежнему завывал ветер. На окраине города собака разродилась выводком двухголовых щенят.

Мышь стала пить.

«Спи снова», — приказал Флегг, когда мышь выпила достаточно.

Он поспешил в комнаты Питера. Коробочку он спрятал в один из карманов — у чародеев всегда очень много карманов, — а спящую мышь в другой. Он миновал нескольких слуг и шумную компанию пьяных придворных, но его никто не заметил. Он все еще был *тусклым*.

Комнаты Питера были заперты, но для Флегга это не представляло трудности. Несколько пассов — и дверь отворилась. Комната была пуста — принц все еще со своей подружкой. Флегг не знал о Питере столько, сколько о его брате, но мог догадаться, где тот хранит сокровища, которые ему хочется спрятать.

Флегг направился прямо к книжным полкам и вынул несколько скучных словарей. Пошарив по деревянной стенке, он услышал скрип пружины. Стенка отодвинулась, открыв небольшой тайник, даже не запертый. Там лежали шелковая лента — подарок дамы Питера, пачка ее писем и несколько его писем, которые он не осмелился отправить. Еще там был медальон с портретом матери.

Флегг открыл коробку и очень осторожно надорвал угол пакета. Теперь все выглядело так, будто его прогрызла мышь.

«Ты так плакал, когда потерял эту коробку, милый Питер, — прошептал Флегг, ухмыльнувшись. — Думаю, когда ты ее найдешь, ты будешь плакать еще сильнее».

Он положил в тайник коробку и спящую мышь, закрыл его и поставил обратно книги.

В эту ночь он спал спокойно. Семена зла посеяны, и теперь он может действовать своим любимым способом — за кулисами, не видимый никем.

В следующие три дня король Роланд выглядел здоровей и веселее, чем многие последние годы — так говорили при дворе. Навестив больного брата, Питер рассказал, что оставшиеся волосы отца вдруг изменили цвет и стали из белых серо-стальными, как в его зрелые годы.

Томас улыбнулся, но его снова пробрала дрожь. Он спросил Питера о чем-то, но ему не нужен был ответ; ему нужно было забыть о том последнем странном тосте. Но он не мог.

На третий день, после обеда, Роланд пожаловался на изжогу. Флегг предложил позвать врача, но Роланд отмахнулся, заявив, что чувствует себя лучше, чем все последние месяцы, да что там — годы...

Он рыгнул. Это был длинный, скрипучий, сухой звук. Когда он повторился, толпа придворных, собравшихся в зале, изумленно замолчала. Музыканты перестали играть. Когда король выпрямился, по залу пронесся шепот удивления. На его щеках пылал румянец. Из глаз текли дымящиеся слезы, изо рта тоже шел дым.

В зале было около семидесяти человек — всадники (мы бы назвали их рыцарями) в кожаных мундирах, разодетые придворные со своими дамами, слуги, шуты, музыканты, труппа актеров, намеревавшихся позже сыграть пьесу. Но первым к обреченному королю подбежал именно Питер, и Флегг был рад этому.

Питер. Они запомнят, что это был Питер.

Роланд схватился руками за грудь. Дым валил из его рта серовато-белыми клубами. Король словно решил

показать своим подданным какой-то диковинный фокус.

Но это был не фокус. Дым начал выбиваться не только изо рта Роланда, но и из его ушей, ноздрей, даже из уголков глаз. Горло его стало пурпурным.

«*Дракон!* — прокричал король, отталкивая руки сына. — *Дракон!*»

Это было последнее произнесенное им слово.

Мучения короля были ужасны. От тела его исходил такой жар, что даже самые преданные слуги не могли находиться рядом с ним. Несколько раз на несчастного выливали ведра с водой, когда постель уже начинала дымиться. Каждый раз вода мгновенно превращалась в пар, затягивающий спальню, где лежал Роланд, и проникающий наружу, где в растерянном молчании застыли придворные и рыцари.

В полночь изо рта у него вырвалось зеленоватое пламя, и он умер.

Флегг открыл дверь спальни и сообщил эту новость собравшимся. Воцарившееся молчание было прервано одним-единственным словом. Флегг не знал, кто его сказал, и это было неважно. Главное, что слово сказано.

«Убийство!»

Все разом выдохнули.

Флегг закрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

Придворный врач сделал из одного слова три: «Убийство путем отравления». Он не мог сказать «отравления Драконьим Песком», поскольку никто, кроме Флегга, не знал об этом яде.

Уже к рассвету новость разошлась по городу и достигла Восточного, Западного, Южного и Северного баронатов: король Роланд Добрый убит, отравлен.

Но еще до этого Флегг организовал обыск замка от верхушки Восточной башни до темницы с ее дыбами и испанскими сапогами. Он велел немедленно докладывать ему обо всех подозрительных находках.

Шесть сотен мрачных людей обыскали весь замок... кроме комнат двух принцев, Питера и Томаса.

Томасу не было ни до чего дела; его лихорадка обострилась настолько, что врач опасался за его жизнь. В горячечном бреде он видел два стакана вина и вновь, и вновь слышал слова отца: «Странное у тебя вино. Оно не прокисло?»

Флегг все время был на ногах. Следующие несколько часов должны решить все. Король умер, королевство обезглавлено, но очень скоро у подножия Иглы коронуют нового короля, Питера, если его вина не будет как можно быстрее доказана.

При других обстоятельствах Питера заподозрили бы сразу же. Люди всегда подозревают тех, кому выгодно преступление. Но в этом случае все говорили о горе принца, а не о выгоде. Конечно, *Томас* тоже потерял отца, думали они тут же. Но Томас был глупым, неуклюжим

парнем, и отец его не очень-то жаловал. А взаимная любовь Роланда и Питера была известна всем. К тому же люди могли спросить, если такая мысль и приходила к кому-нибудь в голову: зачем Питеру убивать отца, если он и без того должен скоро взойти на трон?

Но если свидетельства преступления будут найдены в тайнике принца, все обернется иначе. Тогда люди увидят под маской любви и уважения лицо коварного убийцы. Они могут заметить, что молодые не любят ждать, что три года кажутся им вечностью. Могут решить, что, увидев необычную бодрость короля в последние дни, Питер запаниковал и в жажде власти совершил это чудовищное и глупое преступление.

Флегг знал и еще кое-что: что в глубине души люди недолюбливают всех королей и принцев, всех, от кого зависит их жизнь и смерть. Великих королей любят, обычных только терпят. Питера все любили, но Флегг знал, что они так же быстро осудят и возненавидят его.

И такой случай им скоро представится.

Маленькой мышью окажется достаточно, чтобы потрясти королевство до основания.

В Делейне знали только три возраста: детство, отрочество и зрелость. Отрочество длилось с четырнадцати до восемнадцати.

Когда Питер достиг этого возраста, всех его нянек и воспитателей сменили Брендон, дворецкий, и его сын Деннис. Брендону было уже под пятьдесят, и когда-нибудь Деннис должен был сменить его при Питере. Семейство Брендона служило короне уже почти восемьсот лет, чем чрезвычайно гордилось.

Деннис каждое утро просыпался в пять, одевался, чистил сюртук отца и его туфли и сонно плелся на кухню завтракать. Без четверти шесть он выходил из своего дома у западной стены замка и входил в замок через особую дверь. Около шести он добирался до спальни Питера и принимался за утренние труды — растапливал печку, готовил завтрак, кипятил чай. Потом обходил три комнаты принца, смотря, все ли в порядке. С этим обычно проблем не было, поскольку Питер был аккуратным мальчиком. После этого он накрывал завтрак в учебной комнате — Питер любил завтракать именно там, читая какую-нибудь книгу по истории.

Деннис не любил рано вставать, но ему нравились и его работа, и сам Питер, который был очень добр к нему. Он только раз повысил голос — когда Деннис к ланчу забыл принести ему салфетку.

«Прошу прощения, ваше высочество, — сказал тогда Деннис. — Я просто не подумал...»

«Так думай в следующий раз!» — Питер не кричал, но был близок к этому. С тех пор Деннис никогда не

забывал приносить ему салфетку, а иногда и две, для подстраховки.

Сделав утренние дела, Деннис отступал в тень, уступая место отцу. Брендон был дворецким до кончиков ногтей — с его туго затянутым галстуком, заплетенными в косичку волосами, безукоризненными пуговицами и туфлями, натертыми до зеркального блеска (это была заслуга Денниса). Но по вечерам, без галстука и со стаканом доброго джина в руке, он казался Деннису куда приятнее.

«Запомни, Денни, — частенько говорил он сыну в этом приятном состоянии, — в этом мире не так много вещей, которые длятся долго. Любовь не длится долго, и любая работа, и такой вот приятный вечер со стаканчиком — все это проходит. Но есть две долгие вещи: власть и служба. Если ты хорошо служишь своему хозяину, то и он хорошо послужит тебе, и вы оба будете довольны. А теперь налей-ка мне еще, и немного себе, только совсем немного, не то твоя мать шкуру с нас обоих спустит».

Конечно, многим сыновьям быстро надоели бы подобные наставления, но Деннис был не из таких. Он был из того редкого сорта сыновей, которые в двадцать лет все еще считают отцов умнее себя.

Утром после смерти короля Деннису не пришлось нехотя просыпаться в пять часов; его поднял отец в три с печальным известием.

«Флеет организует поиски, — сказал отец. — Скоро наш с тобой хозяин станет королем, и я хочу помочь ему выловить этого мерзавца».

«Я тоже!» — Деннис потянулся за рубашкой.

«Погоди, — голос отца был строгим. — Убийство или еще что, но порядок нужно соблюдать. Сегодня нашего хозяина должны короновать, хоть это и происходит в нехорошее время. Смерть короля не на поле боя — всегда горе, но в такие времена надо еще больше соблюдать порядок. Поэтому ты приступишь к своей работе сегодня, как обычно».

Он вышел прежде чем Деннис успел заспорить.

В пять часов Деннис пересказал матери то, что сказал отец, и еще сказал, что он идет на работу, хотя Питера и нет на месте. Мать умирала от любопытства и велела ему вернуться не позже восьми и рассказать ей все новости.

Так Деннис оказался в пустых комнатах Питера. Он по заведенному распорядку подал завтрак в учебную комнату. Осмотрев посуду, он понял, что ею не пользовались со вчерашнего дня. Привычные занятия немного успокоили его, заставив поверить, что все опять пойдет как прежде, но теперь он понял, что все не так. Времена изменились.

Накрывая на стол, он услышал тихий звук. Сердце подпрыгнуло у него в груди, и он пустился на поиски. Скоро он увидел струйки дыма, тянущиеся из книжного шкафа. Он быстро достал книги, загораживающие источник дыма. Звук стал слышнее — какое-то животное пищало от боли.

Деннис в панике стал шарить руками по стенке шкафа, из-за которой выбивался дым. В те времена люди боялись не так уж многого, но на первом месте, несомненно, стоял пожар.

Довольно скоро он нащупал пружину, и панель отворилась, выпустив наружу клуб серого дыма. Флегг предусмотрел и это — тайник был не таким уж тайным, его легко можно было открыть. Вместе с дымом появилась отвратительная вонь — смесь горелого мяса, шерсти и тлеющей бумаги.

Не раздумывая, Деннис рванул панель на себя. Это пустило в тайник воздух, и то, что там дымилось, теперь вспыхнуло огнем.

Это был критический момент, когда Флеггу пришлось понадеяться на волю случая. Все его труды за семьдесят пять лет зависели от того, что сделает сын дворецкого за следующие пять секунд. Но Флегг решил, что достаточно хорошо изучил психологию потомственных дворецких, чтобы предсказывать их поведение.

Если бы Деннис в ужасе замер перед этими языками пламени или побежал за водой, чтобы его тушить, весь тщательно продуманный план Флегга мог рухнуть, и Питера благополучно короновали бы в тот же день.

Но чародей рассудил правильно. Вместо того, чтобы замереть или побежать за водой, Деннис затушил пламя голыми руками. Это заняло пять секунд, и он почти не обжегся. Когда дым рассеялся, он увидел лежащую на полу мышь. За свою службу Деннис убил десятки таких без всякой жалости, но сейчас ему стало жалко бедную тварь. С ней случилось что-то ужасное, чего он не мог объяснить. От ее шерсти струйками поднимался дым, и, коснувшись ее, он быстро отдернул руку — он будто дотронулся до маленькой печки вроде той, что была в Сашином кукольном доме.

Еще дым тянулся из деревянной коробочки, стоявшей рядом. Деннис приподнял крышку и увидел щипчики и бумажный пакет, который потемнел и дымился, но пока не горел. Дым шел от писем Питера, которые, конечно же, не были заколдованы. Мышь зажгла их своим пылающим тельцем.

Что-то подсказало Деннису, что не следует трогать пакет. Ему стало страшно. Он не хотел знать, что все это значит. Он знал только, что нужно скорее поговорить с отцом. Отец решит.

Деннис достал из-за печки мусорное ведро и совок, вернулся к шкафу и смел в ведро трупик мыши и пепел писем Питера. Выходя из комнаты, он захватил ведро с собой и чувствовал себя уже не примерным слугой, а вором.

И прежде чем он достиг своего дома, в душу его закралось ужасное подозрение — он был первым в Делейне, кто испытал его, но отнюдь не последним.

Он попытался отогнать эту мысль, но она возвращалась. Интересно, думал Деннис, каким ядом отравили короля Роланда? И не тот ли это яд?

Когда он добрался до дома, он не стал отвечать на вопросы матери, ни показывать, что он принес. Он только сказал, что должен как можно скорее поговорить с отцом, а потом пошел к себе в комнату и стал думать, что это за яд. Он знал о нем только одно, но этого было достаточно. Яд вызывал сильнейший жар.

Брендон пришел около десяти, злой и уставший. Он весь взмок, на лбу виднелась свежая царапина, а в волосах застряла паутина. Никаких следов убийцы. Он сказал только, что на площади готовится коронация Питера под руководством главного судьи Делейна Андерса Пейны.

Жена рассказала ему о возвращении Денниса. Брендон нахмурился, подошел к двери в комнату сына и постучал — не костяшками пальцев, а кулаком.

«А ну выходи, парень, и объясни, как ты оказался здесь с ведром из комнаты твоего хозяина».

«Нет, отец, — отозвался Деннис. — Иди сюда сам. Я не хочу, чтобы мама видела это и слышала, о чем мы говорим».

Брендон вошел. Мать Денниса, стоя у кухонной плиты, гадала, что за ерунду притащил из замка ее сын, и ожидала, что скоро из-за закрытой двери донесутся его вопли — уставший муж наверняка выместит все беды и трудности последнего дня на спине Денниса. Она не могла видеть, когда кто-то впадет в истерику, когда вокруг бегают очумевшие люди, повторяющие на сотню ладов самые невероятные слухи.

Но за дверью все было тихо, и целый час никто не выходил. Когда же отец с сыном вышли, бедная женщина остолбенела при одном взгляде на их белые лица. Деннис жался к ногам отца, как испуганный щенок.

Теперь мусорное ведро нес Брендон.

«Вы куда?» — спросила она с опаской.

Брендон промолчал, а Деннис и не мог, казалось, ничего сказать. Они скрылись за дверью и целые сутки она думала, что они или мертвы, или, что еще хуже, томятся в застенках под замком.

Да и для всего Делейна это были страшные сутки. Может, в других местах они показались бы нормальными — есть ведь места, как это ни печально, где мятежи, и беспорядки, и казни под покровом ночи вошли в обычай. Но в Делейне уже годы или даже столетия царил порядок, поэтому такими черными показались сутки, в начале которых Питера собирались короновать, а в конце он предстал перед судом за убийство собственного отца. Если бы в Делейне была биржа, она, без сомнения, в тот день потерпела бы крах.

С первыми лучами солнца началось сооружение платформы для коронации. Ее полагалось делать из простых досок, но Андерс Пейна знал, что их нужно хорошо замаскировать цветами и лентами. К этому не подготовились — если бы к убийствам можно было подготовиться, их бы просто не было. Но Пейна хотел показать народу, что, несмотря на ужасные события, преемственность власти сохраняется. Чтобы заставить людей поверить в это, он готов был мобилизовать всех цветочниц королевства.

Но к одиннадцати строительство внезапно прекратилось, и цветочниц прогнали с площади. К семи большинство гвардейцев переоделись в красную парадную форму и церемониальные шлемы с волчьими головами. Им предстояло выстроиться в две шеренги вдоль ковровой дорожки, по которой Питер пройдет к месту коронации. В одиннадцать они получили новый, весьма странный приказ и сменили парадные одеяния на обычную тусклую форму песочного цвета. Неуклюжие парадные мечи были заменены обычными, а волчьи головы — кожаными шлемами, их боевой формой.

Боевая форма — сами эти слова пугали. Против кого солдатам воевать здесь, в центре города? Но они стояли повсюду, в боевой форме, с суровыми лицами.

«Принц Питер покончил с собой!» — таков был самый первый слух.

«Принц Питер убит!» — второй.

«Роланд не умер; это ошибка. Врача обезглавили. Но король сошел с ума, и никто не знает, что делать!» — третий.

Были и другие, еще более невероятные.

Над встревоженным замком повисла ночь, но никто не ложился. Площадь Иглы была залита светом факелов, и в каждом доме горели свечи и лампы, вокруг которых собирались люди, чтобы обсудить события. Все соглашалось, что дело нечисто.

Ночь показалась еще длиннее дня. Миссис Брендон в ужасной тревоге ждала возвращения своих мужчин. Впервые в ее жизни в воздухе витало больше слухов, чем ей хотелось слышать. Но не слушать она не могла.

В предрассветные часы разнесся новый слух — настолько дикий, что сначала ему не поверили, но он повторялся снова и снова, пока даже часовые на постах не принялись пересказывать его друг другу. Этот новый слух особенно напугал миссис Брендон, потому что она поняла, как бледное лицо ее сына связано с мусорным ведром принца. Там было что-то, пахнущее паленым, чего он не захотел ей показать.

«Принц Питер взят под стражу за убийство отца, — гласил этот ужасный слух. — Принц убил собственного отца!»

Перед самым рассветом измученная женщина уронила голову на руки и погрузилась в тревожный сон.

«А теперь говори, что в этом ведре, да поскорее! Я не собираюсь с тобой шутить, Деннис!» — с такими грозными словами Брендон закрыл за собой дверь в комнату сына.

«Я покажу, отец, — сказал Деннис, — но сперва ответь мне на один вопрос. Каким ядом был отравлен король?»

«Никто не знает».

«А как он действовал?»

«Показывай, что в ведре, — Брендон поднял свой тяжелый кулак. Он не тряс им, просто поднял; этого было достаточно. — Показывай, или тебе здорово достанется».

Брендон долго смотрел на мертвую мышь, ничего не говоря. Деннис в испуге наблюдал, как лицо отца все больше мрачнеет. Бурый мех мыши обгорел дочерна. Из рта, из ушей, из выжженных глазниц все еще вырывались струйки дыма. Зубки, оскаленные в смертной гримасе, были черными, как зубья каминной решетки.

Брендон хотел дотронуться до нее, но тут же отдернул руку.

«Где ты это взял?» — спросил он хриплым шепотом.

Деннис что-то промямлил. Отец схватил его за плечо и сильно потряхнул.

«Вдохни глубже и соберись с мыслями, Денни, — сказал он. — В любом случае, я на твоей стороне. И правильно, что ты не показал это матери. А теперь расскажи, где и как ты нашел эту бедную тварь».

Деннис кое-как рассказал отцу всю историю. Его рассказ был чуть короче, чем мой, но все же занял минут

пять. Отец слушал, сидя на стуле и подперев рукой лоб. Он не перебивал и не задавал никаких вопросов.

Когда Деннис закончил, отец произнес всего одну фразу, но она будто сдвинула сердце юноши ледяной коркой:

«Точь-в-точь как король».

Губы Брендона скривились в каком-то подобии улыбки:

«Как ты думаешь, Денни, это был мышиный король?»

«Па... папа... я...»

«Ты сказал, там была коробочка».

«Да».

«И пакет».

«Да!»

«И пакет потемнел, но не горел».

«Да».

«И еще щипчики».

«Да, вроде тех, какими мама выдергивает волосы из но...»

«Тсс, — Брендон опять подпер рукой лоб. — Дай подумать».

Прошло пять минут. Брендон не двигался; казалось, что он спал, но он напряженно думал. Дворецкий не знал о коробочке, которую потерял Питер; это было до того, как он поступил в услужение принцу. Он знал о тайнике и как-то раз даже заглянул в него. Там хранились обычные мальчишеские сокровища: камушки, колода карт Таро, счастливая монета, клочок волос, выстриженных из гривы Пеони. Больше он туда не заглядывал — среди качеств хорошего дворецкого очень важно уважение к маленьким тайнам хозяев.

Наконец Деннис спросил:

«Папа, может, пойдем и посмотрим, что в этой коробке?»

«Нет. Мы пойдем с этой мышью к главному судье, и ты расскажешь ему то же, что рассказал мне».

Деннис так и сел, словно его ударили под дых. Пейна, который приказывает казнить людей и сажать в тюрьму! Пейна с его непроницаемым лицом и высоким белым

лбом! Пейна, второй человек в королевстве после самого короля!

«Нет, — прошептал он. — Пап, я не... я не могу...»

«Ты должен, — сурово сказал отец. — Это страшное дело, самое страшное из всего, что я видел, но его нужно довести до конца. Ты расскажешь ему все, и пускай он этим займется».

Деннис поглядел в глаза отцу и убедился, что тот принял решение. Если он не пойдет, Брендон потащит его, как котенка, хоть ему уже двадцать лет.

«Да, папа», — сказал он потерянно, чувствуя, что, как только ледяные глаза Пейны взглянут на него, он просто упадет мертвым. Тут он вспомнил, что украл из комнаты принца мусорное ведро. Если он и не умрет на месте, то, весьма возможно, ему придется провести остаток жизни в самой глубокой темнице замка.

«Не волнуйся так, Денни. Пейна — человек строгий, но справедливый. Ты не совершил ничего постыдного. Просто расскажи ему то же, что и мне».

«Ладно, — прошептал Деннис. — Пойдем?»

Брендон поднялся со стула и стал на колени.

«Сначала помолимся. Становись рядом, сынок».

Питера судили, признали виновным в цареубийстве и приговорили к пожизненному заключению в двух холодных комнатах на самой вершине Иглы. Все это произошло всего за три дня. И рассказ о том, как зубья капкана, поставленного Флеггом, сомкнулись вокруг юного принца, не займет много времени.

Пейна не сразу велел приостановить коронацию — он подумал, что Деннис ошибся, и все можно как-нибудь объяснить. Но состояние мыши было слишком похоже на состояние покойного короля; к тому же репутация семьи Брендонов была безукоризненной. Но еще важнее то, что на репутации Питера не должно было быть ни единого пятна.

Пейна допросил Денниса и пригласил Питера. Деннис действительно мог бы умереть от страха при виде своего хозяина, но ему милосердно позволили выйти. Вошедшему Питеру Пейна объявил, что его подозревают в соучастии в убийстве отца. Андерс Пейна не любил смягчать слова, как бы жестоко они ни звучали.

Питер остолбенел. Не забудьте, что он еще не свыкся с мыслью, что его любимый отец мертв, отравлен страшным ядом, который спалил его заживо. Не забудьте то, что он всю ночь участвовал в поисках и сильно устал. И ему было всего шестнадцать. Последняя новость добила его, и он сделал самую естественную вещь, которой, однако, нельзя было делать перед холодными, испытывающими глазами Пейны: он заплакал.

Если бы Питер горячо отстаивал свою невиновность или встретил бы обвинение презрительным смехом, все

могло обернуться по-другому. Я уверен, что Флегг не предусмотрел такой возможности; одной из немногих его слабостей была привычка судить всех по себе, по своей черной душе. Он подозревал всех и каждого и думал, что у всех есть какие-то тайные мысли и коварные планы, которые они скрывают.

Ход мыслей Пейны, напротив, был очень прямым. Он находил почти невозможным, что Питер отравил отца. Если бы тот рассердился или рассмеялся, расследования могло и не быть, и никто не стал бы интересоваться коробочкой и пакетом в ней. Но слезы — совсем другое. Слезы выглядели признанием вины со стороны мальчика, достаточно взрослого, чтобы убить собственного отца, но недостаточно взрослого, чтобы это скрыть.

Пейна решил продолжить расследование, хотя ему очень не хотелось этого делать. Ведь придется привлекать стражников, а это даст пищу слухам и может сказаться на репутации принца, будущего короля.

Впрочем, можно ограничиться пятью-шестью стражниками, а потом отослать их в отдаленные районы королевства. Брендона с сыном придется выслать, подумал Пейна. Жаль, но люди не могут держать язык за зубами, особенно после выпивки, а пристрастие дворецкого к джину хорошо известно.

Поэтому Пейна приказал приостановить подготовку к коронации. Он был уверен, что самое большее через час работы возобновятся, но...

Понятно, что коробочку нашли. Питер поклялся именем матери, что не знал о ней, и выглядело это довольно странно. Пейна осторожно, щипчиками, приоткрыл пакет и увидел несколько зерен зеленоватого песка. Они были очень маленькими, еле заметными, но Пейна хорошо помнил, что случилось с великим королем и маленькой мышью. Он закрыл коробочку и велел двум стражникам не сводить с нее глаз. Дело становилось все более серьезным.

Коробочку с выбивающимся из-под крышки дымом осторожно поставили на стол Питера и послали за человеком, который знал о ядах больше всех в Делейне.

Это, конечно, был Флегг.

«Я ничего об этом не знаю, Андерс», — сказал Питер. Он собрался с духом, хотя лицо его было таким же бледным, а глаза — темнее, чем обычно.

«Но коробочка твоя?»

«Да».

«Тогда как же ты отрицаешь...»

«Я потерял ее лет десять назад или больше. Мне ее подарила мать».

«И куда она делась?»

«Он больше не зовет меня «ваше высочество», — внезапно понял Питер. — *И не выказывает мне никакого уважения. Как это может быть? Отец отравлен. Томас серьезно болен. Пейна стоит здесь и обвиняет меня в убийстве. И эта коробочка — откуда она взялась, и кто мог подложить ее в мой тайник?*»

«Я потерял ее, — медленно повторил Питер. — Андерс, ты правда веришь, что я убил отца?»

«*Не верил... но теперь сомневаюсь*», — подумал Пейна.

«Я ведь любил его».

«*Я всегда думал так... но теперь сомневаюсь и в этом*», — снова подумал Андерс Пейна.

Флегг вошел и, не обращая никакого внимания на Пейну, засыпал вконец измученного принца вопросами. Нашли какие-нибудь следы отравителя? Неужели это заговор? Сам он думает, что убийство совершил одиночка, скорее всего сумасшедший. Флегг сказал, что провел все утро перед волшебным кристаллом, но тот оставался темным. Ну ничего, он может не только заглядывать в кристалл. Он сделает все, что прикажет принц, осмотрит каждый угол...

«Мы позвали тебя не затем, чтобы слушать, как ты болтаешь, словно обе головы твоего попугая вместе», — холодно сказал Пейна. Он не любил Флегга. Чародей слишком часто лез не в свое дело. Он может быть полезным в определении ядов, но не более.

«Питер не позволит ему распускаться, когда станет королем», — машинально подумал Пейна и тут же одернул себя. Шансы Питера стать королем стремительно таяли.

«Да. Наверно, — Флегг по-прежнему смотрел на Питера. — Так зачем меня позвали, мой король?»

«Не называй его так!» — взорвался Пейна. Флегг сделал удивленное лицо, но сразу понял, что это значит, и порадовался. Червь сомнения проложил путь к ледяному сердцу главного судьи. Отлично.

Питер отвернулся к окну и стал смотреть на город, пытаясь справиться с волнениями. Он сжал пальцы так, что побелели костяшки.

«Видишь эту коробку на столе?» — спросил Пейна.

«Да, господин судья», — Флегг постарался придать голосу безразличие.

«Там пакет, который медленно тлеет. Внутри него что-то вроде песка. Я хочу, чтобы ты незамедлительно определил, что это за вещество. Только не касайся его руками. Похоже, это оно стало причиной смерти короля Роланда».

Флегг выглядел обеспокоенным, но чувствовал себя великолепно. Он обожал играть.

Подняв пакет щипчиками, он заглянул в него.

«Мне нужен кусок обсидиана, — сказал он. — И побыстрее».

«У меня в столе», — сказал Питер отстраненно. Этот кусок оказался не таким большим, как был у Флегга, зато толстым. Чародей рассмотрел его на свет. В сердце у него маленький человечек плясал и кувыркался через голову. Этот камень был очень похож на его, только сколот с одной стороны. Боги явно благосклонны к нему!

«Я уронил его год или два назад, — мрачно пояснил Питер, не подозревая, что только что заложил еще один камень в стену своей тюрьмы. — Эта половина упала на ковер, а другая ударилась о камни и разлетелась на тысячу кусков. Обсидиан ведь очень хрупкий».

«В самом деле? — удивился Флегг. — Я слышал об этом, но никогда не видел такого камня».

Он положил обсидиан на стол, раскрыл пакет и вытряхнул на камень зернышки песка. Мгновенно с поверхности обсидиана начали подниматься струйки дыма. Все присутствующие увидели, что каждое зерно медленно вдавливаясь в самый твердый в мире камень. Стражники начали тревожно перешептываться.

«Тише!» — рявкнул на них Пейна. Стражники застыли с лицами, белыми от ужаса. Все происходившее казалось им наваждением.

«Похоже, я знаю, что это за зерна, и как проверить мою догадку, — сказал Флегг. — Но если я прав, проверить надо как можно быстрее».

«Почему?» — спросил Пейна.

«Мне кажется, это Дракониий Песок. У меня он когда-то был, но, к сожалению, исчез, прежде чем я успел изучить его как следует. Видимо, его украли».

Флегг не упустил того, как взгляд Пейны метнулся к Питеру.

«С тех пор я беспокоился об этом, — продолжал он, — это один из самых смертоносных ядов. Я не мог испытать его свойства и поэтому сомневался, но теперь вижу».

Он указал на обсидиан. Каждая из трех песчинок углубилась уже более чем на дюйм, и из отверстий вился дым, как из миниатюрных кратеров вулкана. Флегг прикинул, что половина толщины камня уже пройдена.

«Эти три частицы быстро разъели самый твердый из известных нам камней, — заключил он. — Дракониий Песок известен тем, что разъедает все. И он вызывает сильный жар. Поди-ка сюда!»

Он подозвал одного из стражников, который не выглядел особенно довольным таким выбором.

«Дотронься до камня, — стражник нерешительно потянулся к обсидиану, и Флегг быстро добавил. — Только до края! Не вздумай лезть рукой в отверстия!»

Стражник с криком отдернул руку и сунул палец в рот, но Пейна успел заметить сильный ожог.

«Обсидиан очень слабо проводит тепло, — сказал Флегг, — но этот камень горячий, как печка, и все из-за трех крупиц песка! Дотроньтесь до стола принца, господин судья».

Пейна повиновался. Дерево было горячим. Скоро оно начало обугливаться.

«Поэтому нужно действовать быстро, — сказал Флегг. — Скоро стол загорится. Если мы вдохнем дым — во всяком случае, если то, что я слышал, верно, — все мы умрем в муках. Но для верности можно провести еще один опыт...»

Стражники побледнели еще сильнее.

«Ладно, — сказал Пейна, — только быстрее».

Его неприязнь к Флеггу еще увеличилась, но если раньше он считал его ничтожеством, то теперь от этого человека зависела его жизнь.

«Нужно налить в ведро воды», — теперь Флегг говорил чуть быстрее. Его темные глаза блестели.

Стражники и Пейна смотрели на черные дырки в обсидиане, как кролики на удава. Сколько еще осталось до

дерева? Никто не знал. Смотрел даже Питер, хотя выражение его лица по-прежнему было отсутствующим.

«Воды! Быстрее! — заорал Флегг на стражников. — Нужно ведро или таз, или что-нибудь! Ну же!»

Стражники смотрели на Пейну.

«Выполняйте», — Пейна старался не показывать испуг, но он был испуган, и Флегг знал это.

Он заговорил снова:

«Я опущу палец в воду и стряхну каплю воды в одно из этих отверстий. Если это Драконий Песок, вода тут же позеленеет».

«А потом?» — спросил Пейна хмуро.

Стражник принес ведро и поставил его на стол.

«Потом я сделаю то же с остальными отверстиями, — Флегг говорил спокойно, но его всегда бледные щеки горели. — Вода не может остановить Драконий Песок, но она может его удержать».

«А почему просто не опустить их в воду?» — спросил один из стражников.

Пейна метнул на него свирепый взгляд, но Флегг любезно объяснил:

«Потому что вода тут же испарится, и ты можешь тогда остаться здесь, если хочешь, и тушить пожар».

Стражник замолчал.

«Вода уже теплая, — заметил Флегг, опустив палец в ведро, — а ведь она только стоит на столе».

Он осторожно стряхнул каплю воды в отверстие.

«Смотрите внимательно!» — Питеру в этот момент Флегг показался каким-то дешевым фокусником, но Пейна и стражники не отрывали взгляды от его пальца. Капля повисла на пальце, на миг отразив всю комнату Питера, и упала вниз.

Звук был такой, будто на раскаленную сковородку положили кусок сала. Из отверстия вырвался столбик пара, но Пейна успел заметить вспышку зеленого пламени. В тот момент судьба Питера была решена.

«Драконий Песок, клянусь богами! — воскликнул Флегг. — Умоляю вас, не дышите!»

Андерс Пейна не был трусом, но тут испугался и он. В отблеске зеленоватого света он увидел какое-то невысказанное, невыразимое зло.

«Остальные, — хрипло приказал он. — Быстрее!»

«Я же говорил, — голос Флегга снова стал спокойным. — Остановить его можно только одним способом, не очень приятным, но мы можем задержать его».

Он так же осторожно залил воду в остальные два отверстия. Все повторилось — мгновенная зеленая вспышка и столб пара.

Флегг с помощью полотенец, извлеченных из шкафа, взял обсидиан и опустил его в ведро. Вода моментально окрасилась зловещей зеленью.

«Ну вот, опасность почти миновала, — сказал Флегг, и один из стражников с облегчением выдохнул. — Теперь пусть кто-нибудь из вас отнесет это ведро к большой помпе у Великого Древа. Там накачайте воды в бочку и опустите туда ведро. А бочку утопите в середине озера Джоанна. Дракониий Песок может осушить озеро где-то за сто тысяч лет, но нам сейчас это не важно».

Пейна помедлил, кусая губы, и наконец велел: «Ты, ты и ты. Сделайте все, как он сказал».

Ведро унесли с такой осторожностью, будто в нем лежала бомба. Флегг изрядно потешался в душе. Как легко запугать этих людишек! На самом деле удержать яд можно было и меньшим количеством жидкости... например, кубком вина. Но для бедного Питера такие мелочи уже не имеют значения.

Когда стражники ушли, Пейна повернулся к Флеггу: «Ты сказал, что Дракониий Песок можно остановить только одним способом».

«Да. Ученые говорят, что он умирает только после того, как сожжет дотла живое тело. Я хотел проверить это, но не успел. Яд у меня украли».

«И на каком живом теле ты хотел проверить свой яд, чародей», — спросил Пейна еле слышно.

Флегг изумленно взглянул на него:

«Конечно, на мыши, господин судья».

В три часа дня в зале Королевского суда в основании Иглы, который называли просто «Судом Пейны», состоялась странная встреча.

«Встречей» ее окрестили потому, что формального заключения о виновности принца еще не было, и она имела неофициальный характер. Но решала она очень многое.

В зале могло уместиться пятьсот человек, но в тот день там присутствовали всего семеро. Шестеро из них держались ближе друг к другу, чувствуя холод этого места. На одной из стен висел герб королевства — единорог, пронзающий дракона, — и взгляд Питера то и дело натывался на него. Кроме Питера, там были Пейна, Флегг (конечно, это он сидел поодаль от других) и четверо королевских судей. Всего королевских судей было десять, но остальные в это время разбирали дела в провинции. Пейна решил их не ждать. Нужно было действовать решительно, иначе королевство окажется ввергнутым в хаос. И для этого Пейне понадобится помощь юного убийцы.

Пейна уже решил для себя, что Питер — убийца. Убедили его в этом не коробочка, не мертвая мышь, не опыты Флегга. Это сделали слезы Питера. Принц, отдадим ему должное, не выглядел теперь ни виноватым, ни измученным. Он был бледен, но спокоен.

Пейна откашлялся. Эхо заметалось между каменных стен. Он потрогал лоб и не удивился, обнаружив там холодный пот. Он расследовал сотни дел и послал на плаху больше людей, чем мог вспомнить; но он никогда еще не

судил принца за убийство собственного отца. К тому же, все случилось так быстро, и могло иметь такие последствия, что пот должен был быть именно холодным.

Встреча. Ничего официального, ничего судебного. Но никто из них — ни Пейна, ни Флегг, ни королевские судьи, ни сам Питер — не обманывался на этот счет. Это был настоящий суд. Мертвая мышь дала событиям ход, и в этот момент все можно было еще остановить, как можно было остановить реку у истока, пока она не превратилась еще в могучий поток, сметающий на своем пути все.

«Встреча», — подумал Пейна, снова вытирая пот со лба.

Флегг внимательно наблюдал за происходящим. Как и Пейна, он знал, что все решается именно здесь, и был начеку.

Питер поднял голову и оглядел по очереди всех участников собрания.

От каменных стен веяло холодом. Скамьи зрителей были пусты, но Пейне чудились взгляды призраков, требующих правосудия.

«Мой господин, — сказал Пейна наконец, — еще три часа назад часы сделали вас королем».

Питер удивленно взглянул на него и промолчал.

«Да, — продолжал Пейна, будто Питер что-то ответил. Королевские судьи важно кивнули. — Коронации не было, но коронация — для публики. Короля делают закон, время и Бог, а не коронация. Вы — король, и по закону можете командовать мной, ими и всем королевством. И это ставит нас перед ужасной дилеммой. Вы это понимаете?»

«Да, — мрачно кивнул Питер. — Вы считаете, что ваш король — убийца».

Пейна был немного удивлен такой откровенностью, но не слишком. Питер всегда был откровенен, и теперь его откровенность, даже будь она глупой мальчишеской бравадой, могла существенно ускорить дело.

«Неважно, что *мы* считаем, мой господин. Вину определяет только суд, так меня учили. Из этого правила есть лишь одно исключение — король выше суда. Вы понимаете?»

«Да».

«Но, — Пейна поднял палец, — это преступление совершено до того, как вы стали королем. Насколько мне известно, в Делейне такого никогда еще не случалось. Последствия могут быть ужасны. Анархия, хаос, гражданская война. Чтобы избежать этого, нам требуется ваша помощь».

Питер посмотрел на него и сказал:

«Я помогу вам, чем смогу».

«И, надеюсь, ты согласишься с моим предложением, — подумал Пейна. Он почувствовал, как со лба у него стекают новые струйки пота, но не стал их вытирать. Питер чертовски хорошо соображает — он может принять это за признак слабости. *Если у тебя хватило духу убить собственного отца, то, обещая помогать нам, не надеешься ли ты, что в ответ мы поможем тебе и закроем дело? Но тут ты ошибаешься, мой господин!*»

Флегг, почти читающий эти мысли, еле успел рукой прикрыть улыбку. Пейна, ненавидящий его, сделался его лучшим, хоть и невольным помощником.

«Я хочу, чтобы вы отложили коронацию».

Питер с изумлением взглянул на Пейну:

«Отказаться от трона? Не знаю, господин судья... я должен сначала подумать. Как бы не навредить королевству таким сильным лекарством».

«Умен», — одновременно отметили Пейна и Флегг.

«Нет, мой господин, вы не так поняли. Речь не идет об отречении. Вы только отложите коронацию, пока дело не разрешится. Если вас признают невиновным...»

«А я невиновен. Правь мой отец хоть до моей собственной старости, я был бы только счастлив. Я хотел только служить ему и любить его».

«Но ваш отец мертв, и вы под подозрением».

Питер кивнул.

«Если вас признают невиновным, вы взойдете на престол. Если же вас признают виновным...»

Королевские судьи нервно заерзали, но Пейна казался невозмутимым.

«Если вас признают виновным, вы проведете остаток своей жизни на верхушке Иглы. Член королевской

семьи не может быть казнен по закону тысячелетней давности».

«И Томас станет королем?» — задумчиво спросил Питер. Флегг насторожился.

«Да».

Питер задумался. Он выглядел ужасно усталым, но не испуганным, и это не нравилось Флеггу.

«А если я откажусь?»

«Тогда вы станете королем, невзирая на обвинения. И многие ваши подданные будут верить, что ими правит человек, убивший родного отца. Я думаю, что это в скором времени вызовет мятежи и волнения. Что касается меня, то я буду вынужден оставить свой пост и уехать. Я не могу служить королю, который не уважает закон».

В зале повисло долгое молчание. Питер сидел, опустив голову. Все ждали. Теперь даже у Флегга сбегала со лба ледяная змейка пота.

Наконец Питер поднял на них глаза.

«Ладно, — сказал он. — Я отложу коронацию, пока не докажу свою невиновность. Вы, Пейна, будете и впредь служить королевству. Желаю, чтобы суд состоялся завтра же. Я подчинюсь его решению. Но судить меня будете не вы».

Все присутствующие невольно подтянулись, услышав эти властные нотки в голосе юноши. Хотя конюший Иосиф, если бы услышал это, не удивился бы — он слышал этот тон намного раньше, когда Питер был еще мальчишкой.

«Это будет один из этих четверых, — продолжал Питер. — Я не допущу, чтобы меня судил человек, который в глубине души уже поверил в мою виновность».

Пейна почувствовал, что краснеет.

«Один из вас, — Питер повернулся к королевским судьям. — Возьмите три черных камня и один белый и тяните. Кто вытянет белый, будет вести процесс. Вы согласны?»

«Да, мой господин», — Пейна изо всех сил старался прогнать предательский румянец со щек.

Флегг опять сдержал улыбку. *«Мой маленький глупый господин, это единственный приказ, который тебе суждено отдать»*, — подумал он.

Встреча началась в три, а кончилась без четверти четыре. Сенаты и парламенты тратят дни и месяцы на принятие самых незначительных решений, но все важные вещи решаются быстро. И уже через три часа, когда начало темнеть, Питер понял, что как ни ужасно это звучало, его признают виновным.

Мрачные молчаливые стражи отвели его обратно в его комнаты. Пейна сказал, что ужин ему принесут.

Это сделал угрюмый гвардеец с лицом, заросшим щетиной. Он держал поднос с тарелкой тушеного мяса и стаканом молока. Когда гвардеец вошел, Питер встал и потянулся за подносом.

«Погоди-ка, мой господин, — прорычал гвардеец. — Я должен кое-что добавить, — с этими словами он плюнул на поднос Питеру. — Вот, держите».

Питер не двигался. Он был ошеломлен.

«Почему ты сделал это? Почему ты плюнул в тарелку?»

«А разве сын, убивший отца, заслуживает лучшего, *мой господин?*»

«Нет. Но не тот, кого еще не осудили за это. А теперь заberi это и принеси мне новый ужин. Даю тебе пятнадцать минут, иначе ты проведешь эту ночь в самой глубокой темнице замка».

Безобразная ухмылка гвардейца на миг исчезла, потом появилась опять.

«Не думаю», — сказал он, наклоня поднос все сильнее и сильнее, пока тарелка со стаканом не полетели вниз, звонко разбившись о каменный пол.

«Вылижи это. Вылижи, как пес».

Гвардеец повернулся, чтобы уйти, и тут Питер ударил его по щеке. Пощечина была громкой, как пистолетный выстрел.

С рычанием гвардеец потянул из ножен меч.

Улыбаясь одними губами, Питер подставил ему шею.

«Давай! Если ты можешь плюнуть другому в тарелку, то, должно быть, сумеешь и перерезать горло безоружному. Давай. Свиньи тоже Божьи твари, и если Бог захотел оборвать мою жизнь и послал для этого такую свинью, как ты, то я не стану противиться».

Гнев гвардейца перешел в смятение. Минуту спустя он спрятал меч.

«Не хочу пачкать клинок», — проворчал он еле слышно, почти прошептал.

«Принеси мне новый ужин, — сказал Питер спокойно. — Я не знаю, кто и что тебе наболтал, и мне нет до этого дела. Не знаю, почему ты так легко осудил меня до суда, и до этого мне тоже нет дела. Но ты принесешь мне ужин вместе с салфеткой, или я позову Пейну, и тебе придется ночевать рядом с Флегтом. Моя вина не доказана, и я еще могу заставить себя слушаться».

Гвардеец становился все бледнее — не только потому, что Питер говорил правду, но и потому, что поверил друзьям, убедившим его в виновности Питера. Теперь он сомневался. Принц вовсе не казался ему виноватым.

«Да, мой господин», — пробормотал он и вышел.

Через несколько минут вошел капитан стражи.

«Мне показалось, я слышал шум, — его взгляд упал на осколки. — Что здесь случилось?»

«Ничего особенного, — спокойно ответил Питер. — Я уронил поднос, и гвардеец пошел за новым».

Капитан кивнул и вышел. Через десять минут раздался стук в дверь.

«Войдите», — сказал Питер.

В дверь протиснулся стражник с новым подносом.

«Простите, мой господин. Никогда в жизни я так не делал. Не знаю, что на меня нашло».

Питер только махнул рукой. Он ощущал невероятную усталость.

«Скажи, другие думают так же? — спросил он. — Другие стражники?»

«Мой господин, я и сам так не думаю».

«Но другие думают, что я виновен?»

После долгой паузы солдат кивнул.

«И почему же?»

«Они говорят про сгоревшую мышь... и про то, что вы плакали, когда Пейна вас обвинил...»

Питер кивнул. Да, плакать тогда было нельзя, но что теперь делать?

«Но чаще всего говорят, что вы хотели стать королем и сделали это».

«Что я хотел стать королем и сделал это», — эхом повторил Питер.

«Да, мой господин», — стражник мрачно глядел себе под ноги.

«Спасибо. Можешь идти».

«Мой господин, простите ме...»

«Я прощаю тебя. Иди. Мне надо подумать».

Гвардеец вышел с таким видом, будто он жалел, что родился на свет.

Питер расправил салфетку, но есть ему не хотелось. Он смотрел на салфетку и думал о своей матери. Он был рад, что она не дожила до этого. Он всегда был счастливым, блестящим мальчиком, которого, казалось, не могло коснуться никакое горе. Теперь все горе, накопившееся за шестнадцать лет, выплеснулось на него одним махом.

Но чаще всего говорят, что вы хотели стать королем и сделали это.

Он, кажется, понял. Они хотели доброго короля. Но еще они хотели знать, что чудом спаслись от короля злого. Хотели тайн, хотели зловещих сказок о цареубийствах. *Они говорят, что вы хотели стать королем.*

«Пейна тоже в это верит, — подумал Питер, — и этот гвардеец, и это не бред. Меня, меня обвиняют в убийстве отца, и вся моя любовь к нему не в силах это

опровергнуть. Потому что какая-то их часть хочет, чтобы я был виновен».

Питер аккуратно свернул салфетку и накрыл ею поднос. Он так и не стал есть.

Потом был суд, о котором вы можете узнать подробнее, если захотите. А я изложу только суть дела: Питера, сына Роланда, привела на суд сгоревшая мышь; его осудили на встрече семи человек, которая не была судом, а приговор вынес простой солдат, плюнув ему в тарелку. Вот и вся сказка, а сказки иногда более правдивы, чем история.

Когда Ульрик Викс, который вытащил белый камешек и занял место Пейны, огласил приговор суда, зрители, многие из которых еще недавно ждали, что Питер станет лучшим королем за всю историю Делейна, бешено зааплодировали. Они вскочили на ноги и, если бы не шеренга гвардейцев с обнаженными мечами, они отменили бы приговор суда и вместо заключения в Игле линчевали бы принца на месте. Когда его уводили, плевки сыпались на него дождем, но он не опускал головы.

Слева от зала суда открывалась дверца в узкий проход. Шагов через сорок начинались ступеньки, которые шли вверх и вверх, до самой вершины Иглы, где Питера ждали его две комнаты. Всего ступенек было триста. Мы еще вернемся к Питеру, потому что его история, как вы догадываетесь, не закончена; но сейчас мы не станем подниматься вместе с ним — ведь это путь позора, от трона, который остался внизу, до вечной тюрьмы, что ждала наверху, и никому, ни одному человеку, нельзя пожелать пройти такой путь.

Давайте лучше посмотрим, что случилось с Томасом, когда он очнулся от болезни и узнал, что стал королем Делейна.

«Нет», — прошептал Томас испуганно.

Глаза его лихорадочно блестели на бледном лице. Губы дрожали. Флегг только что сообщил ему новость, но казалось, что ему предлагают не корону, а смертную казнь — так он перепугался.

«Нет, — повторил он. — Не хочу быть королем».

И это была правда. Он всю жизнь завидовал Питеру, но было то, чему он не завидовал никогда: тому, что Питер станет королем. Томасу не снился трон даже в страшном сне. И вот страшный сон стал явью — Питер заключен в тюрьму за убийство отца, а Флегг пришел и говорит, что теперь он король.

«Нет, я не могу... не хочу быть королем. Я... я отказываюсь!»

«Ты не можешь отказаться, Томас», — сказал Флегг твердо. Он уже знал, как нужно говорить с Томасом: дружелюбно, но твердо. Флегг понимал, что он сейчас нужен Томасу больше, чем когда-либо, но и он зависел от Томаса куда больше, чем раньше. А управлять этим нервным, издерганным мальчиком было не так уж легко.

Ты нуждаешься во мне, Томми, но я не так глуп, чтобы говорить это тебе. Ты сам должен это сказать. Чтобы не возникало вопроса, кто кому обязан. Потом может быть, но не сейчас.

«Не могу? — прошептал Томас. Услышав новость, он привстал на локтях, а теперь снова упал на подушки. — Мне плохо. Похоже, лихорадка возвращается, пошли за доктором. Мне нужно лечиться».

«Ты в порядке, — возразил Флегг. — Я сам тебя лечил, никакой лихорадки уже нет, и все, что тебе нужно — это немного свежего воздуха. Но если ты хочешь, чтобы то же самое тебе сказал доктор (он подпустил в голос немного недовольства), то тебе достаточно позвонить».

Флегг указал на звонок и иронически улыбнулся.

«Я, конечно, понимаю, что тебе хочется спрятаться в кровати, но я, твой друг, говорю, что это обманчивое убежище».

«Обманчивое?»

«Я советую тебе встать и постараться поскорее вернуть силы. Тебя должны короновать не позже, чем через три дня. Если ты откажешься идти сам, тебя отнесут на площадь прямо на кровати. Конечно, это не слишком удачное начало царствования, но Пейна распорядился закончить все как можно быстрее».

Томас лежал на подушках, пытаясь переварить эту информацию. Глаза его от страха скосились, как у кролика.

Флегг тем временем накинул на плечи свой плащ с красной подкладкой. Потом надел на шею золотую цепь. Потом взял посох с серебряным набалдашником и поклонился Томасу. Все это испугало Томаса еще больше. Флегг так нужен ему в этот момент, а он выглядит...

Он выглядит одевшимся для путешествия.

Его предыдущий страх показался ерундовым в сравнении с тем, что сдавил его сердце в этот миг.

«А теперь, дорогой мой Томми. Желаю тебе всего самого хорошего, долгого и счастливого правления... прощай!»

Он направился к двери, думая уже, что мальчишка не сможет выговорить ни слова, и ему придется изобретать предлог, чтобы остаться, но тут Томас еле слышно прошептал:

«Постой!»

Флегг повернулся, изображая вежливое удивление:

«Да, мой король».

«Куда... куда ты?»

«Ну, — Флегг выглядел удивленным, будто они с Томасом не раз уже об этом говорили. — Начну с Андуа. Там много хороших моряков, а я еще не был в землях за Утренним морем. Знаешь, капитаны охотно берут чародеев на борт, чтобы предсказывать погоду или успокаивать ветер. А если им нужны простые матросы, то я, хоть уже и не молод, не разучился еще поднимать паруса», — улыбаясь, он показал, как это делается, не выпуская из рук посоха.

Томас опять приподнялся на локтях.

«Нет! — он почти кричал. — Нет!»

«Мой король...»

«*Не называй меня так!*»

Флегг вернулся к кровати. Теперь на лице его отразилось глубокое сочувствие.

«Ну тогда *Томми*. Дорогой мой Томми. Что с тобой?»

«Что со мной? Что со *мной*? Ты не понимаешь? Мой отец отравлен, Питер сидит в башне, я должен стать королем, ты уходишь и еще спрашиваешь, что со *мной!*» — Томас скрипнул, что должно было означать смех.

«Так уж случилось, Томми».

«Я не могу быть королем, — Томас схватил Флегга за руку, глубоко впившись ногтями в холодную плоть чародея. — Питер должен быть королем, он умный, а я глупый. Я всегда был глупым. Я не могу!»

«Королей делает Бог, — сказал Флегг. Бог... *и еще чародеи*, — подумал он про себя. — Он сделал королем тебя, Томми, и ты *будешь* королем».

«Не буду! Я убью себя!»

«Ты не сделаешь этого».

«Нет, сделаю! Лучше это, чем умереть от страха во время коронации!»

«Ты будешь королем, и ничего не бойся. А мне надо идти. Ночи сейчас холодные, и я хочу выйти из города засветло».

«Нет, постой! — Томас уцепился за плащ Флегга. — Раз уж я должен стать королем, оставайся и будь моим

советником, как был у отца. Не уходи! Ты ведь был здесь всегда, зачем тебе уходить?»

Ну вот, наконец. Вот и хорошо.

«Мне не хочется уходить, — сказал Флегг печально. — Я люблю Делейн. И люблю тебя, Томми».

«Так оставайся!»

«Ты не понимаешь моего положения. Андерс Пейна очень могущественен, и он меня не любит. Иногда я думаю даже, что он меня ненавидит».

«Почему?»

Отчасти потому, что знает, как давно я здесь. А главное, оттого, что чувствует, что я значу для Делейна.

«Трудно сказать, Томми. Я думаю, просто потому, что могущественные люди не любят тех, кто может стать такими же могущественными, как они. Особенно советников короля».

«А ты ведь был советником моего отца».

«Вот именно, — он на миг сжал руку Томаса, потом отпустил и горько вздохнул. — Королевские советники очень похожи на оленей в королевском лесу. Их любят и кормят из рук, но слишком часто эти олени заканчивают жизнь на столе короля, когда ему не удастся добыть дикого оленя. А когда король умирает, исчезают и его старые советники».

Томас выглядел встревоженным:

«Пейна тебе угрожал?»

«Нет... он был очень добр. Очень терпелив. Но я заглядывал ему в глаза и знаю, что его терпение долго не продлится. Его глаза сказали, что климат Андуга будет для меня здоровей», — он встал и решительно взялся за посох.

«Стой! — снова крикнул Томас, и по его лицу Флегг понял, что все его желания будут выполнены. — Если мой отец защищал тебя, как своего советника, будь *моим* советником, и никто тебя не тронет».

Флегг притворился, что размышляет.

«Да... может быть... если ты дашь это понять Пейне... что любое действие против меня повлечет королевский гнев...»

«Да! Именно! — воскликнул Томас. — Так ты оста-
нешься? Прошу тебя! Если ты уйдешь, я правда убью себя!
Ведь я ничего не знаю о том, как быть королем».

Флегг стоял, опустив голову, и, кажется, думал. На
самом деле он улыбался.

Но когда он поднял голову, лицо его было серьезно.

«Я служил Делейну почти всю жизнь, — сказал он, —
и раз ты просишь, чтобы я остался... я останусь и буду
служить тебе всеми силами...»

«Прошу!» — дрожащим голосом выкрикнул Томас.

Флегг опустился на одно колено.

«Мой король!»

Томас, облегченно всхлипывая, кинулся в объятия
Флегга.

«Не плачь, мой маленький король, — прошептал чаро-
дей. — Все будет хорошо и для тебя, и для королевст-
ва», — улыбка его стала шире, обнажая очень белые,
очень крепкие зубы.

Томас не сомкнул глаз ночью накануне дня коронации, а утром на него одновременно напали сильнейшая тошнота и понос. Звучит это комично, но, если подумать, ничего смешного в этом нет. Томас был еще мальчиком, а многие ли взрослые смогли бы в его положении сдержать страх? Томас позвонил и велел слуге срочно привести Флегга. Слуга, напуганный бледностью господина и запахом рвоты в комнате, чуть не бегом ворвался в кабинет чародея.

Флегг, отлично понявший, в чем дело, просил передать, что бояться нечего и что он будет через двадцать минут.

«Я не могу, — простонал Томас, когда Флегг вошел к нему. — Не могу быть королем. Прошу тебя, останови это, а то меня стошнит прямо перед Пейной и перед всеми, стошнит или... или...»

«Все будет хорошо, — спокойно сказал Флегг. Он изготовил лекарство, способное на время обуздать желудок Томаса и заткнуть его кишечник. — На, выпей».

Томас подчинился.

«Я умираю, — пожаловался он. — Мне не придется убивать себя. Мое сердце просто разорвется от страха. Отец говорил, что зайцы иногда умирают так, когда попадут в капкан. От страха. Вот и я так умру... как заяц».

«Отчасти ты прав, дорогой Томми, — подумал Флегг. — От страха ты не умрешь, но ты действительно заяц в капкане».

«Я думаю, скоро ты изменишь свое мнение», — Флегг уже протягивал ему второе лекарство успокаивающего розового цвета.

«Что это?»

«То, что успокоит тебя и позволит уснуть».

Томас выпил. Флегг сел у него в ногах и держал за руку, пока он не заснул. По-своему Флегг действительно любил Томаса, но Саша тотчас опознала бы эту любовь — любовь хозяина к своему псу.

«Он вылитый отец, — думал Флегг, — а старик этого так и не понял. Мы с тобой изрядно повеселимся, Томми, а потом я уйду... сначала недалеко. Я хочу вернуться и полюбоваться на твою голову на шесте... и вскрыть ножом грудь твоему брату и съесть его сердце... сырым, как твой отец съел сердце того дракона...»

Улыбаясь, Флегг вышел из комнаты.

Коронация шла своим чередом. Слуги Томаса (у него по молодости еще не было своего дворецкого) одели его в наряд из черного бархата, усыпанного драгоценными камнями («*Все мое*, — подумал Томас с нарастающим восхищением. — *Теперь все это мое*».) и в высокие черные ботинки из лучшей кожи. Когда ровно в полдвенадцатого появился Флегг и сказал: «Пора, мой король», — Томас уже нервничал гораздо меньше. Успокаивающее сработало на славу.

«Возьми меня за руку, — сказал он, — а то я могу споткнуться».

Флегг охотно выполнил эту просьбу. Так они и предстали перед придворными — Флегг вел юного короля под руку, будто тот был немощным старцем.

Они вместе вышли на залитую солнцем площадь.

Их встретил приветственный рев толпы, напоминавший гул волн, омывавших пустынные берега Восточного бароната. Томас огляделся, изумленный таким шумом, и первой его мыслью было: «Где же Питер? Это ведь его приветствуют!» Потом он вспомнил... и почувствовал радость. Не только оттого, что впервые его так встречали, но и оттого, что Питер в своей башне, — он знал это, — тоже слышит эти крики.

«*Что теперь с того, что ты всегда учился лучше меня? — думал Томас, и эта мысль согревала его. — Что с того? Ты сидишь в Игле, а я... я король! Что с того, что ты каждый вечер приносил ему бокал вина и...*»

Но эта последняя мысль залила его лоб липким холодным потом, и он поспешно отогнал ее прочь.

Крики не смолкали, пока они с Флеггом шли по площади Иглы, а потом под аркой, образованной скрещенными мечами гвардейцев, которые снова надели парадные красные мундиры и волчьи шлемы. Томасу все это начинало нравиться. Он поднял руку в приветствии, и его подданные зашлись от восторга. Мужчины бросали вверх шляпы; женщины плакали. Воздух звенел криками: «Король! Король! Да здравствует король! Да здравствует Томас Светоносный!» Томас, еще мальчик, думал, что эти крики относятся к нему. Флегг, который, быть может, никогда не был мальчиком, знал, что они просто приветствуют возвращение обычной жизни — то, что снова откроются магазины, что угрюмые солдаты не будут ночью дежурить вокруг замка, что можно выпить пьяным без риска проснуться ночью от рева толпы и треска пламени. Не более и не менее. Томас тут не так важен.

Но Флегг видел, что Томас этого не знает.

И не узнает, пока не будет слишком поздно.

Сама церемония была короткой. Андерс Пейна, выглядевший на двадцать лет старше, чем неделю назад, произносил торжественные формулы, и Томас в нужных местах говорил «да», «нет» и «клянусь». В конце церемонии, проходившей в такой тишине, что громадная толпа отчетливо слышала каждое слово, на голову Томасу была возложена корона. Томас поглядел вверх — туда, где в гладкой каменной стене Иглы, на самом верху, чернело единственное окошко. Он не видел Питера, но надеялся, что Питер там, что он смотрит и кусает губы, как часто кусал губы сам Томас — до крови, до белых шрамов.

«Слышишь, Питер? — кричал он про себя. — Слышишь, как они меня приветствуют? Наконец, наконец-то они приветствуют меня!»

В свою первую королевскую ночь Томас Светоносный проснулся с выпученными глазами, зажав руками рот, чтобы сдержать крик. Он увидел страшный сон, еще хуже тех, что преследовали его после посещения Восточной башни.

Он снова был в потайном коридоре и шпионил за своим отцом. Это была ночь, когда отец напился и разговаривал с головами на стене. Но в этот раз он говорил что-то другое.

«Чего ты смотришь? — кричал во сне отец, обращаясь к голове дракона. — Он убил меня, и теперь твой брат осужден за это! Отвечай же, черт тебя поберет! Я делал все, что мог, и посмотри на меня теперь! Посмотри на меня!»

Отец начал гореть. Лицо его обугливалось, дым полз из глаз, из носа, изо рта. Он скорчился в агонии, и Томас увидел, как горят его волосы.

«Вино! — вспомнил он, проснувшись. — Флегг принес ему бокал вина! Все знали, что Питер по вечерам приносит ему вино, и подумали, что это Питер! Но тогда вино принес Флегг, чего он никогда раньше не делал. И отравил его тоже Флегг! Он сказал, что этот яд у него украли, но...»

Он не мог думать дальше. Если он будет думать об этом...

«Он убьет меня», — прошептал Томас в ужасе.

Надо пойти к Пейне. Пейна его не любит.

Да, он мог это сделать. Но тогда Питер станет королем, а он навеки останется глупым принцем, просидевшим на троне всего один день.

За этот день Томас понял, что ему *нравится* быть королем — очень нравится, особенно имея в помощниках Флегга. Кроме того, он же ничего не знал наверняка. Он мог ошибаться.

Он убил меня, и теперь твой брат осужден за это.

Нет, думал Томас, это, должно быть, ошибка, это *должно быть* ошибкой. Он повернулся на бок, потом на другой и в конце концов уснул.

В последующие годы эти кошмары повторялись — отец обвинял его и после исчезал в пламени. За эти годы Томас понял, что тайна и вина никогда не оставляют человека в покое, но с ними можно жить.

Если бы вы спросили Флегта, он бы усмехнулся и сказал, что, по его мнению, Томас не может утаить что-то ни от кого, кроме разве что последнего болвана. И уж, конечно, не от человека, возведшего его на трон. Но люди, подобные Флегту, горды и самоуверенны и часто не видят того, что у них перед самым носом. Флегт так и не узнал, что Томас видел его в ту ночь.

Теперь и у Томаса была своя тайна.

С вершины Иглы Питер смотрел вниз, на коронацию. Как Томас и надеялся, он видел и слышал все, от первого момента, когда Томас, уцепившись за руку Флегга, появился на площади, до последнего, когда он опять скрылся во дворце.

Он простоял у окна три часа, когда церемония давно уже закончилась. Толпа расходилась, возбужденно обмениваясь впечатлениями. Один рассказывал другому, где он был, когда услышал о смерти старого короля, и потом они вдвоем пересказывали это третьему. Женщины, наконец, вволю оплакали Роланда Доброго, не забывая обсудить, как выглядел новый король и как спокойно он держался. Дети играли в короля, падали, разбивали носы, плакали, потом смеялись и опять играли. Мужчины хлопали друг друга по спине, говоря, что теперь все будет хорошо — неделя была ужасная, но теперь уж точно все будет хорошо. За этими словами проглядывала неловкость, словно они понимали, что все не так уж хорошо.

Питер тоже чувствовал это в своей камере, но не мог никому рассказать.

Уже открылись пивные — якобы в честь коронации, на самом деле просто потому, что нужно было работать. К семи вечера весь город был пьян. Народ высыпал на улицы, прославляя Томаса Светоносного или ругаясь друг с другом.

Когда гуляки начали, наконец, расходиться, Питер отошел от окна и сел на единственный стул в своей «гостиной». Он сидел и смотрел, как за окном темнеет.

Принесли ужин — жирное мясо, водянистый эль и хлеб, такой черствый, что Питер мог бы оцарапать им горло, если бы ел. Но он не ел.

Около девяти, когда улицы опять начали заполняться хмельной толпой, Питер пошел во вторую комнату, умылся холодной водой из тазика и помолился, став на колени. После этого он лег в постель. Ему дали только одно тонкое одеяло, хотя в комнате было очень холодно. Он укрылся до подбородка, подложил руки под голову и долго лежал так.

Снизу доносились крики и смех. То и дело взлетали ракеты, а один раз прогрехотал выстрел — пьяный солдат устроил салют, за что на следующий день был отправлен на самую дальнюю границу. Порох в Делейне был редкостью, и к нему относились с опаской.

Где-то около часа Питеру удалось, наконец, уснуть.

Проснулся он в семь. Дрожа от холода, он стал на колени и помолился, выдыхая вместе со словами белые облачка пара. Потом оделся, пошел в гостиную и часа два стоял у окна, глядя, как просыпается город. Пробуждение шло медленнее, чем обычно: у большинства взрослых головы разламывались от накануне выпитого. Они медленно тащились на работу; многих кулаками гнали сердитые жены, без всякого сочувствия к их головной боли. (У Томаса тоже болела голова, но у него хотя бы не было сердитой жены).

Принесли завтрак. Главный тюремщик Бесон, тоже страдавший от похмелья, потчевал Питера овсянкой на воде, прокисшим молоком и тем же черствым хлебом. Это совсем не напоминало завтраки, которые Питеру подавал Деннис, и он опять не стал есть.

В одиннадцать тюремщик молча унес еду.

«Похоже, парень решил голодать», — сказал он Бесону.

«Ну и ладно, — заметил главный тюремщик. — Избавит нас от труда его кормить».

«Наверное, он боится яда», — предположил один из подчиненных, и Бесон, несмотря на головную боль, расхохотался. Хорошая шутка!

Питер большую часть дня просидел на стуле в «гостиной». Иногда он вставал и глядел в окно. На окне не было решеток — никто не беспокоился, что заключенный сможет сбежать. Стена Иглы была совершенно гладкой. Муха могла спуститься по ней, но не человек.

А если у него хватит ума прыгнуть, что с того? Государство только сэкономит на содержании одного убийцы, пусть и голубой крови.

Солнце начало двигаться к закату. Питер сидел и смотрел, как его тень перемещается по комнате. Принесли ужин — снова жирное мясо, водянистый эль и черствый хлеб. Он снова ни к чему не притронулся.

Когда солнце зашло, он сидел в темноте до девяти, потом отправился в спальню. Умылся, помолился, лег в постель. Он снова лежал, подложив руки под голову, и думал. Около часа он уснул.

Так было и на другой день.

И на третий.

Всю неделю Питер ничего не ел, ничего не говорил и ничего не делал — только стоял у окна или сидел на стуле, глядя, как солнце ползет по полу, а потом по стене до потолка. Бесон думал, что юноша помешался от горя. Такое случалось иногда, особенно у знатных. Он может умереть, и черт с ним.

Но на восьмой день Питер позвал Арона Бесона и дал ему поручение... и дал его не как узник.

Как король.

Питер испытывал горе, но не такое сильное, как предполагал Бесон. Он всю неделю тщательно обдумывал свое положение и решил действовать. Конечно, он чувствовал усталость и отчаяние, но он твердо помнил одну вещь: он не убивал своего отца, пусть даже все в королевстве верили в это.

В первые дни его еще одолевали бесполезные чувства. Ребенок в его душе кричал: *«Нечестно! Это нечестно!»* Конечно, так и было, но что толку? Постепенно он начал восстанавливать контроль над собой. После двух-трех дней голода он начал слышать свои мысли. Он ощущал себя легким и пустым... как стакан, ждущий, чтобы его наполнили. Он молился, зная, что не просто молится, а говорит сам с собой, обсуждая то, что с ним случилось.

Он не убивал отца. Это первое. Кто-то сделал так, что его обвинили в этом. Это второе. Кто? Во всем Делейне был лишь один человек, который мог это сделать, который знал, что такое Драконий Песок.

Флегг.

Все понемногу прояснилось. Флегг знал, что при Питере ему не будет места в королевстве. Флегг заставил Томаса дружить с ним... и бояться его. Каким-то образом Флегг отравил отца и создал видимость, что это сделал он, Питер.

Питер понял это на третий день царствования Томаса.

Так что же ему делать? Смириться? Он не мог смириться с этим. Сбежать? Но никто никогда не бежал из Иглы.

Кроме...

Вдруг он вспомнил. Это было на четвертый вечер. Он поглядел на поднос с нетронутым ужином. Жирное мясо, водянистый эль, черствый хлеб. Никакой салфетки.

Кроме...

Сбежать можно. Можно. Это очень опасно и очень долго. Скорее всего, ничего не получится. Но... способ все-таки есть.

А если он все-таки сбежит? Как уличить настоящего убийцу? Питер не знал. Флегг был опытной старой змеей и не оставлял следов. Сможет ли Питер выудить у него признание? Ведь Флегг может просто растаять, как дым, если узнает о бегстве Питера. А если он все же признается, поверят ли ему?

«Да, он сознался, — скажут люди. — Питер, сбежавший отцеубийца, приставил ему нож к горлу, и он сознался. Тут и я бы сознался в чем угодно, хоть в убийстве Бога!»

Вы можете удивляться, как мог Питер думать о таком, сидя в своей камере в трехстах футах над землей. Но я уже сказал, что Питер увидел путь к спасению. Однако что толку с огромными усилиями, подвергая жизнь риску, бежать, если это ни к чему не приведет? Или приведет только к еще большему ущербу для королевства?

Питер думал об этом снова и снова. На седьмой день он решил: лучше попытаться, чем просто сидеть здесь и ждать смерти. Допущена несправедливость. Странно — его больше волновало это, а не то, что несправедливо обошлись именно с ним. Допущена несправедливость, и это нужно исправить, хотя бы и ценой жизни.

На восьмой день царствования Томаса он позвал Бесона.

Бесон слушал речь принца с недоверием и нарастающим гневом. Едва Питер закончил, главный тюремщик разразился таким градом ругательств, что от них покраснел бы и конюх.

Питер выслушал их молча.

«Ах ты, щенок сопливый! — закончил Бесон почти с изумлением. — Ты, кажется, еще думаешь, что живешь во дворце и можешь командовать слугами каждый раз, когда тебе захочется шевельнуть пальцем? Ну уж нет, сэр! Ты крупно ошибаешься!»

Бесон нависал над принцем, выпятив щетинистый подбородок, но Питер не отошел, хотя запах, исходивший от этого типа, был невыносим: дрянное прокисшее вино и застарелая грязь. Между ними не было решетки: Бесон не боялся заключенных, а тем более не боялся этого сопливого крысенка. Главный тюремщик был пузатым широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Его красное лицо, теперь еще больше покрасневшее от гнева, обрамляли космы сальных волос.

Он сжал руку в кулак и поднес к носу Питера. Правую руку он сунул в карман, нащупывая металлический цилиндр. Один удар этим нехитрым приспособлением мог разворотить человеку челюсть, и Бесон не раз убеждался в этом.

«Засунь свои *просьбы* себе в задницу, мой дорогой, вместе со всей прочей ерундой. И в следующий раз, если ты вздумаешь лезть ко мне с *этим*, ты подавишься собственными зубами. Понял?»

Он неторопливо повернулся и пошел к двери, окруженный облаком вонючей старой брюквы.

«Боюсь, что ты совершаешь очень тяжелую ошибку», — Питер произнес это тихо, но отчетливо.

Бесон круто повернулся:

«Ты слышал. И в следующий раз изволь говорить со мной, как подобает, вонючая старая брюква. Я не потерял ни одного из своих предков, пока поднимался сюда».

На миг Бесон потерял дар речи. Рот его открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы — хотя поймай какой-нибудь рыбак рыбу, такую же уродливую, как Бесон, он немедленно бросил бы ее обратно. Холодная, почти брезгливая речь Питера наполнила тюремщика яростью. Сами просьбы Питера его не очень беспокоили, но тон и вид юного принца означали, что умирать он явно раздумал.

Перспективы сонных, спокойных дней и веселых ночей внезапно померкли. Этот парень выглядел очень сильным, очень уверенным. Бесону светила возможность глядеть на него до конца своих дней. И еще...

Вонючая брюква? Он правда назвал меня вонючей брюквой?

«О, мой дорогой принц, — сказал Бесон. — Похоже, это ты сделал ошибку... но обещаю, что ты никогда ее не повторишь», — его губы раздвинулись в улыбке, обнажив почерневшие остатки зубов. Теперь, перед атакой, он двигался с необычным проворством. Правая его рука вылетела из кармана, сжимая кусок металла.

Питер шагнул назад, переводя взгляд от лица Бесона на его кулак и обратно. За спиной тюремщика решетчатое окошко на двери было открыто, и в него заглядывали двое стражников, ожидая начала потехи.

«Ты знаешь, что узники королевской крови пользуются некоторыми привилегиями, — сказал Питер, делая еще шаг назад. — И я не просил ничего недозволенного».

Улыбка Бесона сделалась еще шире. Ему показалось, что в голосе Питера прозвучал страх. Но он ошибался и очень скоро понял это.

«За привилегии надо платить, мой дорогой принц», — Бесон потер друг о друга большой и указательный пальцы левой руки.

«Если ты хочешь, чтобы я заплатил, я заплачу, — сказал Питер. — Только прекрати так себя вести».

«Боишься?»

«Если кто здесь и боится, то, по-моему, это ты, — сказал Питер. — Ты ведь собираешься напасть на брата короля».

Удар попал в цель, и на мгновение Бесон заколебался. Потом он оглянулся, увидел в окошке лица стражников, и лицо его потемнело. Если он отступит, где будет его авторитет?

Ухмыляясь, он прыгнул вперед, поднимая кулак с зажатым железом. Он уже слышал жалобные вопли принца, падающего на пол с разбитым лицом...

Питер отскочил, двигаясь легко, как в танце. Он схватил руку Бесона, не удивившись ее тяжести — сквозь сомкнутые пальцы он заметил блеск металла, — и изо всех сил рванул. Тело главного тюремщика врезалось в стену «гостиной». В глазах у него засверкали звезды; цилиндр выпал и покатился по полу. Питер тут же подхватил его с ловкостью кошки.

«Этого не может быть, — тупо подумал Бесон. Этого просто не может быть».

Он никогда раньше не боялся входить в камеру на вершине Иглы, кто бы там ни сидел — дворянин, барон, принц. О, тут бывали славные схватки, но он им всем показал, кто хозяин. Там, внизу, они могли распоряжаться, но здесь он был главным, и они в конце концов подчинялись его власти. Но этот мальчишка...

Урча от гнева, Бесон отлеился от стены и кинулся на Питера, который тем временем зажал в кулаке металлический цилиндр. Стражники смотрели на происходящее, даже не пытаясь вмешаться; они, как и Бесон, не верили своим глазам.

Теперь тюремщик не хотел уже напугать, унижить своего пленника — он хотел только схватить Питера, бросить на пол и потом топтать ногами.

Но впереди вдруг никого не оказалось. Питер с волшебной быстротой отскочил в сторону и, пока грузный тюремщик пытался повернуться, трижды ударил его. Со стороны эти удары казались легкими, и, если бы их увидел сам Бесон, он рассмеялся и обозвал бы их «детскими».

Но ему они вовсе такими не показались. Каждый удар был нанесен с замахом от плеча, как учил Питера тренер по боксу дважды в неделю на протяжении последних шести лет. Бесон чувствовал себя так, будто его трижды лягнул очень норовистый пони с очень крепкими копытами. Один раз в его голове вспыхнуло синее пламя — это треснула скула. Он отлетел к стене, как тряпичная кукла, и сполз вдоль нее на пол, глядя на принца с тем же недоверием, к которому теперь примешивался страх.

Стражники у двери так и застыли. Бесона поколотил мальчишка? В это так же трудно было поверить, как в ливень с ясного неба. Один из них посмотрел на ключ в руке, подумал и сунул его в карман — так легче притвориться, что вовсе о нем забыл.

«Теперь ты готов поговорить? — Питер произнес это, даже не запыхавшись. — Я же прошу у тебя только две мелочи, за которые к тому же ты будешь щедро вознагражден. Ты...»

С ревом Бесон опять кинулся на него. На этот раз, Питер не ожидал атаки, но успел отскочить, как матадор от разъяренного быка. Однако один из длинных, больше похожих на когти, ногтей тюремщика (долгими зимними вечерами он любил рассказывать подчиненным, как однажды разорвал ногтями горло узнику от уха до уха) прочертил кровавую полосу на левой щеке принца, чудом не попав в глаз.

Питер тоже рассвирепел. Все беды и унижения последних десяти дней вдруг сошлись у него в голове, и на миг — только на миг — ему захотелось убить тюремщика, а не просто научить его правилам хорошего тона.

Когда Бесон повернулся, на него обрушился град ударов правой. Сами удары были несильными, но полтора фунта металла в кулаке Питера превратили их в торпеды.

Бесон взревел и опять кинулся на Питера, но тот встретил его прямым в челюсть. Выплюывая зубы и подвывая, тюремщик кинулся к двери. Он забыл, что на него смотрят стражники; забыл о своем гневе; забыл обо всем, кроме простого животного желания выжить. Впервые за свою бытность главным тюремщиком Бесон испытал страх.

Испугало его не то, что Питер побил его, его били и раньше, хоть и не заключенные. Его испугал взгляд Питера. *Это был взгляд короля, спаси меня, Боже, лицо короля — ярость, пылающая, как солнце.*

Питер прижал Бесона к стене и поднял кулак:

«Ну что, брюква, хочешь еще?»

«Нет, — пробормотал Бесон быстро распухающими губами. — Нет, мой король. Прошу прощения».

«Что? — Питер не верил своим ушам. — Как ты назвал меня?»

Но Бесон молчал. Он произнес эту фразу бессознательно и забыл об этом. Но Питер не забывал ее никогда.

Бесон пролежал без сознания два часа. Если бы не его хриплое, прерывистое дыхание, Питер мог бы подумать, что и правда убил главного тюремщика. Конечно, он был грязной вонючей свиньей, но Питер вовсе не хотел его убивать — кроме того краткого момента. Стражники продолжали смотреть в окно круглыми глазами, как дети в королевском зверинце смотрят на андуанского тигра-людоеда. Они не сделали никаких попыток спасти своего начальника, и по их лицам Питер видел, что они не удивятся, если он прыгнет на Бесона и зубами разорвет ему глотку.

«И почему они так думают? — с горечью спрашивал себя Питер. — Потому что считают, что я убил родного отца, а от такого человека можно ожидать чего угодно, даже убийства беспомощного противника».

Наконец Бесон начал стонать и ворочаться. Глаза его раскрылись — вернее, правый глаз. Левый не открывался еще несколько дней.

Глаз смотрел на Питера не злобно, а, скорее с опаской.

«Ты готов говорить спокойно?» — осведомился Питер.

Бесон пробормотал что-то неразборчивое.

«Не понимаю».

«Ты мог меня убить», — выдавил, наконец, тюремщик.

«Я не хотел никого убивать, — возразил Питер. — А если мне и придется это делать, то начну я не с бесчувственного тюремщика».

Бесон присел у стены, глядя одним глазом на Питера с тем же смешанным выражением недоверия и страха.

Наконец он выдал из себя еще одну фразу. Питер, вроде бы, расслышал, но хотел быть уверенным.

«Повторите, пожалуйста, господин главный тюремщик Бесон».

Бесон выглядел еще более изумленным. Как Иосифа никто не называл главным конюшим, так и его никогда еще не называли «господином главным тюремщиком».

«Можем договориться», — сказал он.

«Вот и хорошо».

Бесон медленно поднялся. Он не хотел больше связываться с Питером — во всяком случае, не сегодня. У него были другие дела. Стражники видели, как его бьют, и не шевельнули пальцем. Он еще покажет этим уродам... вот только отлежится.

Он уже шел к выходу, когда Питер окликнул его.

Бесон повернулся.

«Подожди. Я должен тебе кое-что сказать. Кое-что важное для нас обоих».

Бесон молчал и ждал.

«Вели им, — Питер кивнул на дверь, — закрыть окошко».

Бесон еще некоторое время молчал, потом повернулся и отдал приказание.

Стражники так же, щекой к щеке, стояли у окошка, не понимая слов Бесона... или прикидываясь. Он облизал языком разбитые губы и попробовал еще раз. Теперь они подчинились, но он успел услышать приглушенный смех за дверью. Да, их придется поучить. Но уроды учатся быстро. А этот принц уродом не был, и Бесон решительно не хотел с ним связываться.

«Я хочу, чтобы ты передал записку Андерсу Пейне, — сказал Питер. — Зайдешь за ней вечером».

Бесон собрал остатки мыслей. Пейна? Записка Пейне? Его уже бросило в озноб, когда Питер напомнил, что он брат короля, но что это в сравнении с Пейной?

Чем больше он думал, тем меньше это ему нравилось.

Должно быть, король Томас не стал бы особенно заботиться о своем брате-отцеубийце. И что более важно,

Бесон, как и все в Делейне, начинал уже поглядывать на юного короля снисходительно. Но Пейна...

Для Бесона Пейна был страшнее, чем целый полк королей. Король — это что-то отдаленное и загадочное, как солнце. Прячется ли солнце за тучами или палит во всю мочь — от вас это не зависит, потому что солнце действует не по тем законам, которые можно понять или изменить.

Пейна был другим. Его Бесон мог понимать и бояться. Пейна с его узким лицом и льдисто-голубыми глазами; Пейна с высоким кожаным воротником; Пейна, который решал, кто будет жить, а кто отправится на плаху.

Неужели этот парень собирается приказывать Пейне из своей камеры на вершине Иглы? Или это блеф?

Но это не может быть блефом, раз он хочет писать ему записку.

«Если бы я был королем, Пейна верно служил бы мне, — сказал Питер. — Сейчас я не король, а всего лишь узник. Но еще недавно я оказал ему услугу, за которую он должен быть благодарен».

«Я вижу», — стараясь не улыбаться, прокомментировал Бесон.

Питер вздохнул. На него вдруг навалилась ужасная усталость. Неужели он и правда верит, что сделал первый шаг к свободе, избив этого глупого тюремщика? Где гарантии, что Пейна захочет что-то сделать для него? Может, усталый ум Питера все это насочинял?

Но нужно попытаться. Разве не решил он для себя долгими бессонными ночами, что самый большой грех — сдаваться без борьбы?

«Пейна — не друг мне, — продолжал он. — Я не стану уверять тебя в этом. Меня осудили за убийство отца, и я не думаю, что во всем королевстве у меня остался хоть один друг. Но думаю, Пейна не откажется дать вам немного денег за те мелочи, что я прошу».

Бесон кивнул. Заключение в Иглу лорды могли за деньги обеспечить себя едой, лучшей, чем жирное мясо и черствый хлеб, свежим бельем и даже визитами жен или

подружек. Они происходили из богатых семей, в которых всегда кто-нибудь находился, чтобы оплатить Бесону эти услуги.

Это преступление было из ряда вон выходящим, но и в плательщики парень записал не кого-нибудь, а самого Андерса Пейну.

«И еще, — сказал Питер. — Я думаю, Пейна сделает это, как человек чести. И если ты со своими подручными решите сегодня ночью отыгаться на мне, когда я буду спать, то я думаю, что Пейна вмешается в это дело».

Он пристально поглядел на Бесона.

«Ты меня понял?»

«Да, — сказал Бесон и добавил, — мой господин».

«Ты дашь мне бумагу, перо и чернильницу?»

«Да».

«Подойди».

С некоторыми колебаниями Бесон подошел к нему. Запах тюремщика был тошнотворен, но Питер не отстранился. Запах преступления, в котором его обвинили, отбивал все остальные.

«Прошепчи мне на ухо», — тихо сказал он.

Бесон недоуменно моргнул:

«Что, мой господин?»

«Номер».

Немного подумав, Бесон сделал это.

Один из стражников принес Питеру письменные принадлежности, которые тот просил. Поглядев на узника опасливым взглядом уличного, часто пинаемого кота, он поспешил уйти, боясь испытать на себе то, что досталось Бесону.

Питер, сидя у окна, смóтрел на зажигающиеся внизу огни города и слушал свист ветра.

«*Уважаемый главный судья Пейна*», — написал он и остановился.

«Скомкаешь ли ты это письмо, не читая, и швырнешь в огонь? Или прочитаешь и посмеешься над дурачком, который убил отца и теперь осмеливается что-то просить у главного судьи королевства? Или вникнешь в мою просьбу и догадаешься, что я хочу сделать?»

Настроение у Питера было хорошее, и он, подумав, ответил «нет» на все три вопроса. Такой человек, как главный судья, скорее представит себя танцующим в голом виде при луне на площади Иглы, чем допустит мысль об этом. «*К тому же я прошу такую малость*, — с улыбкой подумал Питер. — *Надеюсь, он так и подумает*».

Он окунул перо в чернила и начал писать.

Следующим вечером, после того, как пробило девять, дворецкий Андерса Пейны отворил дверь на непривычно поздний стук и недоуменно уставился на стоящего на пороге главного тюремщика. Арлен — так звали дворецкого, — конечно, видел Бесона раньше, но сейчас не узнал его. На лице тюремщика играла красно-желто-фиолетовая радуга. Левый глаз понемногу открылся, но до сих пор походил на шелку. Вечерний гость настолько напоминал уродливого призрака, что Арлен попытался захлопнуть дверь перед самым его носом.

«Подожди, — промычал Бесон. — У меня письмо для твоего хозяина».

Дворецкий снова попробовал захлопнуть дверь. Распущенное лицо незнакомца пугало его. Может, это тролль из северных краев. Говорили, что последний из этого дикого племени умер или был убит еще в незапамятные времена, но кто знает...

«Я от принца Питера, — сказал Бесон. — Если ты непустишь меня, твой хозяин рассердится».

Арлен задумался. Если этот тип пришел от Питера, он, должно быть, тюремщик. Но...

«Ты не очень-то похож на Бесона», — сказал он.

«Ты тоже не очень-то похож на своего отца, но это не удивительно, потому что я знал твою мать, — тролль оскалился и просунул в щель смятый конверт. — Вот, возьми, я подожду. Можешь закрыть дверь, хоть здесь и чертовски холодно».

Арлена это не интересовало. Он не собирался пускать это чудовище в дом, будь на улице хоть двадцать градусов мороза. Он взял конверт, закрыл дверь, запер ее, потом вернулся и запер на второй оборот.

Пейна сидел у себя в кабинете, смотрел на огонь и думал. Томаса короновали всего полмесяца назад, а главному судье уже было не по себе. Флегг. Всею виной Флегг. Он получил гораздо больше власти, чем при Роланде. Тот был хотя бы мужчиной, хоть и тугодумом; а Томас всего-навсего мальчик, и Пейна боялся, что Флегг скоро начнет править королевством от его имени. Это было плохо для королевства... и еще хуже для Андерса Пейны, который никогда не скрывал своей нелюбви к чародею.

В кабинете, перед очагом, было тепло и уютно, но Пейна все равно чувствовал холод. Холодный ветер, дующий неведомо откуда и грозящий снести все...

Почему, Питер? Почему ты не мог подождать? И почему ты, казавшийся таким прекрасным, как румяное яблоко, оказался гнилым внутри? Почему?

Пейна не знал этого... и не признавался себе в том, что до сих пор сомневается, так ли Питер прогнил.

В дверь постучали.

Пейна вскинул голову и сердито крикнул:

«Входи! И лучше с добрыми вестями!»

Вошел сконфуженный почему-то Арлен с конвертом в руке.

«Ну?»

«Мой господин... там человек... во всяком случае, он похож на человека... лицо у него распухло, будто его сильно избили... и он...»

«Ну и что? Ты же знаешь, я не принимаю так поздно. Скажи ему, пусть катится к черту!»

«Он утверждает, что он Бесон, мой господин, — Арлен еще больше сконфузился. — Принес вот это. Говорит, что это письмо от принца Питера».

Сердце Пейны при этих словах подпрыгнуло, но он лишь грозно поглядел на дворецкого:

«Ну и что же?»

«Я не знаю, мой господин, — Арлен полностью потерял свою обычную выдержку. Раньше Пейна думал, что он сохранил бы ее даже в логове огнедышащего дракона. — Я думал...»

«Так это Бесон, болван?»

Арлен облизал губы — неслышанно!

«Может быть, мой господин... он немного похож, но очень опухший. Я... мне кажется, он напоминает тролля»; — выложил он итог своих раздумий, пытаясь скрасить его беспомощной улыбкой.

«Это Бесон, — подумал Пейна. — Это Бесон, и Питер каким-то образом избил его и заставил передать мне письмо. Таких можно заставить только битьем».

Внезапно Пейну охватило странное чувство — его будто завели в темную пещеру и вдруг в темноте блеснул луч света.

«Давай письмо», — приказал он.

Рука Арлена дрожала. Это тоже было что-то новое.

Он позволил дворецкому дойти до двери, как опытный рыболов, приспускающий леску, потом окликнул.

Арлен резко повернулся.

«Никаких троллей нет. Разве мать тебе не говорила?»

«Говорила», — с сомнением подтвердил Арлен.

«Она умная женщина. Впусти старшего тюремщика. Пусть посидит на кузне. Я не желаю его видеть, от него воняет. Но ночь холодная, впусти его погреться», — Пейна заметил, что со дня смерти Роланда все ночи были холодными, как бы возмещаая жар, сгубивший старого короля.

«Да, мой господин».

«Потом я позову тебя и скажу, что делать».

Арлен поклонился и вышел.

Пейна повертел конверт в руках прежде чем открыть. Запечатано обычным свечным воском. Грязь и вонь, без сомнения, от сальных лап Бесона.

«Может, было бы лучше бросить его в огонь и никогда больше о нем не вспоминать. Потом позвать Арлена, велеть накормить главного тюремщика ужином — а он действительно похож на тролля, раньше я об этом не думал, — и отпустить с миром».

Но он знал, что не сделает этого. Его не покидало абсурдное чувство — луч света в темной пещере. Он вскрыл конверт и стал читать.

«Пейна!

Я решил жить.

Я раньше мало читал об Игле и мало слышал, и все это были сплетни. Но я слышал, что тут можно кое-что купить за деньги. У меня денег нет, но, я надеюсь, ты не откажешься уплатить главному тюремщику всего восемь золотых за ту небольшую услугу, о которой я прошу. Это две вещи. Если ты согласишься «подмазать» Бесона, чтобы он их мне обеспечил, я больше никогда не побеспокою тебя.

Я понимаю, что ты не захочешь, помогая мне, портить свою репутацию, поэтому поручи это дело моему другу Бену. Я не говорил с ним после ареста, но знаю, что он по-прежнему верен мне. Я попросил бы его сразу, но у него нет денег. Поэтому я прошу тебя — ведь я совсем недавно оказал тебе услугу. Но если ты откажешься, я пойму.

Я не убивал моего отца.

Питер».

Пейна долго смотрел на это странное письмо. Его глаза перебегали с первой строчки на последнюю.

Я решил жить.

Я не убивал моего отца.

Его не удивляло, что юноша продолжает протестовать — многие преступники делали это годами, хотя их вина была неопровержимо доказана. Но такой решительности в оправданиях он еще не встречал. Такой... командности.

Да, именно это удивило Пейну в письме. Он знал, что истинного короля не меняют ни изгнание, ни тюрьма, ни даже казнь. И это было письмо истинного короля.

Я решил жить.

Пейна вздохнул. Через некоторое время он взял перо, пододвинул чернильницу и начал писать. Его письмо получилось еще короче, чем у Питера. За пять минут он написал его, присыпал песком и запечатал. Потом позвонил Арлену.

Тот появился, еще более сконфуженный.

«Бесон еще здесь?»

«Думаю, что да, мой господин», — ответил Арлен. На самом деле он знал, что Бесон здесь, потому что только что видел, как он ходит по кухне из угла в угол, зажав в руке, как дубину, обглоданную куриную ногу. Мясо он уже съел и теперь с леденящим душу хрустом, грыз кость.

Арлен так до конца и не поверил, что этот человек не тролль.

«Передай ему, — Пейна вручил ему письмо вместе с двумя золотыми. — Это ему за труды. Скажи — если будет ответ, пусть немедленно принесет его мне».

«Да, мой господин».

«Не болтай с ним долго», — похоже, Пейна шутил.

«Нет, мой господин».

Арлен вышел, все еще вспоминая хруст костей.

«Вот, — сказал Бесон утром, входя в камеру Питера. Теперь он был даже доволен. На два золотых можно было купить бочку меда, и половину ее он уже выпил этой ночью. — Сделали из меня какого-то чертова почтальона».

«Спасибо», — Питер взял конверт.

«Не хочешь его открыть?»

«Когда ты уйдешь».

Кулаки и Бесона сжались сами собой. Питер просто стоял и смотрел на него. Через минуту Бесон опустил руки.

«Чертов почтальон!» — повторил он и выскочил, хлопнув дверью. Щелкнул стальной замок, и с шумом закрылись три засова, каждый толщиной с руку Питера.

Когда звуки стихли, Питер прочитал письмо. В нем было всего три предложения:

«Я знаю об обычае, о котором ты пишешь. Согласен выделить нужную сумму. Но лишь после того, как ты объяснишь, что хочешь получить за эти деньги от нашего общего друга».

Питер улыбнулся. Удивительно осторожный человек, этот Пейна! Ему не придется ни в чем участвовать, посредником будет Бен, и все равно хочет знать все детали.

Он постучал в дверь и после коротких переговоров с Бесоном получил перо, чернила и бумагу. Тюремщик опять проворчал что-то про чертова почтальона, но предвкушал уже появление в кармане еще двух золотых.

«Если вы будете переписываться еще немного, я могу разбогатеть», — пробормотал он неизвестно кому, выходя в коридор.

Пейна открыл второе письмо Питера и сразу увидел, что на этот раз в нем не было никаких имен. Юноша учился быстро. Это хорошо.

«Может, ваше желание узнать о моих просьбах неуместно, но выбирать не приходится. Я в Вашей власти. Вот две вещи, которые я хочу купить за восемь золотых:

1. Я хочу получить кукольный домик моей матери. Я очень любил играть с ним в детстве и сохранил память об удивительных приключениях, связанных с ним.

2. Я хочу, чтобы к любой пище мне подавали салфетку — настоящую королевскую салфетку. Герб можно убрать.

Таковы мои просьбы».

Пейна перечитал письмо не один раз прежде чем бросить его в огонь. Похоже, испытания все же повлияли на рассудок Питера. Зачем ему кукольный домик? Пейна знал, что он еще хранится где-то в королевской кладовой. Можно, вполне можно дать его принцу... если предварительно удалить все острые предметы, ножики и все такое. Пейна помнил, как Питер любил этот домик в детстве, и помнил, как Флегг протестовал против этого. Роланд тогда еще не послушался Флегга... редкий случай.

И вот Питер вспомнил о кукольном домике.

Может, он не в своем уме?

Пейна так не считал.

Теперь салфетка... что ж, это можно понять. Питер всегда требовал, чтобы ему подавали салфетку. Даже когда ездил на охоту с отцом. Странно, что он не просил лучшей

еды, как все прочие знатные узники, но на него это похоже.

Эти салфетки... тоже от матери, я уверен. Есть ли тут какая-нибудь связь? Салфетки и кукольный домик Саши. Что это значит?

Пейна не знал, но абсурдная надежда возникла опять. Флегг не хотел, чтобы Питер играл с домиком в детстве — и вот он возник опять.

И где-то глубоко, едва уловимо, таилась еще одна мысль. Если Питер все-таки не убивал отца, то кто мог это сделать? Конечно, тот, кому принадлежал сначала этот ужасный яд. Тот, кто лишился бы всего, если бы Питер пришел к власти. Тот, кто теперь, при Томасе, *приобрел* все.

Флегг.

Эта мысль ужасала. Она значила, что правосудие совершило ошибку. Что он судил Питера не на основании логики, которой всегда гордился, а на основании неприязни, возникшей, когда он увидел слезы принца. Мысль о том, что он вынес самый важный приговор в жизни, руководствуясь эмоциями, была невыносима.

Так почему бы не дать ему теперь этот домик?

Пейна написал короткую записку. Бесон получил еще два золотых и надеялся на дальнейшую переписку, но ее не последовало.

Питер получил то, о чем просил.

В детстве Бен Стаад был стройным голубоглазым мальчиком с вьющимися светлыми волосами. Девочки заглядывались на него, еще когда ему было девять лет.

«Скоро это кончится, — предрекал отец Бена. — Все Стаады в детстве были хороши. Он тоже, когда вырастет, потемнеет, станет шуриться на все вокруг и сделается обыкновенной свиньей в королевском свинарнике».

Но эти предсказания не сбылись. Бен стал первым Стаадом за несколько поколений, который в семнадцать остался таким же светловолосым, как был в семь, и мог за четыреста ярдов отличить ястреба от коршуна. И глаза его не щурились близоруко, а смотрели светло и ясно, и девочки заглядывались на него все так же.

Ему повезло... и это тоже отличало его от других Стаадов, на которых неудачи так и сыпались, по крайней мере, в последние триста лет. Семья Бена надеялась, что он вытащит ее из благородной бедности. В конце концов глаза его не помутнели и волосы не потемнели. И принц Питер — его лучший друг.

Но потом Питера обвинили в убийстве отца и посадили в Иглу быстрее, чем Стаады успели сообразить, что это значит. Эндрю, отец Бена, был на коронации Томаса и вернулся оттуда весь в синяках.

«Я уверен, что Питер невиновен, — сказал тем вечером Бен за ужином. — Отказываюсь верить, что...»

В следующий момент он лежал на полу, в ухе у него звенело, а отец возвышался над ним с капающим с усов гороховым супом. Лицо его было пурпурным. Младшая

сестренка Бена, Эммалина, разревелась на своем детском стульчике.

«Не упоминай в моем доме этого мерзавца», — сказал отец.

«Эндрю! — крикнула мать. — Эндрю, он же не понимает...»

Отец, обычно добрейший человек, повернул голову и свирепо уставился на мать:

«Помолчи, женщина!» — рявкнул он, и она испуганно замолчала. Даже Эммалина утихла на своем стуле.

«Отец, — тихо сказал Бен, — ты уже лет десять не трогал меня пальцем. Да и до того ты никогда не делал этого в гневе. Но я все равно не верю...»

Эндрю Стаад предостерегающе поднял палец:

«Я велел тебе не упоминать его имени. Бен, я очень тебя люблю, но если ты еще раз назовешь это имя, ты покинешь мой дом».

«Не назову, — сказал Бен, поднимаясь, — но только потому, что люблю тебя, отец, а не потому, что боюсь».

«Прекратите! — голос миссис Стаад был испуганным. — Я не желаю, чтобы вы так говорили друг с другом. Вы что, хотите свести меня с ума?»

«Нет, мама, не беспокойся, уже все, — сказал Бен. — Правда, папа?»

«Все. Ты очень хороший сын, Бен, но не упоминай этого имени».

Хотя Бену было семнадцать, Энди по-прежнему считал его ребенком и не хотел говорить с ним о некоторых вещах. Он удивился бы, если бы узнал, что Бен отлично понимает, почему он так сердит.

Прежде чем случились события, о которых вы уже знаете, дружба Бена с принцем улучшила положение Стаадов. Их ферма была когда-то очень большой, но на протяжении ста лет они были вынуждены продавать земли кусок за куском. Осталось всего шестьдесят акров, большей частью заложенных.

Однако за последние десять лет многое изменилось. Банкиры перестали угрожать конфискацией заложенных

земель и даже предлагали новые кредиты по смехотворно низким процентам. А Энди Стааду было больно смотреть, как земли предков уплывают от него акр за акром, и он был счастлив, когда смог сказать Хэлвен, соседу, который зарился на его три акра, что раздумал их продавать. И он знал, кого следует благодарить за эти удивительные перемены. Его сына, который дружил с принцем Питером, будущим королем.

Теперь они снова сделались невезучими Стаадами. Если бы не это, он в жизни не стал бить сына — поступок, о котором он уже жалел.

Их положение ухудшилось разом. Энди в последнее время потратил уйму денег — выкупил проданные раньше земли, построил мельницу. Теперь банкиры скинут овечью шкуру, набросятся на него жадными волками, и он разом потеряет все, что раньше продавал кусок за куском.

И это еще не все. Какой-то инстинкт заставил его не брать никого из родных на коронацию Томаса. И он оказался прав.

После коронации он заглянул в пивную. Эти события — смерть короля и заточение Питера — сильно взволновали его, и он хотел выпить, чтобы успокоиться. Его сразу узнали.

«Помогал ему твой сынок, Стаад?» — осведомился один пьяный, и остальные гнусно захохотали.

«Может, он держал старика, пока принц вливал ему отраву в глотку?» — подхватил другой.

Эндрю одним глотком допил кружку и собрался уходить. Делать ему здесь было нечего.

Но третий пьяный — громила, от которого воняло, как от бочки с кислой капустой, — рванул его назад.

«И что *ты* об этом знаешь?» — спросил громила задушевым голосом.

«Ничего, — сказал Эндрю. — Я ничего не знаю, и мой сын тоже. Пусти».

«Ты уйдешь, когда — и *если*, — мы тебя отпустим», — сообщил громила и толкнул его в объятия прочих пьяных.

Тут началась потеха. Они перекидывали Энди Стаада друг другу, поддавая ему то локтем, то коленом. Бить его они не осмеливались, хотя по глазам было видно, как им хотелось это сделать. Будь они попьянее, Энди оказался бы в серьезной переделке.

Энди, мужчина сильный и широкоплечий, прикинул, что смог бы уложить двоих, может, даже троих... но их было не меньше восьми. В возрасте Бена он еще мог бы полезть на рожон, но в сорок пять он не мог позволить себе притащиться домой избитым до полусмерти. К тому же это бесполезно — удача вновь покинула их семью, с этим ничего не поделаешь. Бармен безучастно глядел на происходящее, даже не пытаясь вмешаться.

Наконец они отпустили его.

Теперь он боялся за жену... за дочь... и больше всего за Бена. «Будь на моем месте Бен, — думал он, — они наверняка пустили бы в ход кулаки. Они избили бы его... если бы не хуже».

Поэтому он и ударил сына, и пригрозил прогнать из дома, если Бен еще хоть раз упомянет имя принца.

Иногда люди ведут себя странно.

То, что Бен Стаад понял теоретически, ему доказали на практике на следующий день.

Он отогнал на рынок шестерых коров и продал их за хорошую цену (покупатель не знал его, иначе цена не была бы такой хорошей). Он уже подходил к городским воротам, когда его окружили какие-то бездельники, обзывая убийцей и еще похлеще.

Бен сделал все, что мог. В конце концов они избили его — их было семеро, — но заплатили за это синяками, разбитыми носами и выбитыми зубами. Уже в темноте Бен кое-как доплелся домой. Все у него болело, но он был доволен собой.

Отец сразу понял, что произошло.

«Скажи матери, что ты упал», — коротко бросил он.

«Да, папа».

«И теперь я буду отвозить на рынок коров, или зерно, или что угодно, пока банкиры не выгонят нас отсюда».

«Нет, папа», — сказал Бен так же спокойно, как только что говорил «да». Для парня, которого только что здорово побили, он держался странно — почти весело.

«Что это значит?» — с недоумением спросил отец.

«Если я буду прятаться, они все равно меня найдут. Если же я буду стоять на своем, они скоро устанут и оставят меня в покое».

«Если кто-нибудь из них возьмется за нож, — возразил Энди, — ты можешь не дожить до того, как они устанут».

Бен крепко обнял отца.

«Богов не перехитришь», — процитировал он одну из древних пословиц Делейна. — Я все равно буду драться за Пи... за того, чье имя ты запретил мне упоминать».

Отец грустно посмотрел на него:

«Ты так и не поверил, что это сделал он?»

«Нет. И никогда не поверю».

«Ты стал мужчиной, сын, а я и не заметил. Нехороший это способ становиться мужчиной. Но и времена сейчас нехорошие».

«Да, — подтвердил Бен. — Времена нехорошие».

«Храни тебя Бог, — сказал Эндрю, — Храни Бог нашу несчастную семью».

Томаса короновали в конце долгой и холодной зимы. На пятнадцатый день его царствования на Делейн налетела последняя снежная буря. Снег падал сплошной стеной, и ветер сдувал его в сугробы.

В девять вечера, когда, казалось, ни один нормальный человек носа не высунет на улицу, в дверь дома Стаадов постучали. Стук был тяжелым и требовательным.

Эндрю и Бен сидели перед очагом и читали. Сьюзен Стаад вышивала надпись «Боже, храни короля». Эммалина уже давно спала. Все трое поглядели друг на друга. Во взгляде Бена было только любопытство, но отец и мать сразу, инстинктивно почувствовали испуг.

Эндрю встал и сунул в карман очки. *«Пусть это будет прохожий, заблудившийся в этом снегу»*, — взмолился он, но за дверью стоял солдат короля в кожаном боевом шлеме, с коротким мечом у пояса.

«Твой сын», — сказал он, и у Эндрю подкосились ноги.

«Зачем он тебе?»

«Я от Пейны», — сказал солдат.

«Нет, — думал в отчаянии Эндрю, — только не это, за что нам столько несчастий, только не моего сына...»

«Это он?»

Прежде чем успел Эндрю солгать, что было явно бесполезно, Бен шагнул вперед:

«Я Бен Стаад. В чем дело?»

«Ты должен пойти со мной», — сказал солдат.

«Куда?»

«В дом Андерса Пейны».

«Нет! — закричала мать. — Уже поздно, мороз, все замело снегом...»

«У меня сани», — возразил солдат, нащупывая рукой рукоять меча.

«Я иду», — Бен взял куртку.

«Бен...» — начал Эндрю, думая: *«Мы никогда больше его не увидим, его сгноят в темнице из-за этого проклятого принца».*

«Все будет в порядке, папа», — Бен обнял отца, и Эндрю на миг поверил, что так и будет. Но его сын еще не знает, как жесток мир.

Эндрю Стаад и его жена стояли в двери и смотрели, как Бен и солдат прокладывают путь к саням, которые были лишь еле заметной тенью во мраке, освещенной тусклым фонарем. Они ничего не говорили.

«Всего один солдат, — думал Эндрю, — это уже кое-что. Может, его хотят всего лишь допросить. О, если бы это было так!»

Стаады так же молча смотрели, как сани, звеня колокольчиками, отъезжают от дома. Сьюзен заплакала.

«Мы никогда его не увидим, — всхлипнула она. — Никогда! Они его забрали! Проклятый Питер, это он утащил нашего сына за собой!»

«Тише, мать, — Эндрю крепко обнял ее. — Тсс! Он вернется утром. Самое позднее, днем».

Но она услышала в его голосе дрожь и заплакала еще сильнее. Ее плач разбудил Эммалину, которую пришлось долго успокаивать, и наконец мама с дочкой вместе уснули на большой кровати.

Эндрю Стаад не спал всю ночь.

Он сидел у огня, надеясь вопреки всему, но в глубине души думал, что никогда уже не увидит сына.

Через час Бен стоял перед Андерсом Пейной. Он был удивлен, но не испуган, и внимательно слушал все, что говорил главный судья. Слышал он и приглушенный звон монет, которые тот пересыпал из одной руки в другую.

«Понял меня, юноша?» — спросил Пейна своим сухим судейским голосом.

«Да, господин».

«Я должен быть уверен. Это не шуточное дело. Повтори, что ты сделаешь».

«Я пойду в замок и поговорю с Деннисом, сыном Брендона».

«А если Брендон вмешается?»

«Скажу, чтобы он поговорил с вами».

«Верно», — Пейна откинулся в кресле.

«И я не должен говорить, чтобы они держали этот разговор в тайне».

«Да. А почему?»

Бен какое-то время молчал. Пейна не мешал ему думать: парень ему нравился. Он держался спокойно и уверенно. Любой другой, кого привели бы к нему среди ночи, дрожал бы от ужаса.

«Потому что тогда они скорее могут рассказать об этом, чем если бы я не сказал ничего».

Губы Пейна тронула усмешка:

«Молодец. Дальше».

«Вы даете мне десять золотых, Два я дам Деннису: один для него, а второй для того, кто найдет кукольный дом, принадлежавший матери Питера. Остальные восемь —

для Бесона, главного тюремщика. Деннис передаст мне кукольный дом, который я отдам Бесону, а салфетки он отдаст Бесону сам».

«Сколько?»

«Двадцать одну каждую неделю. Королевские салфетки, но без герба. Вы наймете женщину, которая будет срезать гербы с салфеток. Время от времени вы будете передавать через меня деньги Деннису или Бесону».

«Но сам не возьмешь?» — уточнил Пейна. Он уже предлагал, и Бен отказался.

«Нет. Это все».

«Уже немало».

«Жаль, что я не могу сделать больше».

Пейна сел прямо, внезапно посуровев лицом:

«Не можешь и не должен. Это очень опасно. Ты оказываешь услуги человеку, обвиненному в отвратительном преступлении».

«Питер — мой друг», — возразил Бен с достоинством.

Пейна усмехнулся, указывая на синяки, украшающие лицо Бена:

«Я вижу, ты уже заплатил за эту дружбу».

«Я готов заплатить в сто раз больше, — Бен поколебался и твердо добавил. — Я не верю, что он убил отца. Он любил короля Роланда не меньше, чем я люблю своего отца».

«Да?» — переспросил Пейна без интереса.

«Да! А вы верите, что он это сделал? Вы действительно верите в это?»

Пейна усмехнулся так, что даже горячая кровь Бена застыла в жилах.

«Если бы я не верил, я бы поостерегся говорить об этом кому попало, — сказал он ужасно медленно. — Иначе я очень скоро почувствовал бы на шее лезвие топора».

Бен молча смотрел на него.

«Ты говоришь, что ты его друг, и я тебе верю, — Пейна, сидя в кресле так же прямо, не отрывал от Бена глаз. — Если ты и правда его друг, ты сделаешь то, что я сказал, и не больше. Если ты надеешься, что Питер в конце концов

будет освобожден — а я вижу это по твоему лицу, — то оставь эти надежды».

Пейна не позвал Арлена, а сам вывел юношу через черный ход. Солдат, который привел его, завтра же отправится в западный баронат.

У двери Пейна сказал:

«Напоминаю еще раз: не отступай от договоренности *ни на шаг*. Друзей Питера сейчас не очень жалуют в королевстве, как доказывают твои синяки».

«Я буду драться с ними!» — воскликнул Бен.

«Да-да, — Пейна опять усмехнулся. — И то же придется делать твоей матери? Или младшей сестре?»

Бен уставился на него широко раскрытыми глазами.

«Так и будет, если ты не проявишь максимальную осторожность, — сказал Пейна. — Буря только начинается, — он открыл дверь, за которой выл ветер. — Иди домой, Бен. Думаю, родители будут рады увидеть тебя».

Так оно и было. Родители встретили его у дверей — они слышали колокольчики. Мать, рыдая, кинулась ему на шею. Раскрасневшийся отец жал ему руку до боли. Бен вспомнил слова Пейны: «*Буря только начинается*».

Позже, лежа в постели и слушая вой ветра за окном, Бен понял, что Пейна так и не ответил на его вопрос — верит ли он в виновность Питера.

На семнадцатый день царствования Томаса Деннис, сын Брендона, принес в Иглу первую партию салфеток. Он взял их из хранилища, о котором не знали ни Питер, ни Бен, ни сам Андерс Пейна. Деннис знал, потому что он был дворецким из древнего рода дворецких, но для него это было само собой разумеющимся, и он не думал о том, откуда взялось столько салфеток. Мы еще поговорим об этой комнате, а пока достаточно сказать, что, знай о ней Питер, он мог бы попытаться убежать тремя годами раньше, и тогда многое случилось бы иначе.

Королевский герб с салфеток удаляла женщина, которую Пейна выбрал за быстроту ее иглы и за умение молчать. Каждый день она сидела в кресле у дверей склада, срезая ветхие нитки. Когда она делала это, ее губы были сжаты еще крепче, чем обычно: ей казалось почти святотатством портить такую хорошую работу, но она была бедна, и деньги, предложенные ей Пейной, казались небесным даром. Поэтому она годами и сидела там и работала ножницами, как одна из волшебниц-сестер, о которых вы, должно быть, знаете из другой сказки. Она не говорила о своей работе никому, даже мужу.

От салфеток тянуло странным запахом — чистым, но затхлым, от долгого хранения, — но они были девственно-белыми, двадцать на двадцать каждая, достаточно, чтобы прикрыть колени самого большего едока.

При доставке первой партии салфеток разыгралась комическая сцена. Деннис и Бесон некоторое время глядели друг на друга — каждый ожидал от другого чаевых. Поняв тщетность ожиданий, Деннис повернулся к двери, и разочарованный Бесон проводил его легким пинком. Потом он взял одну из салфеток и притворился, что вытирает ею зад, к немалому веселью подчиненных. Но только притворился — в дело замешан Пейна, значит, надо быть осторожным.

Впрочем, все могло измениться. В пивных Бесон уже слышал разговоры о том, что главный судья вызвал недовольство Флегта, и, быть может, скоро ему предстоит взглянуть на судебную процедуру не под тем углом, что раньше — с одного из шестов на высокой стене замка.

На восемнадцатый день царствования Томаса на подносе с завтраком, который принесли Питеру, появилась первая салфетка. Она была такой большой, что целиком закрывала маленький завтрак. Питер улыбнулся — впервые в этом гиблом месте. Его щеки уже густо поросли щетиной, которой предстояло вырасти в длинную бороду, и вид у него был довольно несчастный... пока он не улыбался. Эта улыбка волшебным образом преображала его лицо, делала его сильным и сияющим.

«Бен, — прошептал он, поднимая салфетку. — Я знал, что ты это сделаешь. Спасибо, дружище. Спасибо».

Первое, на что Питер употребил салфетку — вытер слезы, которые полились по его щекам.

В двери открылся глазок. В нем одновременно, как две головы Флегтова попугая, возникли двое стражников, прижавшихся друг к другу щетинистыми щеками.

«Мальчик не забудет вытереть носик?» — осведомился один издевательски-тонким голосом.

«Мальчик не забудет вытереть кашку с рубашки?» — подхватил второй и загоготал. Но Питер не смотрел на них и не переставал улыбаться.

Что-то в этой улыбке заставило стражников прекратить шуточки. Скоро они закрыли глазок.

Следующую салфетку принесли в обед.

Потом — на ужин.

Салфетки продолжали приносить три раза в день в течение пяти лет.

Кукольный дом прибыл на тридцатый день правления Томаса Светоносного. В это время у дорог уже появились первые вестники весны — цветы, что у нас зовут васильками. И тогда же Томас подписал указ о введении нового налога на фермеров, который вскоре прозвали Черной Податью. По пивным загуляло новое прозвище короля: Томас Налогоносный. Налог был больше прежнего не на восемь, даже не на восемнадцать, а на восемьдесят процентов. Томас вначале сомневался, но Флегг быстро его уломал.

«Они все равно утаивают большую часть доходов, — говорил он, — а так мы возьмем с них хотя бы малую часть».

Томас, голова которого гудела от выпитого накануне, кивал с выражением лица, которое считал мудрым.

Питер тем временем боялся, что кукольный дом за эти годы мог потеряться. Так едва не случилось. Бен Стаад поручил поиски дома Деннису, и тот после нескольких дней бесплодных поисков обратился к отцу — единственному, кто мог помочь в таком серьезном деле. Только через пять дней Брендон смог отыскать домик в маленькой комнате на девятом ярусе западной башни, под серым от времени покрывалом, изъеденным молью. Дом сохранился в неприкосновенности, и Брендон, Деннис и приставленный к ним Пейной солдат три дня удаляли из него острые предметы. Наконец двое парней с превеликой осторожностью подняли дом по трем сотням ступенек на вершину башни. Бесон шел следом, чертыхаясь и угрожая

страшными карами, если они уронят ношу. Пот тек с парней рекой, но они молчали.

Когда домик внесли в камеру Питера, он вскрикнул от неожиданности — не только потому, что почти потерял надежду увидеть его, но и потому, что одним из несших его парней оказался Бен Стаад.

«Тише!» — блеснули глаза Бена.

«Не смотри на меня слишком долго!» — ответил взгляд Питера.

После всех своих советов Пейна изумился бы, увидев здесь Бена. Но он забыл, что вся мудрость стариков бессильна против юного сердца, если оно доброе и храброе. А сердце Бена было именно таким.

Было очень легко поменяться местами с одним из парней, которым велели нести дом. За золотой — Бен отдал бы за это гораздо больше, отдал бы все золото мира, — Деннис все устроил.

«Не говори отцу», — предупредил его Бен.

«А почему? — удивился Деннис. — Я ему почти обо всем говорю... А ты разве нет?»

«Я тоже, — Бен вспомнил, как отец запретил ему упоминать имя Питера. — Раньше. Но с возрастом кое-что изменилось. Как бы там ни было, не говори ему. Он может рассказать Пейне, и я попаду в переплет».

«Ладно», — обещал Деннис, и он сдержал обещание. Деннис очень любил и жалел своего бывшего хозяина, и за несколько дней Бен занял опустевшее место в его сердце.

«Вот и хорошо, — Бен дружески похлопал Денниса по плечу. — Я только погляжу на него, и все».

«Ты был его лучшим другом?»

«Я им и остаюсь».

Деннис изумленно поглядел на него:

«Как ты можешь называть другом того, кто убил родного отца?»

«Я не верю, что он сделал это. А ты?»

Тут пришла очередь удивляться Бену. Деннис внезапно заплакал.

«Сердце говорит мне то же, — выдавил он сквозь слезы. — Но...»

«Так слушай свое сердце, — Бен обнял его. — И успокойся, пока никто не увидел, как ты реवेशь».

«Поставьте это в ту комнату», — сказал теперь Питер. Голос его слегка дрожал, но Бесон ничего не заметил: он ругал носильщиков за неуклюжесть. Ставя дом на кровать, второй парень нечаянно уронил свой угол. Внутри что-то звякнуло, и Питер вздрогнул. Бесон разразился новыми проклятиями, но сам улыбался — с тех пор, как эти двое появились тут с этой дрянью, его впервые что-то порадовало.

Парень встал, виновато глядя на Бесона и испуганно — на Питера. Бен еще секунду оставался на коленях. У кровати лежал маленький плетеный коврик, какие у нас кладут перед дверями, и Бен на мгновение коснулся его рукой, поглядев при этом на Питера. Потом он встал.

«Теперь пошли вон! — крикнул Бесон. — Убирайтесь! Катитесь домой и отругайте ваших матерей за то, что они произвели на свет таких неуклюжих выроdkов!»

Они прошли мимо Питера — парень, уронивший дом, жался к стенке, будто боялся заразиться от Питера, — и Бен еще раз встретился с ним глазами. Питер вздрогнул, увидев в глазах друга любовь и печаль. Они вышли.

«Ну вот, мой принц, — сказал Бесон. — Что тебе еще принести? Кукольные платья? Или шелковые подштанники?»

Питер медленно повернулся и поглядел на него. Через миг Бесон опустил глаза, вспомнив, что Питер еще недавно избил его так, что синяки не сходили неделю.

«Ладно, твое дело, — пробормотал он. — Но теперь мне придется поставить тебе стол. И стул, на котором ты будешь сидеть, когда играешь с ним», — он состроил гримасу.

«И сколько это стоит?»

«Я думаю, три золотых».

«У меня нет денег».

«Зато есть богатые приятели».

«Уже нет, — сказал Питер. — Я просто получил услуги за услугу».

«Тогда сиди на полу, пока не отморозишь задницу, и черт с тобой!» — рывкнул Бесон и быстро вышел. Тоненький ручеек золотых иссяк, и это на неделю привело его в дурное настроение.

Питер подождал, пока закрылись все замки и запоры, и приподнял плетеный коврик. Под ним лежал клочок бумаги не больше почтовой марки с буквами, настолько маленькими, что Бен, должно быть, писал их с помощью увеличительного стекла.

«Питер, уничтожь это, когда прочтешь. Я не верю, что ты это сделал. Деннис тоже. Я люблю тебя, как и раньше. Если тебе что-то понадобится, обратись ко мне через Пейну. Не сдавайся».

Глаза Питера наполнились слезами благодарности. Я думаю, настоящая дружба всегда стоит благодарности — слишком часто мир похож на суровую пустыню, и похоже на чудо, что в нем все же вырастают цветы.

«Старина Бен! — шептал он снова и снова, не в силах вымолвить что-то еще. Старина Бен!»

Впервые он подумал, что его план при всей безумности имеет шанс на успех. Потом он подумал о записке. Бен рисковал жизнью, когда передавал ее. Он не был принцем и вполне мог быть казнен. Если бы Бесон или его шакалы обнаружили бумажку, они наверняка нашли бы, кто ее подбросил, и путь старины Бена к плахе оказался бы очень коротким.

Поэтому Питер не колебался: зажав записку между большим и указательным пальцами, он съел ее.

Я думаю, вам уже понятно, каким образом Питер намеревался бежать, потому что вам известно больше, чем Пейне. Но пришла пора рассказать об этом подробнее. Он хотел использовать нитки из салфеток, чтобы свить веревку. Я знаю, многие из вас рассмеются, услышав это.

«Нитки из салфеток, чтобы спуститься с высоты триста футов! — скажут они. — Или ты, сказочник, сошел с ума или Питер!»

Ничего подобного. Питер отлично знал высоту Иглы и знал, что нельзя брать из каждой салфетки слишком много ниток. Какая-нибудь прачка может заметить это, сказать подруге, и так это дойдет до... Бесона. Питер не боялся: тупой сторожевой пес.

Дойдет до Флегга.

Флегг убил его отца...

...и Флегг наблюдает за ним.

Конечно, Питер думал о многом: о затхлом запахе салфеток, о том, кто удаляет с них гербы, — один человек или новый для каждой партии. Но больше всего он думал о том, сколько ниток брать из каждой салфетки. Наконец он решил задачу.

«И все равно, — скажете вы, — разве можно сплести из ниток веревку, достаточно прочную, чтобы выдержать сто семьдесят фунтов? Нет, похоже, что ты шутишь!»

Но те, кто так думает, забывают про кукольный дом... и про ткацкий станок в нем, такой маленький, что отлично

мог ткать нитки из салфеток. Из него убрали нож для обрезки ткани, но все остальное осталось и работало.

Так кукольный дом, который еще тогда, много лет назад, не понравился Флеггу, стал теперь единственной надеждой Питера на спасение.

Нужно быть более искусным рассказчиком, чем я, чтобы поведать о пяти годах, которые провел Питер на вершине Иглы. Он ел, спал, смотрел в окно на город; он молился на ночь; он видел сны о свободе. Летом в его камере было жарко, зимой холодно.

Второй зимой он заболел гриппом и едва не умер.

Он лежал в жару под тонким одеялом, непрерывно кашляя. Сначала он боялся в бреду проговориться о веревке, спрятанной между двух неплотно уложенных камней в восточной стене спальни. Летом, когда ему стало хуже, веревка казалась ему уже ненужной. Он думал, что умирает.

Бесон и его подручные тоже так думали и ждали этого. Однажды ночью, когда за окном бушевала буря, Питеру в бреду явился Роланд. Принц был уверен, что отец пришел забрать его в Далекие Поля.

«Я готов, отец! — крикнул он. — Пошли!»

«*Еще рано*, — ответил отец... или призрак... или кто бы то ни был. — *Тебе еще многое нужно сделать*».

«*Отец!*» — закричал Питер изо всех сил, и тюремщики внизу замерли, уверенные, что дух короля Роланда явился, чтобы утащить Питера в ад. В ту ночь они больше не пили, а наутро один из них отправился в церковь, вновь обратился к вере и впоследствии даже стал священником. Его звали Корран, и я расскажу вам о нем в другой раз.

Питер на самом деле видел духа — но был ли то настоящий призрак его отца, или он родился в его воображении, я не могу сказать.

Голос Питера стал тише; стражники больше ничего не слышали.

«Здесь так холодно... а мне жарко».

«Бедный мальчик, — сказал отец. — Ты пережил тяжёлые испытания, и это еще не конец. Но Деннис узнает...»

«Что узнает?» — спросил Питер. Его щеки горели, но лоб был бледным, как свечка.

«Узнает, куда ходит во сне лунатик», — прошептал отец и вдруг исчез.

Питер провалился в обморок, который перешел в крепкий сон, и во сне болезнь отступила. Юноша, который весь последний год делал по шестьдесят наклонов и сто приседаний по утрам, проснулся на следующее утро слишком слабым, чтобы сделать это... но он снова был здоров.

Бесон и его подчиненные были разочарованы, но с тех пор предпочитали не подходить к Питеру близко.

Это облегчило его работу. Но ненадолго.

Я не в силах рассказать вам о бесконечном, изматывающем труде Питера. Многие часы, иногда с паром, выдыхаемым изо рта, иногда с льющимся по лицу потом, всегда в страхе разоблачения, в одиночестве, сопровождаемый лишь невеселыми мыслями и почти абсурдными надеждами, он ткал и ткал. Я многое могу рассказать, но невозможно передать чувство этих долгих часов, дней, недель, в течение которых время, казалось, остановилось. Об этом могли рассказать только великие мастера, искусство которых давно умерло. Пожалуй, единственным, что зримо свидетельствовало о прошедшем времени, была борода Питера. За 1825 дней она стала длинной и пушистой, доходя до середины груди, и, хотя юноше был только двадцать один год, в ней кое-где серебрилась седина. Не росла борода только там, где ноготь Бесона оставил шрам.

Питер брал каждый раз лишь по пять ниток из каждой салфетки — пятнадцать в день. Он складывал их под матрас, и за неделю у него накапливалось сто пять. Каждая нитка была длиной около двадцати дюймов.

Первую веревку он свил за неделю после того, как получил домик. Пользоваться станком в семнадцать лет было не так легко, как в пять; к тому же, он сильно нервничал. Если бы его застали за работой, он сказал бы, что сплетал нитки ради забавы... если бы они поверили. Он убедился, что станок работает, когда из другого его конца выполз первый тонкий канатик. После этого он стал работать быстрее, нажимая ногтем большого пальца на ножную педаль. Иногда станок поскрипывал, но скоро разработался и ткал так же хорошо, как в детстве.

Но веревка получалась очень тонкая, не больше четверти дюйма в диаметре. Питер связал ее концы и подергал. Вережка не рвалась. Так и должно быть — салфетки ткали из лучшего хлопка. Он подергал сильнее, пытаясь определить, какой груз веревка может выдержать.

Вережка держалась, и он почувствовал, как растет в нем надежда. Он вдруг вспомнил Иосифа.

Это Иосиф, главный конюший, рассказал ему о таинственном явлении, называемом «перегрузкой». Это было летом, и они смотрели, как громадные андуанские быки тянут камни для новой рыночной площади. На спине каждого быка восседал потный, ругающийся погонщик. Питеру тогда было одиннадцать, и он подумал, что это зрелище лучше любого цирка. Иосиф показал ему на кожаные удила на головах быков, к которым были привязаны цепи, держащие камни. Он сказал, что необходимо точно рассчитывать, сколько весит каждый камень.

«Потому что если они слишком тяжелые, бык может пораниться», — сказал Питер. Это был не вопрос — ему казалось, что это очевидно. Он жалел быков, волокущих каменные плиты.

«Нет, — Иосиф зажег огромную сигару, чуть не спалив себе нос, и глубоко затянулся. Ему всегда нравилось общество юного принца. — Нет! Быки не так глупы. Люди думают так из-за того, что они такие послушные и спокойные. Это больше говорит о людях, чем о быках. Пока бык может тащить камень, он тащит; когда не может,

останавливается и стоит, сколько его не бей. Нет, быки совсем не глупы».

«Тогда зачем рассчитывать вес камня, если бык все равно не потащит слишком тяжелый?»

«Это не из-за камня, а из-за цепей, — Иосиф указал на одного быка, тянувшего камень размером с маленький дом. Голова животного была опущена, глаза терпеливо смотрели вперед, пока погонщик охаживал его палкой. Камень рывками продвигался вперед, оставляя в земле борозду, в которой вполне мог бы спрятаться одиннадцатилетний мальчик. — Бык тащит камень, пока может, но он ничего не знает о цепях или о перегрузке».

«А что это?»

«Это когда лопается цепь, — сказал Иосиф. — Лопается и летит в сторону. Не дай Бог нам увидеть это. Ужасное зрелище! Она может разорвать погонщика или перерубить ноги самому быку».

Иосиф затыкнулся в последний раз и бросил остатки сигары в грязь.

«Перегрузка, — сказал он, — это то, о чем важно знать принцу. Цепь рвется, если груз слишком велик, и человек тоже. Помни это».

Он вспомнил это теперь, когда дергал за свою первую веревку. Сколько нужно сплести, чтобы они выдержали его вес? Пять? Десять? Лучше ошибиться в большую сторону. Если они не выдержат... на площади Иглы очень твердые камни.

Питер тянул, пока не заболели мышцы на руке. Когда веревка порвалась, Питер прикинул, что тянул с силой, примерно равной тяжести шестидесяти футов.

Не так уж плохо.

Позже он выбросил обрывки веревки за окно. Утром ее подметут вместе с прочим мусором.

Мать Питера, видя его интерес к обстановке кукольного дома, научила его ткать веревки и плести из них маленькие коврики. За годы любое умение обычно забывается, но у Питера было достаточно времени, чтобы вспомнить и потренироваться.

Питер сплетал вручную две веревки и вплетал между ними третью, но ниже, так, что ее конец спускался вниз, как основа дальнейшей работы. У него ушло три недели на обучение и четвертая — на запоминание системы. Но в результате получилась настоящая веревка. Он смог ее разорвать, только обернув концы вокруг обеих рук, после долгих усилий.

В его спальне под потолком были дубовые брусья. Он мог попробовать веревку на прочность, привязав ее к одному из них... А если она порвется, начнет все сначала. Но эти мысли ничего не давали, надо было просто работать.

В каждой нитке было около двадцати дюймов, но три из них уходило на узлы. За три месяца он сплел веревку из трех частей, каждая из которых была соткана из ста пяти ниток длиной в три фута. Однажды ночью, когда пьяные тюремщики играли в карты внизу, он привязал веревку к балке. Половина ее длины ушла на балку и узел.

Выглядела она ужасно тонкой.

Питер повис на ней, ожидая, что веревка вот-вот лопнет, и он свалится на пол.

Но эта держала.

Почти не в силах в это поверить, Питер висел на тонкой, еле видимой веревке почти минуту, потом встал на кровать, чтобы отвязать узел. Он долго не мог это сделать — глаза заливали слезы. Он не испытывал такой радости с тех пор, как получил записку Бена.

Он держал веревку под матрасом, но это не могло продолжаться долго. Высота Иглы была триста сорок футов; от его окна до камней площади — не менее трехсот. Рост Питера был шесть футов, и он надеялся, что сможет спрыгнуть с высоты двадцати футов без вреда для себя. Оставалось двести семьдесят.

Один из камней в восточной стенке спальни расшатался, и Питер без особого труда смог его вынуть. За камнем оказалась пустота, и он сунул туда руку, похолодев при абсурдном ожидании, что оттуда, из темноты, что-то схватит его или укусит.

Ничего не случилось, и он уже собирался вынуть руку, когда пальцы почувствовали металлический холод. Питер вытащил руку — медальон в форме сердца на цепочке. По виду и медальон, и цепочка были из золота, но казались странно легкими. После тщательного осмотра Питер нащупал потайную пружинку, и медальон со щелчком раскрылся. Внутри были два портрета дивной работы, маленькие, как картины в кукольном доме. Питер смотрел на них с мальчишеским восторгом. Мужчина и женщина, очень красивые. На губах мужчины застыла улыбка; темные глаза женщины были печальны. Медальон явно был очень старым, но лица этих людей показались Питеру знакомыми. Он их где-то видел.

Он посмотрел на заднюю крышку. Там было что-то вроде вензеля, но настолько стертого, что разобрать инициалы он не смог.

По какому-то наитию он опять полез в отверстие. На этот раз он нащупал листок бумаги — ветхий, но с ясным текстом и четкой подписью. Левен Валера, зловещий Черный герцог из Южного бароната. Валера, который мог стать королем, но вместо этого провел остаток жизни в Игле за убийство своей жены. Неудивительно, что он узнал портреты. Мужчина был Валера, а женщина — его жена Элино́р, о красоте которой слагали баллады.

Письмо было написано странными рыжеватыми чернилами и с первой строчки тронуло холодом сердце Питера. Чем дальше он читал, тем больше его бил озноб, и не только из-за сходства судьбы Валера с его собственной.

«Нашедшему это письмо...

Я пишу его собственной кровью из вены, которую я вскрыл зубами. Перо мое — обломок ложки, каковой я долго точил о камни моей Темницы. Почти четверть века провел я здесь; я вошел сюда Юношей, теперь же я Старец. Ко мне вновь пришла Болезнь, и боюсь, что на сей раз я не выживу.

Я не убивал мою Жену. Хотя все улики против меня, я не убивал мою Жену. Я любил ее и все еще люблю, хотя ее дорогое Лицо померкло в моей вероломной Памяти.

Я уверен, что Элино́р убил королевский волшебник и сделал так, что в этом обвинили меня, ибо я стоял на его Пути. Похоже, что его Планы исполнились, но я верю, что в конце концов Боги накажут Злодея. Его День придет, и я верю в это все сильнее по мере приближения моего собственного Конца.

Верю, что Некто войдет в это место скорби и найдет мое послание, и к нему взываю я: Отмщение, Отмщение! Забудьте меня и мою жалкую Смерть, но заклинаю, не забывайте мою дорогую Элино́р, убитую в собственной постели! Это не я отравил ее вино; я кровью пишу имя Убийцы: Флегг! Флегг! Флегг!

Возьмите медальон и покажите ему прежде чем освободить Мир от этого величайшего Злодея — покажите, чтобы он знал, что я сыграл роль в его Падении, даже из моей Могилы.

Левен Валера».

Может, теперь вы поймете состояние Питера. Может, вы поймете его еще лучше, если я напомним, что никто не знал истинного возраста Флегга.

Питер читал о преступлении Левена Валера — в древней истории. И теперь этот пожелтевший клочок бумаги называл по имени истинного виновника этого преступления.

Но это случилось во времена Алана II...

...а Алан II правил Делейном четыреста пятьдесят лет назад.

«О Боже, — прошептал Питер. Он успел дойти до кровати и упасть на нее прежде чем подкосившиеся ноги бросили его на пол. — Он уже был здесь! Он делал то же самое, точно так же, и это было *четыреста лет назад!*»

Лицо Питера было мертвенно-бледным; волосы его встали дыбом. Он впервые понял, что Флегг, королевский чародей — чудовище, прошедшее в Делейн снова и служащее теперь новому королю, служащее его несчастному, глупому младшему брату.

Сперва Питер хотел предложить Бесону еще денег за то, чтобы тот передал Медальон и записку Андерсу Пейне. Ему казалось, что это может указать на истинного преступника и освободить его, Питера. Потом он решил, что такие вещи случаются в сказках, но не в реальной жизни. Пейна просто посмеется и назовет это подделкой. А если и поверит? Это может погубить и главного судью, и узника. Питер внимательно слушал обрывки разговоров Бесона и стражников, знал о Черной Подати и о том, что Томаса Светоносного переименовали в Томаса Налогоносного. Ходили и еще более нелестные шутки о короле, и топор палача на Площади Иглы поднимался и опускался с постоянством, которое могло бы показаться скучным, не будь оно таким устрашающим.

Теперь Питер начал прозревать. Цель Флегга: привести устоявшийся порядок в Делейне к смятению и хаосу. Находка медальона и записки только ускорит его действия, и тогда они с Пейной неминуемо погибнут.

В конце концов Питер спрятал улики туда же, где они лежали раньше, и туда же положил три фута веревки, на изготовление которых у него ушел месяц. Находка медальона, пролежавшего в тайнике четыреста лет, доказывала, что место это вполне надежно.

В ту ночь он долго не мог заснуть. Ему мерещился сухой, надтреснутый голос Левена Валера, шепчущий в ухо: *«Отмщение! Отмщение!»*

Время шло, а Питер по-прежнему оставался в своей одиночной камере. Борода его закрыла всю нижнюю часть лица, кроме белого шрама, похожего на зигзаг молнии. За это время он видел в окно много горестных изменений и еще о многих слышал. Топор палача на площади продолжал работать с мерностью маятника — иногда за день с плахи скатывалось не меньше дюжины голов.

На третий год заключения Питера, когда он впервые смог тридцать раз подтянуться на потолочной балке в своей спальне, Андерс Пейна подал в отставку. В пивных об этом судачили целую неделю, а тюремщики Питера — еще дольше. Многие говорили, что Флегг сразу же предаст Пейну суду, и скоро жители города воочию убедятся, что же все-таки течет в жилах бывшего главного судьи — кровь или ледяная вода. Но Пейну не трогали, и пересуды прекратились. Питер был рад этому: он не держал зла на старика, хоть тот и поверил в его виновность. Он понял уже, как ловко Флегг умеет подделывать улики.

В тот же год умер отец Денниса, Брендон, просто и достойно, так же, как и жил. Несмотря на ужасную боль в груди, он окончил дневную работу и медленно добрел до дома. Он сидел на кровати и ждал, когда пройдет боль, но она только усиливалась. Тогда он подозвал жену и сына, поцеловал их и попросил налить ему стаканчик джина. Выпив, он еще раз поцеловал жену и отослал ее из комнаты.

«Служи своему хозяину как следует, Деннис, — сказал он сыну. — Ты теперь мужчина, и на тебе лежат обязанности мужчины».

«Я буду служить королю, как смогу, отец», — пообещал Деннис, хотя его пугала мысль о том, что ему придется взваливать на себя обязанности отца. Уже три года Брендон и Деннис служили Томасу, и на первый взгляд их обязанности оставались теми же, что и при Питере, но только на первый взгляд.

«Да, королю, — прошептал Брендон. — Но если тебе понадобится сослужить службу твоему первому хозяину, Деннис, ты не должен колебаться. Я бы никогда...»

В этот момент Брендон схватился рукой за грудь и умер. Он всегда хотел умереть именно так — в своем кресле, у своего камина.

На четвертый год заключения Питера — его веревка медленно делалась все длиннее и длиннее — исчезло семейство Стаадов. Корона присвоила себе то небольшое, что осталось от их земель, как это делалось с другими знатными семьями, тоже исчезнувшими.

Исчезновение Стаадов было лишь вскользь упомянуто в пивных в заполненную событиями неделю — четыре казни, повышение налога на владельцев лавок и заключение в тюрьму старухи, которая три дня и три ночи бродила вокруг замка, крича, что ее сына забрали и мучают за то, что он выступал против нового налога на скот. Но когда Питер услышал о Стаадах из разговора тюремщиков, сердце его замерло.

Цепь событий, приведших к исчезновению семьи его старого друга, была теперь до ужаса знакомой всем в Делейне. Топор палача уже сильно сократил количество делейнской знати. Многие погибли потому, что их семьи служили королевству сотни, а то и тысячи лет, и они не могли поверить, что их может постигнуть подобное несчастье. Другие бежали, спасаясь от той же участи. Среди них были и Стаады.

Ходили слухи, с опаской передаваемые в самые уши, что бежавшие дворяне не просто бежали, а собрались где-то, быть может в диких лесах на севере, и поклялись свергнуть короля.

Эти истории доходили до Питера, словно принесенные ветром, но он не давал надежде слишком глубоко проник-

нута в свое сердце. Вместо этого он работал над веревкой. В первый год веревка каждые три недели удлинялась на восемнадцать дюймов. В конце года у него был канат длиной в двадцать пять футов, вроде бы достаточно прочной, чтобы выдержать его вес. Но была разница между спуском на веревке с высоты потолочной балки и с высоты в триста футов, и Питер знал это. Его жизнь в буквальном смысле висела на волоске — на этом тонком канате.

И двадцати пяти футов в год явно было недостаточно; он мог надеяться на осуществление своего плана лишь через восемь лет, а доходявшие до него слухи были тревожными. Королевство должно устоять; нельзя допускать хаоса и мятежа. Справедливость должна быть восстановлена законным путем, а не огнем и мечом. Перед законом все равны — он, Томас, Левен Валера, даже Флегг.

Как Андерсу Пейне понравились бы эти его мысли!

Питер решил, что должен попытаться бежать как можно скорее. Он снова и снова делал вычисления в уме, чтобы не оставлять следов, обещая себе, что не допустит ошибки.

На второй год он начал брать по десять ниток из каждой салфетки, на третий — по пятнадцать, на четвертый — по двадцать. Вербка росла. В конце второго года пятьдесят восемь футов; в конце третьего — сто четыре, в конце четвертого — уже сто шестьдесят.

До земли оставалось еще сто сорок футов.

В последний год Питер начал брать по тридцать ниток из каждой салфетки, и это впервые стало заметно — края салфетки были теперь как будто изгрызены мышами. Каждый день он ждал, что его воровство будет обнаружено.

Но его так и не разоблачили. Питер не спал ночами, думая, что делать, если кто-нибудь увидит испорченные салфетки, и это станет известно Флегту. Он исходил из того, что салфетки берутся из какого-то ограниченного запаса — что-то около тысячи — и возвращаются к нему снова и снова. Правду знал только Деннис, но Питер не мог его спросить; иначе это сберегло бы ему два года работы. На самом деле там, откуда брали салфетки для Питера, их хранилось не тысяча, не две, даже не двадцать, а почти *полмиллиона*.

Под замком был подвал размером с бальный зал, и он был заполнен одними салфетками — бесчисленным количеством салфеток. Неудивительно, что их запах показался Питеру затхлым; они лежали там со времен, не так далеко отстоящих от заключения несчастного Левена Валеры, и их существование, по иронии судьбы, тоже, хоть и косвенно, было работой Флегга.

В те времена он смог погрузить Делейн в столь желанный для него хаос. Валера лишился прав на трон, и его место занял безумный король Алан. Проживи он еще лет десять, и страна утонула бы в крови... но Алана поразила молния, когда он в грозу играл в бабки на заднем дворе своего дворца (я уже сказал, что он был безумен). Говорили, что сами боги послали эту молнию. Наследовала ему племянница Кайла, Кайла Добрая... и от нее прямая линия вела к Роланду и его сыновьям, о которых шла речь в этой истории. Это она, Кайла Добрая, вывела страну из мрака и нищеты, почти опустошив для этого королевскую сокровищницу. Она итак изрядно опустела

за время дикого царствования Алана II, короля, который иногда пил кровь из отрезанных ушей своих слуг и считал, что он умеет летать; короля, который больше интересовался магией и некромантией, чем благосостоянием своего народа. Кайла знала, что после безумств Алана ее подданным нужны спокойствие и забота, и для начала решила дать работу всем, кто мог работать.

Все старики, которые не могли восстанавливать развалины или строить новые стены замка, стали делать салфетки — не потому, что салфетки были нужны (мы уже говорили, что большая часть делейнской знати обходилась без них), а потому, что нужна была *работа*. За двадцать лет хаоса руки людей стосковались по работе, и они работали с охотой, прилежно склоняясь над ткацкими станками, такими же, как в доме Саши... только намного больше.

Десять лет старики королевства ткали салфетки, получая за это деньги от королевы Кайлы. Десять лет эти салфетки сносили в сухое, прохладное хранилище в замке. Питер заметил, что многие из его салфеток не только странно пахли, но и были съедены молью. Странно не это, а то, что большинство их осталось целыми.

Деннис мог бы сказать, что салфетки приносились Питеру, уносились (кроме тех, что он выдергивал), а потом просто выбрасывались. А почему бы и нет? Их хватило бы для пятисот принцев на пятьсот лет... а может быть, и дольше. Если бы не Андерс Пейна, салфеток могло бы быть меньше, но он знал, как та бедная женщина нуждается в работе, и уже после бегства Стаадов продолжал снабжать Бесона деньгами. И она сидела в своем кресле у самих дверей склада и год за годом спарывала с салфеток королевские гербы. Неудивительно, что весть о маленьком воровстве так никогда и не достигла ушей Флегга.

Так что вы сами видите, что Питер мог бы работать гораздо быстрее, если бы не решил, что салфетки все время возвращаются к нему. Если бы он задался целью проверить это...

Впрочем, что ни делается, все к лучшему.

Или нет? На этот вопрос вы тоже отвечайте сами.

В конце концов Деннис, преодолев страх, стал дворецким Томаса. Это оказалось не так уж трудно. Томас его почти не замечал, только иногда ругал, что он не принес его туфли (сам Томас обычно бросал их где попало и забывал потом, где) или настаивал, чтобы Деннис выпил с ним бокал вина. От вина у Денниса была изжога, хотя по вечерам он с удовольствием пропускал стаканчик джина, но он все равно пил. Деннис и без советов отца знал, что случается с теми, кто отказывается пить с королем. И иногда, уже пьяный, Томас требовал, чтобы Деннис не шел домой, а проводил ночь в его покоях. Деннис справедливо думал, что Томасу просто одиноко. Он долго и бессвязно жаловался, как трудно быть королем, как он пытается сделать все, как лучше, и как все ненавидят его по разным причинам. Иногда во время этих жалоб он начинал плакать, иногда дико хохотал. Потом вдруг засыпал посередине путаной речи в защиту того или иного налога. Иногда ему удавалось добраться до кровати, и Деннис спал на кушетке, но чаще король падал на кушетку, и его дворецкому приходилось коротать ночь на холодном полу. Безусловно, это была довольно странная жизнь для королевского дворецкого, но Деннис другой не знал.

Томас не обращал на него внимания, но важнее то, что и Флегг не обращал на него внимания. Он использовал юношу, как простое орудие в своей интриге, приведшей Питера в Иглу, а когда все кончилось, забыл о нем. Если бы Флегг подумал о нем, он счел бы, что Деннису еще повезло: ведь он стал дворецким самого короля.

Но однажды, зимним вечером того года, когда Питеру исполнился двадцать один, а Томасу шестнадцать, когда тонкая веревка Питера была уже почти закончена, Деннис увидел нечто, что все изменило — и с того, что он увидел, я и начну изложение этой истории.

Эта ночь была очень похожа на ночь накануне смерти Роланда. Ветер завывал и злился в узких улицах города. Луга предместий и камни мостовых покрылись коркой льда. Ущербная луна 'то и дело пряталась в тучах, но к полуночи тучи окончательно затянули небо, и в два часа, когда Томас разбудил Денниса щелканьем замка в двери, ведущей в коридор, уже начал идти снег.

Деннис вскочил, чувствуя, как сотни иголок впиваются в затекшие во сне ноги. Накануне Томас уснул на кушетке, и молодому дворецкому остался ковер у очага. Огонь почти потух, и Деннису казалось, что его дальний от огня бок покрывается инеем.

Он повернулся на скрежещущий звук... и сердце его подпрыгнуло от страха. На миг ему показалось, что перед ним призрак, и он едва не закричал. Потом он понял, что это всего-навсего Томас в белой ночной рубашке.

«М-м-мой господин?»

Томас не ответил. Глаза его были открыты, но не смотрели на замок — они уставились вперед, в никуда. Деннис вдруг понял, что король ходит во сне.

Тут Томас догадался каким-то образом, что дверь не открывается из-за засова, открыл его и вышел в коридор. В колеблющемся свете канделябров он еще больше напоминал призрак.

Деннис какое-то время сидел на полу с колотящимся сердцем. Снаружи ветер завывал снег в кружащиеся столбы и завывал, как стая ведьм. Что же делать?

Молодой король — его хозяин. Он обязан следовать за ним.

Может, эта дикая ночь заставила Томаса вспомнить о Роланде и о его последнем дне, но не обязательно — Томас и без того много думал об отце. Чувство вины терзало его, как медленный ад. В тот день он выпил меньше, чем обычно, но казался более пьяным: с бессвязной речью, с широко раскрытыми, остекленевшими глазами.

Это в немалой степени определялось отсутствием Флегга. Ходили слухи, что изгнанники — и в их числе Стаады — собираются где-то в северных лесах, и Флегг повел против них полк королевских солдат. В отсутствие чародея Томасу всегда делалось хуже. Ему уже не доставало вина, чтобы уснуть. Непокойная совесть — не лучшее снотворное, и король мог забыться только с помощью зелий Флегга, которые становились все более и более сильнодействующими. Уходя в поход, чародей оставил запас на три дня, но он отсутствовал уже неделю, и оставшиеся дни Томас почти не спал. Его неотступно терзали мысли об отце. Казалось, он слышит его голос: *«Что ты на меня уставился?»* Вино... улыбка Флегга... волосы отца, охваченные огнем... эти видения отгоняли сон и заставляли Томаса долгие часы ворочаться в постели.

Когда на восьмую ночь Флегг еще не вернулся (он стоял лагерем в пятидесяти милях от столицы и был в прескверном настроении; солдаты не обнаружили ничего, кроме замерзших следов копыт), Томас оставил Денниса ночевать у себя. И в ту же ночь он встал и пошел.

Деннис шел за своим хозяином по пустым и темным каменным коридорам, и, я думаю, вы догадываетесь, куда Томас Светоносный в конце концов его привел.

Долгая ночь постепенно переходила в долгое и столь же ненастное утро. В коридорах никого не было — если бы кто-нибудь был, он или она побежали бы прочь, возможно, с криком, решив, что увидели двух духов: один впереди в белой рубашке, очень похожей на саван, второй — в объемном камзоле, какой носят слуги, но босиком и с лицом, бледным, как у трупа. Да, я думаю, те, кто их увидел бы, долго молились бы перед сном... да и молитвы вряд ли помогли бы им уснуть.

Томас остановился в самой середине коридора, возле потайной двери, о существовании которой Деннис даже не подозревал. Король стоял, и никакая служанка со стопкой белья не прошла мимо них, как тогда, несколько лет назад, когда Флегг показывал Томасу этот ход — все приличные служанки еще крепко спали. Томас и вслед за ним Деннис подошли к стене, и там король остановился так внезапно, что Деннис едва не налетел на него. Томас обернулся, скользнув невидящими глазами по лицу Денниса, который еле удержался, чтобы не закричать. В призрачном свете чадающих факелов эти пустые глаза подходили на отражение луны в гнилой воде.

Томас не видел его; дворецкий сделался для короля *тусклым*.

«Бежать, — прошептал рассудок Денниса, и в его звенящей голове этот шепот звучал криком. — Бежать

скорее, он же мертвый, он умер во сне, и я иду за ходячим трупом!» Но потом он услышал голос отца, его отца, шепчущий: *«Если тебе понадобится сослужить службу твоему хозяину, ты не должен колебаться».*

И голос, еще более тихий и глубокий, подсказал ему, что время сослужить эту службу пришло. Деннис, юноша-дворецкий, уже однажды изменивший историю Делейна, найдя сгоревшую мышь, изменил ее еще раз, оставшись на месте, хотя страх сковал его с головы до ног.

Станным низким голосом, совсем не похожим на свой обычный (хотя Деннису он показался знакомым), Томас сказал: *«Четвертый камень от основания. Надави на него. Скорее!»*

Привычка повиноваться была так сильна, что Деннис потянулся к камню прежде чем понял, что Томас приказывает сам себе. Король нажал на камень, который отодвинулся дюйма на три, и у Денниса отвисла челюсть. Кусок стены отъехал в сторону, обнажая потайную дверь. Деннису опять захотелось убежать — потайные двери напоминали ему о тайниках, а именно о том, где он нашел мышь.

Томас шагнул внутрь, и мгновение только его рубашка белела в темноте. Потом стена закрылась снова.

Деннис стоял, переминаясь с одной ноги на другую. Что ему теперь делать?

И снова он услышал голос отца, на этот раз нетерпеливый, не слушающий никаких возражений: *«Иди за ним, болван! Скорее! Не то будет поздно!»*

«Но, папа, там темно...»

Его будто ударили по щеке, и он в смятении подумал: *«Какая у тебя сильная рука, папа, даже у мертвого! Ладно, ладно, я иду».*

Он отсчитал четыре камня от основания и нажал. Дверь со скрипом приоткрылась.

В зловещей тишине коридора послышался странный стук — будто пробежала каменная мышь. Не сразу Деннис понял, что это стучат его собственные зубы.

«Папа, я боюсь!» — пожаловался он в последний раз и шагнул вслед за королем Томасом в темноту.

За пятьдесят миль Флегг, завернувшийся в пять одеял, чтобы спастись от холода и ветра, вскрикнул во сне в тот самый момент, когда Деннис вошел в потайной ход. В ближнем лесу, услышав этот крик, завывали волки. Солдат, спавший рядом с Флеггом, внезапно умер от сердечного приступа — ему приснилось, что его терзает громадный лев. Солдат, спавший с другой стороны, проснулся слепым. Флегг всегда чувствовал моменты, когда мир поворачивается вокруг своей оси, хоть и не всегда их признавал. И в этот раз, проснувшись утром, чародей знал только, что ему приснился кошмар, быть может, из его прошлого, такого далекого, что он и сам его не помнил.

Темнота в потайном ходу была полной и абсолютной. И в этой темноте, в сухом, застоявшемся воздухе Деннис услышал странный давящий звук.

Король плакал.

Остатки страха покинули Денниса — теперь он чувствовал только жалость к Томасу, который с годами становился толстым и одышливым, ноги его уже начали искривляться, и у него часто тряслись руки от выпитого накануне вина.

Деннис пошел вперед, руками нащупывая путь. Плач слышался все ближе... потом в темноте вдруг прорезался луч света. Теперь он видел Томаса, освещенного тусклым янтарным мерцанием, исходящим из двух отверстий, похожих на парящие в темноте глаза.

Только Деннис начал думать, что все, быть может, кончится хорошо, как король закричал. Он кричал так громко, что, казалось, у него вот-вот порвутся связки. Ноги Денниса подкосились, он упал на колени, зажимая руками рот, чтобы заглушить собственный крик. Ему теперь казалось, что весь ход заполнен призраками, похожими на огромных летучих мышей, и что они сейчас вцепятся ему в лицо. А может быть, так оно и было.

Он едва не потерял сознание... но не потерял.

Где-то внизу лаяли собаки, и он понял, что они находятся над псарней короля, где еще доживали свой век несколько старых псов Роланда. Они были единственными живыми существами, кроме самого Денниса, слышащими эти дикие крики. Но псы были реальными, не призрачными.

ми, и Деннис ухватился за их лай, как утопающий за соломинку.

Через миг он понял, что Томас не просто кричит — он выкрикивает какие-то слова. Сперва Деннис уловил лишь одну фразу, повторяющуюся снова и снова:

«Не пей вино! Не пей вино! Не пей вино!»

Три дня спустя кто-то постучал вечером в окошко фермы в одном из Ближних баронатов, недалеко от фермы, где еще недавно жила семья Стаадов.

«Открой! — проворчал Андерс Пейна. — И чем скорее, тем хуже, Арлен!»

За годы, прошедшие с того дня, как Бесон появился у двери с запиской от Питера, Арлен сильно постарел, но это было ничто в сравнении с переменами, происшедшими с его хозяином. Бывший главный судья почти облысел, и худоба его превратилась в скелетообразность. Но потери волос и веса забывались, стоило взглянуть на его лицо. Раньше оно было суровым; теперь превратилось в угрюмое. Под глазами залегли темно-коричневые мешки. На его лице лежала печать отчаяния, и для этого были причины. Он видел, как с удручающей легкостью и быстротой то, чему он служил всю жизнь, превращается в руины. Думаю, все умные люди знают в глубине души, как хрупки такие вещи, как Порядок, Закон и Цивилизация, но предпочитают не думать об этом, храня свой сон и аппетит.

Видеть, как дело его жизни рушится, словно детский домик из кубиков, было мучительно, но Пейну все эти годы мучила еще одна, гораздо худшая мысль. Флегг не один разрушал Делейн; он, Пейна, помогал ему. Кто как не он, с такой *поспешностью* осудил Питера? Кто как не он, так легко поверил в виновность юноши... и все на основании его слез?

С того самого дня, когда Питера отправили в Иглу, плаха на площади и приобрела зловеще-ржавый цвет,

который не мог смыть самый сильный дождь. И Пейне казалось, что он видит, как эта ржавчина расползается по всей площади, по рынку, по улицам. В ночных кошмарах Пейна видел ярко-алые ручейки, пробивающиеся из-под камней мостовой, текущие вдоль улиц. Видел башни замка, кроваво отсвечивающие на солнце. Видел карпов во рву, плавающих сверху брюхом, отравленных кровью, которая сочилась уже, казалось, из самой земли. Видел, как кровь заливает поля, леса, всю землю Делейна. Даже солнце в этих ужасных снах было похоже на налившийся кровью, умирающий глаз.

Флегг позволил ему жить. В пивных шептались, что он пришел к соглашению с чародеем — выдал ему имена нескольких «предателей» или грозил разоблачить какие-то его темные тайны. Смешно. Флегг был не из тех людей, которым можно угрожать. И никаких соглашений они не заключали. Флегг просто позволил ему жить... и Пейна знал, почему. Мертвому ему было бы спокойнее. А живым он будет непрестанно страдать от собственного бессилия, видя, что Флегг делает с Делейном.

«Ну? — нетерпеливо спросил он. — Кто там, Арлен?»

«Какой-то юноша, мой господин. Говорит, что ему нужно вас видеть».

«Гони его, — проворчал Пейна. Еще год назад он сам слышал бы стук в дверь, но теперь и слух у него сильно ухудшился. — Ты же знаешь, я никого не принимаю после девяти. Много изменилось, но только не это».

Арлен откашлялся:

«Я знаю этого юношу. Это Деннис, сын Брендона, дворецкий короля».

Пейна не поверил своим ушам. Может, он совсем оглох? Он велел Арлену повторить и опять услышал то же самое.

«Впусти его. Скорее!»

«Да, мой господин», — Арлен пошел к двери.

«Арлен!»

Арлен повернулся с вопросительным видом.

Правый угол рта у Пейны чуть-чуть дернулся:

«Ты уверен, что это не тролль?»

«Уверен, мой господин, — ответил Арлен, и у него едва заметно дернулся *левый* угол рта. — Никаких троллей давно уже нет. Во всяком случае, так мне говорила моя мать».

«Твоя мать была разумной женщиной. Я не раз тебе это говорил. Впусти же скорее этого юношу».

«Да, мой господин».

Пейна смотрел в огонь, потирая скрюченные артритом руки в непонятном волнении. Дворецкий Томаса здесь, у него. В такое время. Зачем?

Ответ скоро пришел вместе с появившимся на пороге Деннисом, дрожащим от холода. Он куда быстрее добрался бы до Пейны, если бы тот по-прежнему жил в своем роскошном городском доме, но дом отобрали за «неуплату налогов». За сорок лет службы он скопил лишь горсть золотых, которых хватило на то, чтобы купить эту лачугу в Ближних баронатах и продолжать платить Бесону.

Он смотрел на юношу, стоящего на пороге, и волновался все сильнее. Сейчас. Сейчас он получит ответ на все свои вопросы. Абсурдное чувство надежды, как луч света, блеснувший в темной пещере, опять охватило его. Он взял с полки свою любимую трубку и увидел, что руки его дрожат.

Юноша тоже дрожал, и Пейну показалось, что эта дрожь вызвана не только холодом.

«Деннис! — Пейна выпрямился в кресле, поморщившись от боли, вызванной резким движением. — Что-нибудь случилось с королем?» — ужасные предположения разом всплыли в мозгу судьи — король мертв, упился до смерти или покончил с собой; все в Делейне знали, что он постоянно не в духе.

«Нет, это... да... но нет... не то, что вы думаете... не совсем.»

«Иди и сядь к огню. Арлен, не стой как столб! Принеси одеяло! Нет, два! Укутай его, пока он не замерз до смерти!»

«Да, мой господин», — сказал Арлен. Он не стоял как столб, а ждал распоряжений, но не обиделся, понимая волнение хозяина. Он взял два одеяла с собственной постели — остальные два лежали на постели самого Пейны, — и укутал ими юношу, осторожно, чтобы они не вспыхнули, нечаянно попав в огонь. Иней на волосах Денниса таял и тек по щекам, как слезы.

«Теперь чаю. Крепкого!»

«Мой господин, у нас осталось всего полпачки...»

«Плевать, сколько у нас осталось! Завари чашку для меня и чайник для него. И себе тоже, а потом возвращайся сюда и слушай».

«Мой господин?» — тут уж Арлен не смог скрыть изумления.

«Черт возьми! Ты что, такой же глухой, как я? Брось прикидываться и делай, что я сказал!»

«Да, мой господин», — и Арлен пошел заваривать чай.

Пейна вовсе не забыл искусство допроса, как бы ему не хотелось этого долгими бессонными ночами. Но когда Арлен вернулся с чаем, его хозяин задавал Деннису какие-то странные вопросы. Он спросил о здоровье матери; потом о том, борются ли в замке с сыростью; поинтересовался видами на урожай — словом, тщательно обходил все опасные темы. Мало-помалу Деннис оттаял и успокоился.

Арлен налил ему чаю, и Деннис проглотил половину одним глотком, потом отдышался и вторым глотком проглотил остальное. Невозмутимый, как всегда, Арлен подлил ему еще.

«Полегче, мой мальчик, — предупредил Пейна, раскуривая трубку. — Полегче с горячим чаем и норовистыми лошадьми».

«Холодно. Я думал, не дойду».

«Ты *шел*?» — Пейна не смог скрыть удивления.

«Да. Мать сказала во дворце, что я подхватил грипп. В это время года такое часто бывает. А я шел целый день. Не решился взять лошадь, не знал, что это так далеко, а то бы взял. Я шел с трех часов дня, — он замялся, потом выпалил. — И я не вернусь! Не вернусь никогда! Я видел, как *он* смотрел на меня, когда я уходил. Он знает, что я что-то видел, хотя не знает что. Я до сих пор вижу его глаза — узкие и темные, как ночь! Если я вернусь, он вырвет это из меня, я уверен».

Пейна смотрел на юношу, нахмурившись, и пытался понять, что означает эта речь.

Деннис уже чуть не плакал:

«Я говорю о Фле...»

«Тише! — оборвал его Пейна. — Я знаю, о ком ты говоришь, и лучше не произноси его имя вслух. Расскажи толком, что случилось».

«Да. Да, конечно».

Деннис помедлил, собираясь с мыслями. Пейна терпеливо ждал, хотя его волнение нарастало.

«Видите ли, — начал наконец Деннис, — три ночи назад Томас приказал мне остаться на ночь у него, как он это часто делает. И вот около полуночи...»

Деннис рассказал все, что вы уже знаете, и, к его чести, не умолчал и о собственном страхе. Пока он говорил, ветер выл снаружи, не умолкая, а пламя в очаге разгоралось все ярче. Все оказалось еще хуже, чем думал Пейна. Питер не только отравил короля; Томас видел, как это произошло.

Неудивительно, что молодой король так мрачен. Быть может, слухи о том, что он сходит с ума, не так уж беспочвенны, как казалось Пейне.

Но пока Деннис наливал себе еще чаю, Пейна подумал: что-то здесь не так. Если короля отравил Питер, то почему Деннис здесь? И почему он так боится Флегга?

«Ты слышал еще что-то».

«Да, господин, — сказал Деннис, отхлебывая из чашки: — Томас... он вдруг начал кричать. Мы были вдвоем в этом темном коридоре».

Он замолчал, не зная, как передать ужас того момента, когда рядом с ним кричал Томас, а внизу глухо лаяли собаки. Как рассказать про *запах* этого места — запах старых, жутких тайн, кислый, как запах испорченного молока. Как сказать о страхе, охватившем его, когда он услышал, *что* кричит Томас.

Он снова и снова повторял имя чародея и умолял короля не пить из кубка. Потом: *«Что ты уставился на меня?!»* И после: *«Я принес вам бокал вина, чтобы доказать, что я тоже люблю вас»*. И наконец, слова, которые Питер тотчас бы признал; слова четырехсотлетней давности: *«Это Флегг! Флегг! Это Флегг!»*

Деннис выронил из рук чашку. Все трое молча смотрели на осколки.

«А потом?» — спросил Пейна очень тихо.

«Потом он долго молчал. Мои глаза привыкли к темноте, и я смог его разглядеть. Он спал... спал возле этих двух дырочек, уронив голову на грудь».

«Долго это продолжалось?»

«Не знаю, господин. Собаки затихли, и я, быть может... я...»

«Тоже заснул? Очень может быть».

«Потом он, похоже, проснулся. Во всяком случае, глаза у него открылись. Он закрыл панели, и опять стало темно. Он пошел к выходу, и я прижался к стене, и его ночная рубашка... она задела мое лицо».

Он поморщился, вспомнив это ощущение, похожее на прикосновение липкой паутины.

«Он вышел, и я за ним. Дверь закрылась, и осталась ровная стена. Потом мы вернулись в его покои».

«Вас кто-нибудь видел?»

«Никто, господин главный судья».

«Это хорошо, — Пейна чуть расслабился. — Что-нибудь еще случилось той ночью?»

«Нет, господин. Он лег в постель и заснул, как мертвый, — Деннис опять замолчал, потом добавил. — Но я не сомкнул глаз, и после тоже не мог заснуть».

«И утром он...»

«Ничего не помнил».

Пейна сцепил пальцы и смотрел сквозь этот домик на угасающий огонь.

«Скажи, вернулся ли ты к тому месту?» — спросил он.

«А вы бы вернулись, господин?»

«Да. Но я спрашиваю тебя».

«Вернулся».

«Конечно! Тебя не видели там?»

«Нет. Мимо прошла служанка; похоже, из прачечной, потому что от нее пахло мылом и мокрым бельем».

Когда она ушла, я отсчитал четыре камня от пола и надавил».

«Ну и что ты увидел там, внутри?»

«Мой господин, когда я открыл панели, я увидел комнату короля Роланда. С этими головами на стенах. И мне казалось... мне казалось, все эти головы *смотрят* на меня».

«Но одной головы ты не видел».

«Нет, господин. Я видел их... — Деннис замолчал, расширив глаза. — Нинер! — воскликнул он. — Нинер! Эти дырки...»

Снова наступило молчание. Только ветер без устали выл за окном. И далеко от них, в своей камере, Питер, законный король Делейна, склонился над маленьким станком и ткал веревку, почти невидимую глазу.

Наконец Пейна глубоко вздохнул. Деннис смотрел на него умоляюще-вопросительно со своего стула. Пейна медленно встал и положил руку ему на плечо.

«Ты правильно сделал, что пришел сюда, Деннис, сын Брендона. И причину своего отсутствия придумал правильную. Сегодня ты будешь спать здесь на чердаке. Там холодно, но, думаю, это лучше, чем возвращаться туда, откуда ты пришел».

Деннис кивнул. По щеке его медленно сползла слеза.

«Твоя мать не знает, почему тебе пришлось уйти?»

«Нет».

«Тогда ее никто не тронет. Арлен проведет тебя наверх. Одеяла тебе придется ему отдать, но там много соломы, и она чистая».

«Мне хватит и одного одеяла, мой господин», — заметил Арлен.

«Нет, Арлен. Молодая кровь горяча и во сне. А тебе нужно одеяло, чтобы согреться... и чтобы спрятаться от троллей, если они придут к тебе во сне».

Арлен вежливо улыбнулся.

«Утром мы поговорим о том, что нам делать. Надеюсь, Деннис, ты понимаешь, что дороги назад для тебя нет».

«Понимаю, господин. Но ведь теперь и вы тоже в опасности?»

Пейна усмехнулся:

«Я стар, и Арлен тоже. У стариков слабое здоровье, и иногда это делает их более осторожными... но иногда придает смелости». *«Особенно, — подумал он, — когда им нужно искупить свою вину».* — Поговорим обо всем утром. Посвети ему, Арлен».

«Да, мой господин».

«И возвращайся сюда».

«Да, мой господин».

Арлен увел Денниса из комнаты, оставив Пейну глядеть на умирающий огонь.

Когда Арлен вернулся, Пейна сказал ему:

«Нам нужно разработать план, Арлен, но сперва налей мне глоток вина. Хочу подождать, пока он заснет».

«Он уснул мгновенно, мой господин».

«Все равно налей глоток вина».

«У нас и остался глоток, не больше».

«Вот и хорошо, завтра головы у нас должны быть свежими».

«Почему, мой господин?»

«Потому что завтра мы, все трое, уезжаем на север. Деннис сказал, что в Делейне грипп, и это так и есть. Мы уезжаем за *здоровьем*».

Арлен медленно кивнул.

«Было бы преступлением оставлять такое хорошее вино сборщику налогов. Поэтому выпьем его... и пойдем спать».

«Как скажете, мой господин».

«Но прежде пойди на чердак и забери одеяло, которое ты отдал этому юноше вопреки моим словам».

Арлен заглянул в глаза своему хозяину и в первый и последний раз на своей службе громко рассмеялся.

Пейна лег, но не мог спать. Ему мешал не вой ветра, а холодный смех, раздающийся где-то внутри его.

Не в силах больше слушать этот смех, он встал, вернулся в гостиную и сел у потухшего очага. Седые волосы окружали его голову, как облако. Он сидел, завернувшись в одеяло, как самый старый индеец в мире, и смотрел на угли.

«Гордость предшествует падению», — говорила когда-то его мать, и он это понимал. Еще мать говорила: «Над гордостью рано или поздно посмеются», — он не понимал этого... но теперь понял. Теперь, когда он слышал чужой смех в своем мозгу и не мог заснуть, хотя ему предстоял тяжелый день.

Он в полной мере сознавал иронию своего положения. Всю жизнь служивший закону, он не мог одобрять таких вещей, как мятеж или разрушение тюрем. Он знал, что бежавшие на север лорды называют себя «изгнанниками», но знал также и то, что от этого слова один лишь шаг до слова «мятежники». И он может сдерживать этот мятеж, лишь примкнув к мятежникам и освободив узника из его темницы. Над этим и смеялся незнакомец внутри, мешая ему уснуть.

Такие действия противоречили всему его образу мыслей, но он знал, что другого пути нет. Питер невиновен. Законный король Делейна заключен в Игле.

И чтобы восстановить справедливость, он должен...

«Салфетки, — пробормотал Пейна. — Прежде чем мы освободим короля, нужно выяснить это дело с салфетками. Расспросить Денниса... и этого Стаада...»

«Мой господин? — перед ним стоял Арлен. — Вы в порядке?»

«Нет, — мрачно ответил Пейна. — Но этому не поможет ни один лекарь».

«Очень жаль, мой господин».

Пейна пристально поглядел на слугу:

«Прежде чем мы окажемся вне закона, я хочу узнать, зачем ему был нужен кукольный дом его матери. И салфетки».

«Вернуться в замок? — переспросил утром Деннис хриплым шепотом. — Вернуться к нему?»

«Если ты чувствуешь, что не в силах, не буду тебя принуждать, — сказал Пейна. — Но ты, я думаю, достаточно хорошо знаешь замок, чтобы не попасться ему на глаза. Иначе тебе не поздоровится. Для больного ты выглядишь слишком здоровым».

День был холодным и ясным. Снег на пологих холмах Ближних баронатов блестел так, что было больно глазам.

«Быть может, я еще сегодня ослепну от этого снега», — подумал Пейна мрачно, но незнакомец в его голове нашел забавной и эту мысль.

Вдалеке на горизонте виднелись призрачные башни Делейнского замка, похожие на картинку из книги сказок. Но Деннис вовсе не напоминал храброго сказочного героя. В глазах его застыл страх, как у человека, только что спасшегося из клетки со львами, которому сказали, что он должен туда вернуться.

«Я могу пробраться туда, — сказал он. — Но если он почует меня, он меня найдет, где бы я ни прятался».

Пейна кивнул. Ему не хотелось увеличивать страх юноши, но он не мог скрывать правду:

«Да, это так».

«Но вы все равно хотите, чтобы я пошел».

«Если можешь».

После завтрака Пейна объяснил Деннису, что тот должен узнать в замке. Теперь Деннис испытал уже на страх, а удивление:

«Салфетки?»

«Салфетки», — Пейна кивнул.

Деннис поглядел на призрачные башни на горизонте:

«Мой отец, когда умирал, сказал, чтобы я, когда понадобится, помог моему первому хозяину. И я сделаю это. Но если я должен туда вернуться...»

К ним присоединился Арлен.

«Твой ключ от дома», — сказал ему Пейна.

Арлен дал ему ключ, и Пейна передал его Деннису.

«Мы с Арленом отправляемся на север, чтобы присоединиться к... — Пейна поколебался и закончил, — к изгнанникам. Я даю тебе ключ от этого дома. Второй ключ я отдам твоему знакомому, который должен быть там, куда мы идем».

«Кто это?» — спросил Деннис.

«Бен Стаад».

Хмурый Деннис вдруг просиял:

«Бен с ними?»

«Скорее всего», — ответил Пейна. На самом деле он точно знал, что Бен и вся семья Стаадов с ними. Он был еще не так глух, чтобы не слышать новостей королевства.

«И вы пришлете его сюда?»

«Если он пойдет», — заметил Пейна.

«Зачем? Мой господин, я ничего не понимаю».

«Я тоже, — только тут Деннис увидел, что вид у Пейны несколько растерянный. — Я всю жизнь делал какие-то дела потому, что они казались мне логичными. Я видел, что получается, когда люди действуют нелогично. Результаты иногда бывают смешными, но часто они просто ужасны. И вот теперь я сам действую против всех законов логики».

«Я не понимаю вас, господин».

«Я тоже, Деннис. Знаешь, какой сегодня день?»

Деннис замялся, но быстро вспомнил:

«Вторник».

«Вторник. Хорошо. А теперь я задам тебе вопрос, который мое дурацкое, нелогичное поведение считает важным. Если не знаешь ответа, так и скажи. Ты готов?»

«Да, мой господин», — сказал Деннис, хотя вовсе не был уверен, что сможет ответить. Пронизывающие голубые глаза Пейны под седыми мохнатыми бровями вселяли в него тревогу.

Но вопрос оказался очень простым. Он был еще более странным, чем вопрос о салфетках, но Деннис знал ответ и ответил.

«Ты уверен?» — переспросил Пейна.

«Да, господин».

«Отлично. Это я и хотел услышать».

Пейна еще немного поговорил с Деннисом, пока они втроем стояли возле полуразвалившейся хибары, куда бывший главный судья никогда уже не вернулся. Деннис выслушал инструкции и четко повторил их, когда Пейна этого потребовал.

«Отлично», — повторил Пейна.

«Я рад, что угодил вам, господин».

«Не думай, что мне нравится все это. Если Бен Стаад там, мне придется послать его на очень опасное дело. И тебя я отправляю в замок потому, что сердце говорит мне: с этими наперстками что-то не так... и с кукольным домом. Я все больше думаю об этом. Он попросил эти вещи не для забавы. Но тогда *зачем?* — Пейна сердито стукнул кулаком по ноге. — И вот я посылаю двоих юношей на опасное дело, и сердце говорит мне, что так и надо, но я все еще не знаю — *зачем?*»

И внутри человека, который однажды осудил юношу из-за его слез, незнакомец смеялся все громче и громче.

Двое стариков попросились с Деннисом. Деннис поцеловал перстень судьбы, на котором была изображена Большая печать Делейна. Пейна оставил свой пост, но с этим перстнем расстаться не мог. Он служил закону и, хотя совершал ошибки, не давал им заставить себя усомниться в правоте закона. Даже последняя и самая большая ошибка не разбила его сердце. Он знал, что дорога в ад вымощена благими намерениями, но знал и то, что часто благие намерения — все, что есть у людей. Люди не ангелы, и ад для них всегда близок.

Он не хотел, чтобы Деннис целовал перстень, но тот настоял. Потом Арлен пожал Деннису руку и пожелал удачи. Деннис улыбался, но в глазах его по-прежнему застыл страх. После этого молодой дворецкий повернул на восток, к замку, а старики отправились на запад, в сторону поместья Чарльза Ричфула. Этот богатый фермер разводил ездовых собак и безропотно платил все увеличивающиеся налоги, но Пейна знал, что он симпатизирует изгнанникам в северных лесах и помогает кое-кому добраться до них. Пейна никогда не думал, что ему самому придется воспользоваться услугами Ричфула, но теперь время пришло.

Старшая дочь фермера Наоми отвезла Пейну и Арлена на север в санях, запряженных дюжиной самых сильных собак. В четверг вечером они достигли опушки лесов.

«Далеко отсюда до лагеря?» — спросил Пейна у Наоми.

Девушка выплюнула в костер чадающую сигару, которую курила:

«Два дня в хорошую погоду, четыре — в плохую. А если поднимется буран, то мы никогда туда не попадем».

Несмотря на эту неутешительную новость, Пейна крепко уснул. Эти несколько ночей он спал лучше, чем все последние годы.

Следующие два дня погода оставалась ясной. На исходе четвертого дня с момента прибытия они увидели маленький кружок палаток и деревянных избушек.

«Эй! Кто идет? А ну говори пароль!» — Пейна тотчас узнал этот голос, молодой и сильный.

«Это Наоми Ричфул, — отозвалась девушка, — а пароль три недели назад был «дракон». Если с тех пор он изменился, можешь застрелить меня, Бен Стаад, но я буду являться тебе по ночам».

Из-за скалы показался смеющийся Бен:

«Нет, Наоми, я не хочу делать из тебя привидение — ты и живая слишком страшная!»

Не обращая на него внимания, она повернулась к Пейне:

«Приехали».

«Да. Я вижу».

И верю, что так и надо... потому что интуиция говорит мне, что времени остается мало... очень мало.

То же чувство было и у Питера.

К воскресенью, через два дня после того, как Андерс Пейна и Арлен достигли лагеря изгнанников, его веревка, по его расчетам, должна была не доставать до земли еще тридцати футов. Это значило, что, если он повиснет на конце ее, до земли останется как минимум двадцать три фута. По-хорошему, нужно было поработать еще месяца четыре — он не мог идти на риск разбиться при падении и лежать на камнях площади, пока его не подберут дежурные гвардейцы.

Пейна, без сомнения, принял бы такую логику, но Питер чувствовал, что должен спешить. Почти неделю он видел один и тот же сон, возвращавшийся с настойчивостью призрака. Ему снился Флегг, склонившийся над каким-то блестящим предметом, заливавшим лицо чародея зеленовато-желтоватым мерцанием. Глаза Флегга во сне сперва расширялись в удивлении, потом сжимались в злобные щелки. В этом выражении глаз, в искривленных губах Питер читал только одно: смерть. Флегг говорил единственное слово, глядя на непонятный предмет, мерцание которого колебалось, как пламя свечи. Этим словом было имя Питера.

В субботнюю ночь луна на небе появилась в дымке, и стражники говорили, что это предвещает снег. Отец научил Питера узнавать погоду, и в тот вечер он долго думал, стоя у окна.

«Я могу попытаться бежать в следующую ночь, — думал он. — Снег, может быть, смягчит падение», —

он улыбнулся этой мысли. Три дюйма снега — что они сделают? Даже если веревка выдержит. Даже если он не сорвется... и сможет идти.

Да и куда он пойдет? Кто поможет ему? Во всем королевстве — один только Бен Стаад.

Конечно, он может понадеяться на удачу. Королевскую удачу, о которой столько говорил его отец. У каждого короля своя удача. Он уже пять лет был королем Делейна — для себя, — и до сих пор удачи у него было не больше, чем у семейства Стаадов. Но в эту ночь все могло измениться.

Его веревка, его ноги, его удача. Все это может не изменить ему... а может и изменить. Неважно. Он должен спешить.

«Ночью», — прошептал он, глядя в окно. Но вечером случилось нечто, изменившее его планы.

Пейна и Арлен целый день добирались до фермы Ричфула, до которой было десять миль. До Делейнского замка было вдвое дальше, но Деннис уже в два часа дня постучал бы в его ворота, если бы он стал делать такую глупость. Но Пейна был точен в своих инструкциях, особенно для человека, который не слишком ясно представляет, что он делает; поэтому Деннис вошел в замок не сразу.

Сперва он поискал убежище, где мог бы провести следующие несколько дней. На дороге никого не было, но скоро там должны были появиться крестьяне, идущие с рынка, а Деннис не хотел, чтобы его кто-нибудь узнал. Ведь он, по идее, все еще лежал дома с гриппом. Довольно скоро он отыскал заброшенную ферму — их становилось все больше благодаря Томасу Налогоносному.

Деннис пробыл там до субботы — до дня, когда Бен Стаад вместе с Наоми уже спешили на собачьей упряжке в дом Пейны. Если бы Деннис знал это, ему было бы легче, но он не знал.

В подвале он нашел немного картошки и репы. Он съел картошку (репу он терпеть не мог), вырезая ножом гнилые места, то есть, три четверти каждой картофелины. Он съел остаток — шарики размером с голубиное яйцо — и с отвращением поглядел на репу. «Когда я проголодаюсь, — подумал он, — она, может быть, покажется вкуснее».

Вкуснее репа не казалась, но Деннис все равно ее ел. Нужно было продержаться до субботы.

Еще он нашел в подвале пару снегоступов. Крепления были велики, но ему хватило времени их подогнать. Кожа уже начала гнить, но с этим ничего нельзя было поделать. В конце концов, они нужны ему ненадолго.

Спал он в подвале, боясь неожиданных гостей, но большую часть дня проводил в гостиной заброшенного дома, высматривая идущих по дороге. Гостиная, где когда-то собиралась большая семья фермера, обсуждая планы на день, теперь была пуста и печальна.

Пейна, узнав, что Деннис умеет читать и писать, и проверив это после завтрака в среду — последнего нормального завтрака Денниса, — вручил ему несколько листов бумаги и карандаш. Немало часов в этой печальной гостиной Деннис провел за составлением записки. Он писал, зачеркивал, точил карандаш ножом и писал опять. Он боялся забыть что-либо из того, что говорил Пейна, и иногда ругал старика, что тот не написал записку сам или не продиктовал Арлену. Но в основном работа нравилась ему. Он куда хуже работал головой, чем руками, но все же это было лучше, чем безделье.

К субботе записка была готова. Деннис смотрел на нее с радостью — он никогда не писал так много. Он сложил ее до размера марки и сел у окна, с нетерпением ожидая темноты. Питер видел несущиеся по небу облака из своей камеры, Деннис — из окна заброшенного фермерского дома, но оба знали от своих отцов — короля и дворецкого, — что это предвещает снег.

К четырем по полу гостиной поползли длинные сизые тени, и Деннис решил не ждать дольше. Впереди его ждала опасность. Он шел прямо в логово Флегга, где тот творил свои злые чары. Но это не имело значения: он служил своему хозяину, *первому* хозяину, и был намерен сделать все, что от него зависело.

Он вышел из дома, надел снегоступы и отправился через поле к башням замка. Промелькнула мысль о волках. Он не знал, что Питер решил бежать именно в эту ночь, но, как и Питер, как и Пейна, чувствовал, что нужно спешить.

Идя по полю, он думал, как проникнуть в замок, чтобы Флегг... Стоило ему произнести в уме имя чародея, как где-то завыл волк. В своем кабинете Флегг подскочил в кресле, где он задремал над книгой заклинаний.

«Кто назвал мое имя?» — прошептал он, и двухголовый попугай в страхе закричал.

Посреди снежного поля Деннис услышал этот шепот, сухой и безжалостный, как шорох паучьих лап. Он замер, потом пошел дальше. Несмотря на мороз, со лба у него стекали крупные капли пота.

«Трах!» — лопнуло одно из сгнивших креплений. Снова тоскливо провыл волк.

«Никто», — прошептал Флегг, откидываясь в кресле. Он редко болел — три-четыре раза за всю жизнь, — но в походе он порядком замерз, ночуя на холодной земле, и это сказывалось до сих пор.

«Никто. Это сон».

Он захлопнул книгу и опять погрузился в сон.

Деннис медленно расслабился. Капля пота попала ему в глаз, и он рассеянно смахнул ее. Он подумал о *Флегге* — и Флегг каким-то образом это услышал. Но теперь темная тень чародея миновала его, как тень ястреба — сжавшегося в ужас кролика. Деннис глубоко вздохнул. Он изо всех сил старался не думать о Флегге, но наступала ночь, на небо всходила бледная оскаленная луна, и мысли эти все неотвязнее подступали к нему.

В восемь часов Деннис вошел в королевский заповедник. Он хорошо знал эти места, так как часто вместе с отцом сопровождал Роланда на охоту.

Томас выезжал охотиться куда реже, но Деннис бывал тут и с ним. К полуночи он дошел до края этого маленького леса.

До стены замка оставалось всего полмили. Луна светила так же ярко, и Деннис боялся, что часовой на стене заметит его. Он с самого начала знал, что эта часть пути будет самой рискованной, но раньше риск казался далеким и несущественным. Теперь он был очевиден.

«Вернись», — прошептал кто-то внутри, но Деннис не стал слушать. Ему поручено важное дело, и если он должен умереть, выполняя его, он умрет.

Еле слышно из главной башни донесся крик часового: «Двенадцать часов! Все спокойно!»

«Все спокойно, — подумал Деннис. — Вранье, все просто ужасно!» Он запахнул куртку плотнее и стал ждать, когда скроется луна.

Наконец он смог идти. Времени оставалось все меньше. Он пошел по полю как можно быстрее, каждый миг ожидая окрика: «Стой, кто идет?» Но окрика не было. Ночное небо заволокли тучи, и все под стеной погрузилось в тень. За десять минут Деннис достиг замерзшего рва, снял снегоступы и пошел через ров к самой стене.

Сердце его замерло. Он напряженно прислушивался, стараясь услышать шум текущей воды. Наконец он увидел

то, что хотел найти — черное отверстие в стене, из которого струйкой бежала вода. Труба водослива.

«Ну!» — прошептал он, быстро пробежал пять шагов и прыгнул. Лед, хрупкий от постоянного притока теплой воды, треснул под его ногой, но он уже держался за покрытый скользким мхом край трубы. Кое-как он забрался внутрь. Он с товарищами нашел эту трубу еще в детстве, но родители строго-настрого запретили ему забираться в нее — отчасти потому, что там можно было заблудиться, отчасти из-за крыс. Но Деннис знал, куда ведет труба.

Примерно через час в пустом коридоре замка открылась решетка водостока, и оттуда выбрался очень мокрый и очень грязный Деннис. Он мог бы долго лежать, отдыхая на полу, но кто-нибудь мог обнаружить его даже в этот поздний час. Поэтому он поставил решетку на место и осмотрелся.

По крайней мере, в трубах не оказалось крыс. Он ожидал их встретить не только из-за историй, которые рассказывал отец, но и потому, что сам видел их в детстве, когда играл возле этих труб.

Куда же они делись? Деннис не мог знать, что крысы, в изобилии водившиеся раньше в трубах, не тревожили обитателей замка уже пять лет — с того самого дня, когда Флегг выбросил в водосток камень и нож, на которых осталось несколько крошечных частиц Драконьего Песка. Многие крысы сгорели заживо, отравленные парами ужасного яда, а остальные ушли и до сих пор не вернулись, хотя за эти годы яд большей частью выветрился. Но если бы Деннис прошел ближе к жилищу Флегга, он тоже мог бы умереть. Не знаю, что его спасло — случай или судьба.

Дойдя до угла, Деннис выглянул из-за него и увидел молодого заспанного стражника. Сердце его подпрыгнуло, но зато теперь он знал, где находится.

Когда стражник ушел, Деннис быстро, с уверенностью человека, знающего замок, как свои пять пальцев, отправился в западное крыло, где хранились салфетки. Он старался выбирать самые темные коридоры и при каждом звуке, реальном или воображаемом, прижимался к стене. Весь путь занял почти час, и ему ужасно хотелось есть.

Забудь о брюхе, Деннис — думай в первую очередь о своем хозяине!

Часовой вдали прокричал четыре часа. Деннис уже был близок к цели, когда из-за поворота вдруг показался стражник. Деннис вжался в стену, стараясь не дышать. Вот сейчас стражник повернется, увидит его, схватится за меч... и это будет концом и для Денниса, и для Питера.

От стражника несло прокисшим вином и потом. Он остановился, поковырял в носу, потом вдруг запел надтреснутым голосом:

«Знал девчонку я друзья... Марчи-Мельд ее звал я... Я прошел бы семь морей... Чтоб обнять ее скорей... Тутти-синди, тутти-на, дайте мне стакан вина...»

Тут с Денисом случилось нечто ужасное. Его нос начал чесаться. Скоро он должен чихнуть.

«Иди же, болван!» — взмолился он про себя.

Но стражник вместо этого извлек из левой ноздри что-то зеленое и принялся разглядывать.

«Знал девчонку я, друзья, — завел он снова. — Дарчи-Дарл ее звал я... Целовал я тыщу раз Милых губ ее и глаз... Тутти-синди, тутти-на... дайте мне стакан вина».

«Об башку бы тебе стакан вина, — подумал Деннис. — *ПРОВАЛИВАЙ!*» Нос чесался все сильнее, но он не осмеливался тронуть его, боясь быть замеченным.

Стражник еще покопался в своем носу и, наконец, ушел, по-прежнему напевая дурацкую песенку. Едва он отошел, как Деннис зажал нос и рот и чихнул. Он ожидал лязга металла и воплей, но стражник ничего не заметил. Раньше за пьянство на посту он мигом загремел бы на дальнюю границу, но времена изменились. Деннис немного подождал, потом с опаской двинулся к двери справа по коридору. Он хорошо знал эту дверь, хотя теперь рядом с ней стояло кресло. Дверь вела в хранилище салфеток. Ее не запирали раньше, не запирали и теперь — кому нужны старые салфетки?

Стоя здесь, он вспомнил вопрос, который задал ему Пейна: «*Знаешь ли ты, откуда берут салфетки для принца Питера?*»

Этот вопрос показался Деннису легким, но вы, быть может, заметили, что все вопросы, на которые знаешь ответ, кажутся легкими. Деннис взял деньги у Бена — собственно, у Андерса Пейны, и считал своим долгом проверять время от времени, выполняется ли то, на что эти деньги пошли.

Он рассказал Пейне о хранилище салфеток (чему тот был весьма удивлен) и о том, как каждую субботу служанка берет оттуда двадцать одну салфетку, гладит их и вывозит на маленькой тележке за дверь, откуда воскресным утром слуга относит их в Иглу и передает одному из стражников.

Все это он рассказал Пейне.

Теперь Деннис подошел к тележке, где лежала очередная партия салфеток. Он откинул верхнюю. Воскресный завтрак. Воскресный обед. Если бы он откинул и воскресный ужин, вся наша история могла бы кончиться по-другому. Но он решил, что под тремя салфетками записка

будет в безопасности. Он извлек из подкладки куртки булавку, которую нашел накануне в фермерском доме, и аккуратно пришили записку к внутренней стороне салфетки.

«Найди ее, Питер, — прошептал он громоздящимся вокруг пирамидам салфеток. — Найди ее, мой король».

Деннис знал, что пора прятаться. Скоро замок проснется, конюхи отправятся в конюшни, прачки — в прачечную, кухарки — на кухню. При мысли о кухне у Денниса опять заныло в животе. Теперь и репа казалась ему необычайно вкусной.

Он прошел вглубь и укрылся в дальнем углу хранилища. От салфеток шел сладкий сухой запах залежалости. Он разложил их стопку на полу, а еще одну подложил под голову. Это было не самое роскошное ложе, но после долгого пути и всех ночных страхов спать ему хотелось еще сильнее, чем есть. Скоро он спал, и прежде чем мы на время оставим его, хочу пожелать тебе, читатель — пускай твой сон будет таким же сладким и безмятежным, как его сон в ту ночь.

В субботу вечером, когда Деннис замирал от ужаса на поле, когда черная тень мыслей Флегта пронеслась над ним, Бен Стаад и Наоми Ричфул расположились на ночлег на заснеженной пустоши милях в тридцати от бывшего дома Андерса Пейны.

Они разбили временный лагерь. Пока Бен натягивал палатку и разводил огонь, Наоми отвязывала собак. Потом она варила в котелке оленину. Они молча поели, и девушка вернулась к собакам. Лайки уже спали, все кроме Фриски, ее любимицы. Фриски поглядела на хозяйку своими почти человеческими глазами и лизнула ей руку.

«Хорошо поработала, милая, — сказала Наоми. — Теперь спи. Лови лунных зайцев».

Фриски послушно положила голову на лапы. Улыбнувшись Наоми вернулась к огню. Бен сидел там, обняв руками колени; лицо его было задумчивым.

«Скоро снег».

«Я так же хорошо предсказываю погоду, как и ты, Бен Стаад. Феи водят хоровод вокруг головы принца Эйлина».

Бен посмотрел на луну и кивнул. Потом опять стал глядеть в огонь.

«Знаешь, я видел плохой сон. Сон о... о том, кого лучше не называть по имени».

Наоми зажгла сигару и предложила другую Бену, но он покачал головой.

«Мне, похоже, снился тот же сон», — сказала она, пытаясь говорить равнодушно, но в голосе ее слышалась тревога.

Он в недоумении уставился на нее.

«Да. Во сне он смотрел на какую-то блестящую штуку и произносил имя Питера. Я не из тех неженков, что вопят при виде мыши или паука, но от этого сна мне захотелось кричать».

Вид у нее был смущенный.

«Когда это было?»

«Две ночи назад».

«А мне это снилось четыре ночи назад. И не думай, что я буду над тобой смеяться и обзывать плаксой-ваксой. Я тоже чуть не заорал».

«Эта блестящая вещь... он потом ее погасил. Как ты думаешь, это свеча?»

«Нет, сама знаешь, что нет».

Она кивнула.

«Это что-то гораздо хуже... Знаешь, я, пожалуй, возьму сигару».

Она дала ему сигару, и он прикурил от костра. Они сидели молча, глядя, как ветер разносит искры огня, которые гасли, как непонятный блеск в их сне. Вокруг было темно, очень темно. Бен подумал, что снегопад будет сильным.

Наоми будто прочитала его мысль:

«Похоже, будет буря, какой и старики не помнят. Как думаешь?»

«Похоже».

Нерешительно, совсем непохоже на свою обычную резкую манеру, она спросила:

«Бен, что означает этот сон?»

Он покачал головой.

«Не знаю. Ясно, что Питер в опасности. Если это означает что-то еще, то мы должны спешить, он взглянул на нее в упор, и ее сердце чуть подпрыгнуло. — Мы можем достичь фермы сегодня?»

«Должны. Но никто, кроме Бога, не знает — не сломает ли собака ногу, не нападет ли на нас медведь-шатун из леса. Но если все будет в порядке, мы будем там. Я поменяла всех собак, кроме Фриски, а Фриски не устает».

Снег может нас остановить, но, я думаю, он задержится... и чем больше он задержится, тем сильнее в конце концов будет. Но что мы будем там делать, если твой приятель не вернется?»

«Не знаю», — Бен вздохнул и потер рукой лоб. Что толку гадать? Пейна отправил Денниса в замок, но как он проникнет туда? И где будет прятаться?

«Бен!»

«Что?» — ты отвлекся от своих мыслей.

«Ты о чем сейчас думал?»

«Ни о чем».

«Нет, думал! У тебя глаза блестели».

«Правда? Должно быть, о пирогах. Ладно, пора спать. Нам нужно тронуться как можно раньше».

Но в палатке, подле сладко спящей Наоми, он долго еще не мог уснуть. В замке полно мест, где можно спрятаться. Но два места особенно хороши, и именно там он может скорее всего найти Денниса.

Наконец он уснул.

И ему приснился Флегт.

Питер, как обычно, начал воскресенье с зарядки и молитвы.

Он чувствовал себя отлично. Поглядев на небо, он принялся за завтрак.

Конечно, с салфеткой.

Воскресным днем каждый житель Делейна хотя бы раз в тревоге взглянул на север. Все соглашались, что будет невиданная буря. Тучи сделались тускло-серыми, цвета волчьего меха. Стало теплее, и впервые за недели начали таять сосульки на крышах, но старожилы говорили, что их не одурачишь. Быстро похолодает, и часа через два, самое большее через четыре, пойдет снег. И он будет идти, говорили они, не день и не два.

В три часа те фермеры, что еще сберегли свое добро и свои фермы, начали загонять скотину в сараи. Коровы недовольно мычали, они впервые за долгое время смогли извлечь из-под подтаявшего снега прошлогоднюю траву. Постаревший, но еще бодрый в свои семьдесят два, Иосиф распорядился загнать в конюшню королевских лошадей. Женщины, то и дело поглядывая на небо, спешили высушить белье на свежем ветру. Но белье не сохло; воздух был слишком влажным.

Все нервничали — и люди, и животные. Пивные были закрыты, долгий опыт научил их владельцев, что при падении барометра посетители становятся раздражительными и драчливы.

Делейн ждал бури.

Бен и Наоми достигли фермы Пейны к двум часам — в то время Деннис только проснулся на своем ложе из королевских салфеток, а Питер сел за скудный обед.

Наоми выглядела очень хорошенькой. Мороз и бег зажали на ее щеках алые розы; темные волосы выбились из-под капюшона.

«Рекордный пробег! — крикнула она, когда сани под тягканье собак влетели во двор фермы. — Мы прибыли на три часа раньше, чем я думала! И ни одна собака не сошла! Молодец, Фриски! Молодец!»

Фриски, большая черно-белая лайка с серо-зелеными глазами, шла во главе упряжки. Услышав похвалу, она кинулась на грудь хозяйке, и та, обняв ее, станцевала уморительный вальс. Остальные собаки, тяжело дыша, лежали на земле, но ни Наоми, ни Фриски не выказывали никаких признаков усталости.

«Ай, Фриски! Ай, хорошая собака! Мы успели!»

«Куда?» — мрачно спросил Бен.

Она отпустила Фриски и сердито обернулась к нему... но выражение его лица умерило ее гнев. Он смотрел на дом. Да, они успели, но что их ждало? Пустая ферма; Пейна с Арленом на севере; Деннис — где-то в замке или уже в темнице, если его схватили.

Она нерешительно тронула Бена за плечо:

«Ничего. Мы сделали все, что могли».

«Разве? — он глубоко вздохнул. — Сомневаюсь, — он снял вязаную шапку, и его золотые волосы заблестели в мягком свете дня. — Прости, Наоми. Ты тут ни при чем.

Ты со своими собаками сделала чудо. Я просто чувствую себя беспомощным оттого, что не могу им никак помочь».

Она поглядела на него и тоже вздохнула.

«Ладно, — сказал он, — давай зайдем. Может нам оставили какое-нибудь сообщение. К тому же, пора укрываться от бури».

Внутри ничего не было. Обычный фермерский дом, оставленный хозяевами в спешке. После часа поисков Бен уселся рядом с Наоми в гостиной... в том самом кресле, в котором Андерс Пейна слушал невероятную историю Денниса.

«Если бы он оставил следы», — проговорил Бен и удивленно поднял голову, увидев расширившиеся глаза Наоми.

«Следы есть! — воскликнула она. — Если снег еще немного задержится...»

«Ты о чем?»

«Фриски! Фриски может найти его! У нее самый чуткий нос, какой я только видела».

«Этим следам уже несколько дней, — покачал он головой. — Даже самая чуткая собака в мире...»

«Фриски и есть самая чуткая собака в мире! — со смехом перебила Наоми. — И зимой взять след куда легче, чем летом, Бен Стаад. Летом след быстро исчезает — сгнивает, как говорит мой отец, и его покрывают другие следы. Не только людей и зверей, но и трава, теплый ветер, даже текущая вода. Но зимой след остается. Если у нас есть что-нибудь, принадлежащее Деннису...»

«А остальные собаки?»

«Я оставлю свой спальный мешок вот здесь, — она указала на сарай, — и они будут знать, что я сюда вернусь. Пусть пока бегают вокруг и ловят зайцев».

«А за нами не побегут?»

«Нет, если я им скажу».

«Ты что, умеешь говорить по-собачьи?»

«Нет, — Наоми даже не улыбнулась. — И Фриски не говорит по-человечески, но все понимает. Я скажу ей, а

она передаст остальным. Они будут охотиться, пока не начнется буря, а потом заберутся в сарай».

«И ты правда думаешь, что, если дать Фриски какую-нибудь вещь Денниса, она найдет его по запаху?»

«Конечно».

Бен задумчиво посмотрел на нее. Деннис ушел с фермы во вторник; сейчас воскресенье. Он не верил, что любой запах может держаться так долго. Но лучше попробовать даже такую возможность, чем сидеть здесь и ждать неизвестно чего. В других обстоятельствах он охотно бы переждал бурю с такой девушкой, как Наоми... но сейчас от него зависела судьба королевства и жизнь его лучшего друга.

«Ну? — спросила она нетерпеливо. — Что ты думаешь?»

«Думаю, это невероятно, — сказал он, — Но попробовать стоит».

Она просияла:

«Так у нас есть какая-нибудь вещь?»

«Есть. Веди свою собаку наверх, Наоми. На чердак».

Большинство людей этого не знают, но для собак запахи — как для нас цвета. Слабые запахи имеют слабый цвет, как выцветшие краски; сильные — яркий и густой. У многих собак слабые носы, и они читают запахи как люди со слабым зрением различают цвета, предполагая, что светло-синий может быть серым, а темно-коричневый — черным. Но у Фриски нос был как зрение у человека с ястребиными глазами, а запах Денниса на чердаке, где он спал, сохранился очень хорошо (еще и потому, что он несколько дней обходился без бани).

Фриски обнюхала солому, потом одеяло, которое ей дала Хозяйка. Одеяло пахло Арленом, и Фриски быстро отвергла этот запах — запах старика, тусклый и кислый. Запах Денниса был куда живее и моложе.

Она гавкнула, показывая, что учуяла запах, и включила его в свою картотеку.

«Умница! — сказал юноша. — Можешь повести нас?»

«Поведет». — Хозяйка пошла к двери.

«Через час будет темно».

«Ну и пусть, — Хозяйка улыбнулась. Когда она вот так улыбалась, Фриски казалось, что ее собачье сердце вот-вот разорвется от любви. — Нам же не *глаза* ее нужны».

Юноша улыбнулся:

«Точно. Знаешь, пусть я идиот, но, мне кажется, у нас есть шанс».

«Конечно. Пошли, Бен. Пока еще светло».

Фриски, вдыхая запах Денниса — ярко-синий, как ей представлялось, — радостно гавкнула.

Ужин Питеру принесли, как всегда, ровно в шесть. Тучи уже нависли над городом, и температура начала падать, но снега еще не было. На другом конце площади, ежась от холода в позаимствованном халате поваренка, стоял Деннис, всматриваясь в мерцающий на невозможной высоте желтоватый отблеск — свечу Питера.

Питер, конечно, не знал об этом — он только и думал о том, что, умрет он или спасется, это последний его ужин в проклятой камере. Жилистое мясо, полусгнившая картошка и водянистый эль. Он съел все до крошки. Последние недели он ел мало и все время, свободное от работы на станке, посвящал физическим упражнениям.

Но сегодня ему нужны были все силы.

«Что со мной будет? — думал он, усаживаясь за свой маленький столик и разворачивая салфетку. — Куда я пойду? Кто поможет мне? Все верят в удачу, Но ты, Питер, веришь в нее до смешного сильно».

«Хватит. Что будет, то и будет. Ешь, и хватит об...»

Тут его мысли прервались. Что-то в салфетке ужалило его ладонь. Он поднес руку к глазам и увидел капельку крови. Первая мысль была о Флегге. В сказках яд всегда содержится в иголке. В конце концов разве яд не был любимым средством Флегга?

Питер встряхнул салфетку, увидел в ней крошечный листок бумаги с черными буквами... и тут же скомкал салфетку. Лицо его оставалось спокойным, ничем не выдавая вспыхнувшего волнения.

Он осторожно оглянулся, боясь, что кто-нибудь из тюремщиков застанет его врасплох. Никого не было. Это в первое время они глазели на него, как на редкую рыбу, и даже тайком приводили своих подружек поглядеть на злодея-отцеубийцу. Но Питер вел себя образцово, и интерес к нему постепенно угас.

Он заставил себя съесть ужин, хотя аппетита совершенно не было. Что бы ни содержалось в записке, он должен сохранять спокойствие — ведь через несколько часов ему нужно бежать.

Закончив с ужином, он опять оглянулся на дверь и пошел к кровати, как бы случайно прихватив с собой салфетку. В спальне он отшпилил записку (его руки так тряслись, что он опять укололся) и развернул ее. Сначала он взглянул на подпись и глаза его расширились. Записка была подписана: *«Деннис — Ваш друг и преданный слуга»*.

«Деннис? — прошептал Питер, даже не сознавая, что говорит вслух? — Деннис?»

Он перешел к началу, и сердце его забилось еще сильнее. Записка начиналась словами *«мой король»*.

«Мой король,

Вы может быть знаете что я пять последних лет служил дворецким у вашего брата Томаса. Неделю назад я узнал что Вы не убивали вашего отца Роланда Доброго. Я знаю кто это сделал и Томас знает. Вы узнали бы имя этого убийцы тоже но я не осмеливаюсь написать его. Я пошел к Пейне который отправился в изгнание и велел мне вернуться в Замок и написать Вам. Пейна сказал что изгнанники скоро станут мятежниками а это не должно быть. Он сказал чтобы я служил Вам и то же сказал мой Отец перед смертью, потому что наша семья всегда служила Королю а Вы истинный Король. Если у Вас есть план я помогу вам даже ценой жизни. Когда Вы читаете это, я стою внизу на площади. Прошу если у Вас есть план подойти и стать у окна. Если Вам есть на чем писать напишите записку и киньте мне. Позже я ее подберу. Если Вы согласны дважды махните мне рукой.

*Ваш друг Бен с изгнанниками. Пейна обещал при-
слать его сюда. Я знаю где он (Бен) может быть и могу
привести его сюда за день или два. Это опасно но я
чувствую что времени у нас мало. И Пейна чувствует
то же самое. Буду ждать и молиться.*

Деннис — Ваш друг и преданный слуга».

Прошло немало времени прежде чем Питеру удалось привести в порядок мысли. Один вопрос особенно занимал его: что увидел Деннис, что заставило его так решительно изменить мнение? Что это могло быть?

Мало-помалу он убедил себя, что это неважно. Деннис изменил мнение, и это главное.

Пейна. Деннис пошел к Пейне, и Пейна сказал... Старый лис что-то почуял. Он, конечно, помнит про салфетки и про кукольный дом. И что-то чувствует.

Что же делать?

Часть его по-прежнему хотела осуществить намеченный план. Он столько готовился, что теперь ему было жаль отказываться от этой возможности. Да и сны его подгоняли.

Вы узнали бы имя этого убийцы... Питер его знал, и эта фраза больше, чем что-либо, убеждала его, что надо спешить. Флегг что-то задумал, и его нужно опередить.

Сколько еще ждать?

Питер разрывался от противоречивых мыслей. Бен... Томас... Флегг... Пейна... Деннис ...все они мелькали в его голове, как образы из снов.

Что же делать?

Внезапно к нему пришла мысль.

До этого он сидел на кровати, нахмурясь и склоняясь над запиской. Теперь он выпрямился, и глаза его ярко блеснули.

Если вам есть на чем писать...

Есть. Не салфетка — ее могут найти. Не записка Денниса — она исписана с обеих сторон.

Пергамент Валеры.

Питер встал и убедился, что глазок закрыт. Потом подошел к окну и дважды помахал, надеясь, что Деннис видит его.

После этого он вернулся в спальню, отодвинул камень и вытащил оттуда пергамент и медальон. Он повернул пергамент тыльной, чистой стороной... но чем ему писать?

Тем же, чем писал Валера.

Слегка поднатужившись, он разорвал матрас. Внутри была солома, и он быстро нашел прочные соломины, которые могли заменить перо. Медальон был сделан в форме сердца, с острым нижним краем. Закрыв глаза, Питер прочитал краткую молитву и полоснул себя острым медальоном по запястью. Кровь хлынула сразу — куда больше, чем нужно. Он окунул первую соломинку и начал писать.

Стоя на холодной и темной площади, Деннис увидел, как темная фигура Питера вверху подняла руки над головой и дважды помахала ему. Значит, будет послание. Это увеличивало риск, но Деннис был рад.

Он ждал, переминаясь с ноги на ногу. Часовой прокричал десять... одиннадцать... двенадцать часов. Луну заволкли тучи, но воздух странно светился, как часто бывает перед бурей.

Он начал уже думать, что Питер забыл о нем, Когда темный силуэт вновь появился у окна. Деннис вскинул голову, поморщившись от боли в шее, согнутой уже четыре часа. Что-то на миг промелькнуло в воздухе, и силуэт Питера скрылся. Через мгновение погасла свеча.

Деннис огляделся по сторонам и быстро двинулся через площадь. Он знал, что в любую минуту может появиться стражник, но с этим ничего нельзя было поделать. К тому же он был уверен, что где-то неподалеку бродят духи всех обезглавленных на этой площади.

Но о таких вещах лучше было не думать. Поэтому он просто стал искать то, что бросил Питер, всматриваясь в заснеженное поле площади, как ищейка. Ему казалось, что предмет, мелькнувший в воздухе, был твердым и блестящим. Правильно — Питер не мог бросить просто листок бумаги, иначе его унесло бы ветром. Но что это?

С каждой секундой Деннис волновался все сильнее. Он нагнулся и стал шарить руками по снегу, по следам, размытым оттепелью до размера драконьих лап. Пот стекал у него со лба. В голову ему пришла безумная

мысль — что вот сейчас на плечо ему ляжет рука, и он увидит ухмыляющееся лицо королевского чародея.

«Поздновато для прогулок, — скажет Флегг, и глаза его вспыхнут багровым волчьим светом. — Что ищешь, Деннис? Может, я помогу тебе?»

Не думай о нем! Ради всего святого, не думай о нем!

Но не думать было трудно. Где же оно?

Руки Денниса, которыми он шарил в снегу, совсем окоченели. Ну где же оно? Еще полбеды, что Деннис его не найдет. Хуже, если его найдет кто-то другой.

Часовой прокричал час.

Стоп, Деннис. Успокойся.

Это был голос его отца. Деннис замер, как был — на коленях, с носом у самой земли.

Ты уже ничего не видишь, мой мальчик. Закрой глаза на минутку, а потом посмотри. По-настоящему.

Деннис послушался. На этот раз он внимательно оглядел всю заснеженную, истоптанную мостовую у подножия Иглы.

Ничего.

Стоп! Вон там!

В снегу что-то блеснуло.

Деннис увидел краешек чего-то блестящего, что он во время своих панических поисков едва не вдавил в снег коленом.

Он подхватил непонятный предмет онемевшими пальцами и рассмотрел его. Медальон, должно быть, из золота, в форме сердца. Между двух створок зажат клочок бумаги. Очень старой бумаги.

Деннис вытащил бумагу, бережно сжал ее в руке, а медальон надел на шею. Потом побежал. Эта пробежка была еще хуже, чем все предыдущее — на каждом шагу он боялся быть обнаруженным.

Наконец он укрылся в спасительной тени зданий и смог отдышаться. Он прошел в замок через дверцу для слуг, выждав момент, когда стражник — такой же сонный и хмельной, как его коллеги, — отвернулся.

Через двадцать минут, в хранилище салфеток, он смог, наконец, прочитать записку.

Одна ее сторона была исписана старинными буквами, странными ржавыми чернилами. Деннис перевернул листок и чуть не вскрикнул. Эти «чернила» он мог узнать.

«О король Питер!» — прошептал он.

Буквы расплывались — «чернила» не успели еще высохнуть, — но почерк был четким.

«Хотел убежать сегодня. Ждать больше нельзя. Не ходи за Беном. Слишком опасно. У меня есть веревка. Тонкая. Может порваться. Завтра в полночь. Помоги если можешь. Нужно укрытие. Могу быть ранен. На волю Божью. Спасибо, дорогой Деннис. Король Питер».

Деннис перечитал записку трижды и заплакал — на этот раз от радости. Он снова и снова смотрел на строчку: «спасибо, дорогой Деннис», написанную королевской кровью.

«Питер, я умру за тебя тысячу раз», — подумал Деннис. Он спрятал записку в карман, так и не сняв медальон с шеи. Прошло немало времени прежде чем он смог заснуть, но проспал он недолго. Дверь хранилища вдруг распахнулась — скрежет ее дверей показался Деннису ужасным, нечеловеческим криком, — и на него надвинулся темный силуэт с горящими волчьими глазами.

Снег пошел около трех утра — Бен Стаад увидел его первые хлопья, когда они с Наоми стояли на опушке королевского заповедника, глядя на замок. Фриски присела рядом, поскуливая. Она тоже устала, но была рада — запах становился все сильнее и свежее.

Она быстро довела их от дома Пейны до заброшенной фермы, где Деннис провел четыре дня, питаясь ненавистной репой. В этом доме ярко-синий запах пропитал все, и Фриски бегала из комнаты в комнату, радостно гавкая.

«Что теперь? — спросила Наоми. — Он пошел отсюда в замок, это понятно. Вопрос в том, идти нам за ним или ночевать здесь».

Было шесть часов, и за окном уже темнело.

«Думаю, лучше идти, — медленно сказал Бен. — Ты сама сказала, что нам нужны не глаза Фриски, а нос... и я подтверждаю перед любым судом, что нос у нее замечательный».

Фриски, сидящая у дверей, благодарно гавкнула. Бен пристально посмотрел на девушку. Путь был долгим, они оба устали... но он знал, что надо спешить.

«Ты можешь идти, Наоми Ричфул?»

Она уперла руки в бока и сердито взглянула на него:

«Я могу идти сто миль от места, где ты упадешь, Бен Стаад».

«Ладно. Может, нам удастся это проверить. Но сперва нужно что-нибудь поесть».

После скудного ужина Наоми нагнулась к Фриски и объяснила, что та должна снова искать след. Фриски не

нужно было повторять дважды. Они покинули ферму сразу же — Бен нес большой рюкзак, Наоми чуть поменьше.

Запах Денниса вел Фриски в темноте, как маяк... и, если бы не оклик Наоми, она быстро привела бы их обратно к дому Пейны.

«В чем дело? — спросил Бен. — Она потеряла след?»

Они смотрели, как собака в растерянности бежит сначала по двору фермы, потом по дороге.

«Подожди, — Наоми явно обиделась за свою любимицу. — Слишком много запахов. Дай ей разобраться».

«Смотри! Она побежала в поле. Зачем?»

«А как ты думаешь? Неужели он пошел в замок по дороге?»

Бен хлопнул себя по лбу.

«Конечно, нет! Вот болван!»

Наоми только улыбнулась.

В поле Фриски остановилась и нетерпеливо тявкнула, требуя, чтобы Хозяйка и Юноша шли быстрее. Андуанские лайки — потомки белых волков, которых боялись некогда жители Северного бароната, и, хоть и прирученные, они остались в первую очередь охотниками. Фриски не терпелось найти источник синего запаха.

«Надеюсь, она ведет нас правильно», — заметил Бен.

«Конечно. Смотри!»

Она указала рукой на вмятины в снегу — следы снегоступов.

К полуночи они добрались до королевского заповедника, и Наоми начала жалеть о своем хвастливом заявлении насчет сотни миль. Ей казалось, что она вот-вот упадет.

Деннис шел на снегоступах и перед этим четыре дня отдыхал. И он не бежал за собакой, которая иногда теряла след и возвращалась назад. Ноги у Наоми одеревенели, в боку кололо. Она съела несколько пригоршней снега, но от этого стало только хуже.

Фриски, которая не проваливалась в снег на каждом шагу и не тащила рюкзак, бежала легко. Наоми же и Бен то и дело увязали в снегу по колено, а то и по пояс. Один раз Наоми пришлось ждать, пока Бен ее вытащит.

«Хорошо бы... сани», — прошептала она.

«Да... и еще карету... или носилки», — прошептал он в ответ, ухмыляясь.

«Ха-ха. Как смешно. Из тебя вышел бы отличный клоун, Бен Стаад».

«Заповедник. Там меньше снега».

Наоми вдруг стало стыдно. Она думала только о себе, хотя Бен устал еще сильнее — он тяжелее, и рюкзак у него куда больше.

«Бен, ты как?»

«Отлично, милый ребенок».

«Я тебе не ребенок!»

«Но милый», — он показал ей нос.

«Вот я тебе покажу!»

«Потом, потом. В заповеднике».

В заповеднике, где снега действительно было меньше, они стали бороться, и Бен ее поборол... и она еще больше рассердилась. Но втайне была довольна.

Теперь они стояли на краю леса, где король Роланд когда-то убил дракона, и смотрели на замок, где он сам был убит. Снег падал все сильнее, и скоро все небо наполнили белые хлопья.

Несмотря на усталость, Бен чувствовал радость. Он посмотрел на Наоми и улыбнулся. Она попыталась состроить сердитую гримасу, но в конце концов тоже заулыбалась. Потом показала ему язык.

«Ну и как он попал внутрь?» — спросила она.

«Не знаю, — Бен вырос на ферме и ничего не знал о водостоке. Может, и хорошо для него, скажете вы и будете правы. — Может, твоя чудесная собака нам покажет. Как ты, Фриски?»

Фриски, услышав свое имя, пробежала чуть вперед.

«Подожди, — сказал ей Бен. — Еще рано».

«Если бы она могла говорить, она сказала бы тебе, что боится потерять запах. Снега все больше».

«Еще немного. Деннис был один, а нас трое. И нам нужна темнота».

Несмотря на нетерпение Фриски, Бен заставил их ждать пятнадцать минут. Снег тем временем заволок пеленой лес, поле, замок, засыпал светлые волосы Бена и темные — Наоми.

«Ладно, — сказал Бен тихо. — Пошли!»

Они пересекли поле вслед за Фриски. Теперь лайка шла медленно, все время нюхая снег, чтобы уловить тускнеющий синий запах.

«Мы слишком долго ждали», — сказала Наоми сзади.

Бен промолчал. Он знал, что она права, и это знание грызло его.

Впереди сквозь снег вырисовывалась темная масса — стена замка. Наоми вырвалась вперед, но Бен удержал ее.

«Впереди ров, не забывай. Ты можешь упасть на лед и сломать но...»

Глаза Наоми заблестели тревогой:

«Фриски! Эй, Фриски! Стой!»

Но Фриски уже остановилась у края рва и смотрела на Хозяйку, виляя хвостом. Ее глаза будто спрашивали: *«Ну что? Правда, я молодец?»*

Наоми со смехом обняла собаку.

«Тише! — предупредил Бен. — Думаешь, мы у тебя во дворе? Что если стража услышит?»

«Если и услышат, то подумают, что это снежные призраки и убегут с воплями», — но она все же перешла на шепот.

Бен погладил Фриски по голове. Действительно, из-за снега они чувствовали себя куда спокойнее, чем Деннис,

который за день до того снимал на этом же месте снеготупы. Теперь Фриски их нашла.

«А что дальше, Фриски? — спросил Бен. — Он что, перелетел стену на крыльях? Тогда где он их взял?»

Словно отвечая, Фриски побежала вперед, вниз по откосу, прямо ко рву.

«Фриски!» — тихо, встревоженно позвала Наоми. Фриски уже стояла на льду, призывно глядя на них. Она не лаяла, но они понимали, что она хочет сказать: надо спешить, пока след не исчез совсем.

Наоми вопросительно взглянула на Бена.

«Да. Да, конечно. Пошли. Только придерживай ее. Здесь опасно».

Он взял Наоми за руку, и они съехали ко рву.

Фриски провела их по льду к самой стене, зарываясь носом в снег. Запах уже приходилось буквально *выкапывать* — к нему примешивались сильные и неприятные запахи воды, мусора, грязи.

Деннис знал, что ближе к трубе лед подтаял и может треснуть, а если бы и не знал, то мог бы разглядеть проталину. Но Бен, Наоми и Фриски ничего не видели за стеной падающего снега.

Фриски услышала треск льда... но запах был слишком сильным, чтобы отступить. Раздался более громкий треск, потом — плеск воды.

«Фриски! Фри...»

Бен зажал ей рот рукой. Она боролась, пытаясь вырваться и броситься на помощь собаке.

Но лайка, конечно же, умела плавать. Она подплыла к самой стене, учуяла запах и вернулась к Наоми и Бену сообщить им это. Она попыталась выбраться на лед, но лед треснул. Наоми вскрикнула.

«Тише, не то к утру мы будем в темнице, — прошептал Бен. — Лучше держи меня».

Он распластался на льду, слыша, как ледяная корка вздрагивает под его весом. Если лед не выдержит...

Но он уже держал Фриски за передние лапы. Потом перехватил под грудь. Потянул к себе.

«Иди сюда, девочка!»

На какой-то миг Бену показалось, что сейчас лед провалится под их соединенным весом, и все они окажутся в воде. В детстве, летом, он не раз переплывал ров со своим другом Питером, и тогда это казалось игрой. Тогда он не думал, что в одну снежную ночь он может утонуть в этом рву.

«Тяни! — пропыхтел он. — Твоя чертова псина весит целую тонну».

«Не говори так о ней, Бен Стаад».

Бен стиснул зубы от напряжения:

«Прошу прощения. Тяни скорее, не то мне придется принять ванну».

Как-то она вытянула, хотя Бен вместе с Фриски весили раза в три больше ее самой. Тело Бена, как плуг, вырыло борозду в снегу.

Через бесконечно долгое время — на самом деле прошли секунды, — Фриски выбралась на лед и начала отряхиваться. Грязная вода брызнула Бену прямо в лицо.

«Фу! Вот спасибо, Фриски!»

Но Фриски уже нюхала воздух. Запах был здесь, но не впереди, а *вверху*. Где-то в темноте.

Бен встал на ноги, тоже отряхиваясь.

«Прости, что я закричала, — Наоми встала рядом. — Если бы это была не Фриски, а другая собака... Думаешь, они слышали?»

«Если бы слышали, мы бы здесь не стояли, — прошептал в ответ Бен. — Черт, едва не провалились», — теперь они видели полосу открытой воды под самой стеной.

«Что будем делать?»

«Идти нельзя, это ясно. Но как же он прошел? Ведь не умел же он летать».

«Если...»

Но Наоми не закончила, потому что Фриски взяла дело в собственные лапы. Охотник и потомок охотников, она просто не могла упустить этот ярко-синий запах. Ее глаза, как я уже говорил, были слабыми, и она не могла разглядеть черную дыру водосброса. Но она чуяла ее и *знала*, что надо делать.

«Это Флегг, — подумал Деннис спросонья. — Флегг нашел меня, и теперь он разорвет мне горло зубами».

Он пытался закричать, но не мог.

Рот прищельца открылся, Деннис увидел белые острые клыки... и потом теплый язык облизал ему лицо.

«Ффу!» — Деннис попытался оттолкнуть непонятное существо, но оно стало лапами ему на плечи и повалило в грудь наперстков, продолжая облизывать.

«Фриски! — позвал кто-то из темноты. — Тише, Фриски! Стоять!»

Пришелец оказался вовсе не Флеггом — это был пес, большой и чрезвычайно похожий на волка. Услышав голос девушки, он сел возле Денниса, улыбаясь и виляя хвостом.

В темноте показались еще две фигуры, и опять это был не Флегг. Значит, стражники. Деннис схватился за нож. Если боги будут милостивы, он убьет их. Если нет — погибнет, служа королю.

«Ну подходите! — Деннис грозно поднял свой ножичек. — Сперва вы, потом ваша чертова собака!»

«Деннис? — голос был знакомым. — Неужели мы правда тебя нашли?»

Деннис остолбенел. Это какая-то ловушка! Но голос...

«Бен? — прошептал он. — Это Бен Стаад?»

«А кто же?»

Радость наполнила сердце Денниса. Он вскочил на ноги, поскорее пряча нож — ему было стыдно. Он не понимал, как Бен оказался здесь. В смятении он запутался в салфетках и упал бы, но руки Бена подхватили его и сжали в объятии.

Они рассказали друг другу о своих приключениях. Большую часть их вы уже знаете, а остаток я изложу вам в двух словах.

Бен и Наоми скоро увидели, куда смотрит Фриски. Еще раз удивившись сообразительности собаки, они пробрались в трубу тем же образом, что и Деннис. Первым прыгнул Бен, потом он втащил в отверстие Фриски и поймал Наоми, которая прыгнула более удачно — не стукнулась головой.

«Хуже всего был запах, — сказала Наоми, удобно устроившись на груде салфеток. — Как ты его выдержал?»

«Я просто все время напоминал себе, что со мной будет, если меня поймают, — объяснил Деннис. — При каждой такой мысли запах казался мне все лучше».

Бен рассмеялся и кивнул.

Фриски лежала на салфетках, положив морду на лапы, и внимательно слушала. Если бы она могла говорить, она сказала бы им, что *такого* плохого запаха она еще не нюхала. Остатки Драконьего Песка еще не выветрились из подземных ходов — тускло-зеленый запах, который пугал Фриски. Она знала, что этот запах убивает. Но запах Денниса тоже был там, и она шла за ним, пока зеленый запах не исчез. Ни разу в жизни она не была так счастлива, потеряв запах.

«Вы никого не встретили?» — спросил Деннис.

«Никого, — ответил Бен. — Несколько раз попадались стражники, но все больше пьяные. У нас было время укрыться от них».

Наоми кивнула:

«Все пьяные. И не в каком-нибудь занюханном баронском замке, а во дворце. В самом дворце!»

Деннис мрачно кивнул, вспомнив встречного им певца:

«Надо радоваться. Если бы стражники были такими, как при Роланде, мы бы уже вместе с Питером сидели в Игле. Но я не радуюсь».

«Если бы я был Томасом, — сказал Бен, — я дрожал бы, только взглянув на север. Если этот сброд — все, что у него осталось».

Деннис потрепал Фриски по голове:

«Шла за мной от самого дома Пейны? Что за умница!»

Фриски завиляла хвостом.

«Деннис! — сказала Наоми. — Ты не мог бы рассказать нам всю историю о том, как Томас ходил во сне?»

Когда он закончил, было уже семь часов. За стенами замка тусклый рассвет еле-еле пробивался сквозь снежную завесу — на Делейн пала самая сильная снежная буря за многие годы. Ветер завывал, как целая армия ведьм, и его было слышно даже из хранилища. Фриски время от времени поднимала голову и тихонько скулила.

«Что теперь нам делать?» — спросил Деннис.

Бен, который вновь и вновь перечитывал краткое послание Питера, сказал:

«До вечера — ничего. Скоро замок проснется, и нам никак не выбраться отсюда незамеченными. Давайте поспим и наберемся сил. А ночью...»

Бен коротко изложил свой план. Наоми улыбалась. Глаза Денниса блестели от возбуждения.

«Да! — воскликнул он. — Бен, ты гений!»

«Ну, не надо так пышно», — сказала Наоми, но сама улыбалась так, что, казалось, голова ее вот-вот разломится пополам. Она нагнулась к Бену и звучно чмокнула его в щеку.

Бен покраснел, как пожарное ведро («мозги закипели», — говорят в таких случаях в Делейне), но не думаю, что ему было неприятно.

«А Фриски нам поможет?» — спросил он. Фриски гавкнула, изъясняя полную готовность.

Они обсуждали план еще довольно долго, пока не почувствовали, что их клонит в сон. Не забывайте, что они целые сутки были на ногах.

«Пора спать», — сказал Бен.

«Ура! — воскликнула Наоми, устраивая себе лежанку рядом с Фриски. — Мои ноги будто...»

Деннис деликатно кашлянул.

«Что такое?» — Бен повернулся к нему.

«Может, у вас есть что-нибудь... поесть?»

«Конечно! Что ты думаешь... — тут Наоми вспомнила, что Деннис покинул дом Пейны шесть дней назад, и по его виду было непохоже, что он за это время много ел. — Ох, Деннис, извини! Мы просто кретины. Когда ты ел в последний раз?»

Деннис сглотнул слюну:

«Не помню. Как следует — дома, неделю назад».

«Что ж ты сразу не сказал?» — воскликнул Бен.

«Слишком рад был вас видеть», — Деннис улыбнулся. При виде их плотных рюкзаков его желудок шумно потребовал дани. Но его мучила одна мысль:

«Надеюсь, репы у вас нет?»

Наоми удивленно подняла брови:

«Репы? У меня нет, а у тебя, Бен?»

«Вроде нет».

Счастливая улыбка появилась на лице Денниса.

«Вот и хорошо», — сказал он.

Об этой буре до сих пор вспоминают в Делейне. К утру выпал слой снега в пять футов толщиной, а ветер смел его в сугробы еще выше. К вечеру ветер превратился в настоящий ураган. У крепостных стен намело столько снега, что он закрыл не только первый и второй этажи, но и третий.

Может быть вы решите, что такая погода благоприятствовала бегству Питера. Но при подобном ветре очень трудно даже просто идти — не то что спускаться на тонкой веревке с высоты триста футов. К тому же ветер гигантской щеткой смел с площади весь снег, оставив голые камни, казалось, только и ждущие, когда Питер упадет на них.

Да и веревка Питера была очень ненадежной. Да, она держала его во время опыта в камере, но была еще одна вещь, касающаяся перегрузки, о которой Иосиф не сказал Питеру в свое время — чем веревка длиннее, тем скорее она рвется.

Его веревка была очень длинной. И очень тонкой.

В тот день случилось много несчастий и много героических поступков — одни удачные, другие безуспешные. Некоторые фермы сдуло ветром, как дома глупых поросят, сдутые жадным волчьим дыханием. Их жители частью бежали под защиту стен замка, связавшись вместе, чтобы не потеряться, другие заблудились в полях, и их замерзшие, изъеденные волками трупы нашли только весной.

Но к семи вечера ветер немного стих. В замке рано легли спать — при невозможности выйти наружу, особых дел не было. Один за другим гасли огни. Часовой на башне кричал изо всех сил, но ветер заглушал его. Обитатели замка могли услышать его только в десять, но в это время большинство их уже спали.

Спал и Томас, но беспокойно. Рядом не было Денниса, чтобы успокаивать его, Деннис все еще болел. Томас не один раз хотел послать пажа его проведать (или даже сходить сам, все же он любил Денниса), но все что-то отвлекало. Бумаги... прошения... и, конечно, вино. Томас надеялся, что придет Флегт и принесет его снотворное, но со времени неудачного похода на север чародей вел себя странно — будто ему что-то не нравилось, но он не знал, что именно.

Как всегда, вой ветра напомнил Томасу ночь, когда умер его отец, и он боялся, что не сможет уснуть... А если и сможет, его разбудят кошмары, в которых отец будет, исчезая в пламени, проклинать его. Поэтому Томас провел большую часть дня за любимым занятием, и если я вам скажу, сколько бутылок вина он выпил, вы не поверите.

Лежа на диване, Томас думал: *«Голова раскалывается, живот болит... Нет, быть королем хуже всего»*.

С такими мыслями он и заснул.

Проспал он не больше часа... потом встал и пошел. Похожий на привидение в своей ночной рубашке, он прошел по коридору. В ту ночь его снова увидела служанка со стопкой белья, и он показался ей так похожим на старого короля Роланда, что она с криками убежала.

Он шел все дальше, пока не дошел до потайного хода. Открыл дверь, вошел, отодвинул панели, закрывавшие стеклянные глаза Нинера, и взглянул в комнату своего мертвого отца невидящими сонными глазами. Там мы и оставим его на время, с пятнами вина на рубашке и со слезами, текущими по щекам.

Он был иногда жестоким, часто грустным и всегда слабым... но даже при всем при том он не был плохим. Я пойму вас, если вы ненавидите его за то, что он делал, и что делали его именем, но я не удивлюсь, и если вы пожалеете его.

Без четверти одиннадцати той знаменательной ночи буря испустила свой последний вздох. Холодный вихрь пронесся над городом и смахнул с неба тучи, открыв мертвый глаз луны.

В конце Третьей Восточной улицы с незапамятных времен стояла приземистая каменная башня — Церковь всех богов, давно уже заброшенная. Хоть и гораздо ниже Иглы, она возвышалась над окрестными домами и приняла на себя весь удар ветра. Тридцать футов камня просто сдуло, как шляпу с прохожего. Раздался чудовищный грохот.

Но вой урагана заглушил все. Большинство обитателей замка только перевернулись во сне на другой бок и очень удивились утром, увидев засыпанные снегом развалины. Но некоторые слышали, как упала башня... и все они вам знакомы.

Бен, Деннис и Наоми, которые готовились осуществить свой план, услышали шум из хранилища салфеток и переглянулись.

«Не обращайтесь внимание, — сказал Бен. — Что бы это ни было, для нас оно неважно».

Бесон и его подручные, все пьяные, не слышали, как обрушилась Церковь Великих Богов, но это слышал Питер. Он сидел на полу спальни, тщательно прощупывая свою веревку и выискивая в ней слабые места. Он поднял голову и подскочил к окну, но упавшая башня находилась на другой стороне Иглы, и через некоторое время он вернулся к веревке. Полночь близилась, и он, как и Бен, решил: что бы это ни было, это неважно.

Глубоко в потайном ходу шум услышал Томас и проснулся. Он тряхнул головой, вслушался в лай собак внизу и с ужасом понял, где он находится.

И еще один человек, глубоко под замком, услышал грохот падения башни сквозь тревожный сон.

«Кошмар!» — вскрикнула одна голова попугая. «Пожар! Потоп!» — поддержала ее вторая.

Флегг проснулся. Я уже говорил, что иногда зло бывает странно незрячим и спит, когда нужно действовать.

Но теперь Флегг проснулся.

Флегг вернулся из похода на север больной и сильно встревоженный.

«Что-то не так. Что-то не так». Казалось, это шептали даже камни замка... но Флегг не знал, в чем дело. Он только чувствовал, что это «что-то не так» может ему дорого обойтись.

Он искал мятежников, но не нашел. Его одурачили — это всегда приводило его в бешенство. Что еще? Он не знал. Ему снились кошмары, будто маленький злой зверек забрался ему в мозг и грыз, напоминая о чем-то важном, что он забыл. У Флегга были лекарства от его болезни, но от этого зверька он избавиться не мог.

Что же может быть не так?

Он вновь и вновь задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Много столетий мир и порядок в Делейне приводили его в бешенство и он делал все, чтобы разрушить их, как ураган разрушил Церковь Всех Богов. Но всегда ему кто-то мешал — то Кайла Добрая, то Саша, то еще кто-нибудь. Только теперь он избавился от препятствий. Томас послушно делал все, что он велел, и без конца увеличивал налоги.

Перегрузка, о которой Иосиф говорил Питеру, бывает не только у цепей, но и у людей, и фермеры Делейна испытали это на себе. Флегг знал, что скоро налоги порвут цепь законопослушности, и неповоротливый бык — народ Делейна — помчится, сметая все на своем пути. Помешать этому не мог никто. Пейна в изгнании, Питер в Игле.

Что же не так?

Ничего!

Но зверек вновь и вновь грыз его мозг. Не раз за последние дни он просыпался в холодном поту, пытаясь вспомнить, что его разбудило, и не мог. Но он все время просыпался, схватившись рукой за левый глаз, будто что-то ужалило его туда.

В эту ночь Флегг тоже проснулся с мыслью о том, что что-то не так, но разбудил его не страшный сон. Мы уже знаем, что это упала Церковь Всех Богов.

Флегг с криком открыл глаза. Пот тек по его мертвенно-бледным щекам.

«Кошмарр!» — крикнула одна голова попугая.

«Пожарр! Потоп!» — подхватила другая.

Флегг взглянул на руки и увидел, что они дрожат.

В бешенстве он вскочил с кресла, в котором спал.

«Он хочет сбежать, — пробормотал он, вцепившись руками в волосы. — Вот в чем дело. Но как? *Как?* Кто ему помогает? Они все поплотятся головой, и не на плахе, клянусь в этом! Нет, я буду убивать их медленно... дюйм за дюймом... пока они не сойдут с ума...»

«Смер-р-рть!» — вскрикнули обе головы попугая.

«Заткнитесь и дайте подумать!» — рявкнул на них Флегг. Он схватил склянку с бурой жидкостью и запустил ею в клетку. Склянка разбилась о прутья, ее содержимое вспыхнуло холодным светом. Попугай в ужасе завопил и без сознания свалился на пол клетки.

Флегг начал ходить из угла в угол. Его руки безостановочно сжимались и разжимались, туфли высекали из каменного пола зеленоватые шипящие искры.

Как? Когда? Кто ему помогает?

Он не знал. Но...

«Я узнаю! — прошептал он. — Узнаю!»

Потому что это случится скоро: он чувствовал это. Очень, очень скоро.

Он открыл ключом нижний ящик стола и достал оттуда коробочку из слоновой кости. Оттуда, в свою очередь, он извлек кожаный мешочек, а из мешочка — молочно-белый камень, сразу же засветившийся призрачным светом. Это был волшебный кристалл Флегга.

Он обошел комнату, задувая свечи. В темноте он легко нашел дорогу обратно к столу, хотя мы с вами наверняка что-нибудь разбили бы или опрокинули. Королевский чародей любил темноту и видел в ней, как кошка.

Он взял кристалл в руки, чувствуя, как тот нагревается и играет своими гранями.

«Покажи мне Питера, — прошептал он. — Я приказываю. Покажи, что этот щенок замышляет».

Свет разгорался ярче... ярче. Тонкие губы Флегга приоткрылись, обнажая зубы. Он склонился над кристаллом. Питер, Бен, Деннис, Наоми — все они тотчас узнали бы свой сон и узнали бы сияние, осветившее лицо Чародея.

Свет почти померк, и теперь Флегг видел что-то в сердцевине кристалла. Глаза его замерли... потом расширились в гневном изумлении.

Там была Саша, беременная, сидящая на постели маленького мальчика и показывающая ему доску с перевернутыми словами «бог» и «пес».

Флегг в нетерпении замахал руками:

«Покажи то, что я прошу! Быстрее!»

Кристалл опять вспыхнул.

Там был Питер, играющий с кукольным домом своей матери, воображая, что сражается с пиратами или с драконами. В углу стоял король, с улыбкой глядя на сына.

«Тьфу! — крикнул Флегг. — Что ты показываешь мне все это старье? Мне нужно знать, как он собирается бежать и когда! Покажи мне это! Я приказываю!»

Кристалл делался все горячее. Если его скоро не погасить, он может взорваться, и найти новый будет не так легко. Но Флегг, казалось, забыл об этом.

«Я приказываю!» — повторил он, и в молочной глубине кристалла опять засветилась какая-то картинка. Флегг вглядывался в нее так, что стало больно глазам.

Это был Питер. Питер медленно спускался вдоль стены Иглы, несомненно, с помощью какой-то магии, потому что никакой веревки не было.

Или... все же была?

Флегг склонился еще ниже, разгоняя рукой жар, и увидел что-то похожее на паутину... очень тонкое... но все же оно держало.

«Питер», — выдохнул Флегг, и при этом звуке маленькая фигурка вскинула голову.

Он дунул на кристалл. Сияние погасло, и он остался в темноте.

Питер. Бежит. Когда же? На картинке была ночь, и Флегг видел падающие хлопья снега. Была ли это нынешняя ночь? Или следующая? Или...

Флегг вскочил, оглядывая свою темную комнату.

...или это уже случилось?

«Хватит, — выдохнул он. — Клянусь всеми богами, живыми и мертвыми, с меня хватит!»

Он снял со стены висевший там тяжелый топор. Он хорошо знал это оружие — еще с тех пор, как жил здесь под именем Билла Хинча, самого страшного палача в истории Делейна. Лезвие этого топора прогулялось не по одной сотне шей. Над лезвием, выкованным из лучшей андуанской стали двойной закалки, — железный шар с отравленными шипами.

«Хватит!» — завопил Флегг в приступе гнева. Услышав вопль, попугай, лежавший без сознания, дернулся на полу клетки.

Флегг накинул плащ, висевший на крюке у двери, и застегнул его пряжкой в виде серебряного скарабея.

Хватит. Он не позволит какому-то мальчишке расстроить свои планы. Все, кто сопротивлялся ему, мертвы. Пора добавить к ним еще одного принца.

«Если ты еще не сбежал, мой дорогой, то уже не сбежишь. Сбежит только одна твоя часть — та, которую я вынесу из Иглы за волосы».

И при этой мысли, направляясь к лестнице, Флегг начал смеяться... этот звук мог бы напугать даже каменную статую.

Интуиция не подвела Флегга. Питер уже закончил осмотр веревки, но еще был в камере, выжидал, когда часовой прокричит полночь, когда чародей выскочил из ворот замка и быстрым шагом направился к Игле. Церковь Всех Богов рухнула в четверть двенадцатого, без четверти двенадцатого кристалл показал Флеггу то, что тот требовал (и, я думаю, вы понимаете, что два предыдущих раза он тоже показывал правду, только другим путем), и сейчас до полуночи оставалось еще минут восемь.

Ворота темницы находились к северо-востоку от Иглы, а на юго-западе располагался вход в замок, называемый Торговой дверью. Через нее обычно доставляли продукты и другие товары.

Сейчас из этой двери осторожно вышли Бен, Наоми, Деннис и Фриски. Они с Флеггом приближались к Игле с противоположных сторон и, без сомнения, слышали бы звук шагов друг друга, не будь они (включая Фриски) так погружены в собственные раздумья.

Бен и его друзья достигли Иглы первыми.

«Ну...» — начал Бен, и в этот момент с другой стороны Флегг принялся колотить в запертые ворота башни.

«Откройте!» — кричал он. — *Откройте именем короля!»*

«Что...» — пытался сказать Деннис, но Наоми быстро зажала ему рот рукой.

Голос еле слышно донесся до Питера в холодном воздухе, но слова он сумел разобрать.

«Откройте именем короля!» — требовал голос.

«Это значит: откройте именем ада», — подумал Питер.

Храбрый мальчик превратился в храброго мужчину, но и ему стало не по себе,* когда он услышал этот голос и вспомнил узкое белое лицо и красноватый отблеск глаз, всегда скрытых под капюшоном. Во рту у Питера мгновенно пересохло; волосы встали дыбом. Некоторые из вас, быть может, не поверят, что Питер мог так испугаться, но он испугался. Сильнее, чем когда бы то ни было.

Это Флегг, и он пришел за мной.

Питер встал и едва не упал — ноги его не слушались.

Злой рок стучался в двери его тюрьмы.

«Откройте! Поднимайтесь, пьяные твари! Эй, Бесон, сын шлюхи!»

«Не спеши, — сказал себе Питер. — Если ты поспешишь, то только поможешь ему. Ему нескоро откроют. Бесон, должно быть пьян. Ключа у него нет, иначе он не тратил бы время на стук. А когда он войдет, ему придется подниматься триста ступеней. Ты можешь еще успеть».

Он пошел в спальню и вытащил грубые железные скобы, скрепляющие его кровать. Потом взял один из прутьев кроватной спинки и пошел с ним в «гостиную». Он давно измерил прут и выяснил, что он шире оконной рамы и достаточно крепок — во всяком случае, в середине.

«Если он не выдержит, — подумал он, — это будет самая горькая шутка в моей жизни».

Он посмотрел вниз. Сейчас там никого не было, но до того, как подошел Флегг, он успел мельком увидеть на краю площади три фигуры. Значит, Деннис привел друзей. Был ли одним из них Бен? Он не знал. Питер мог только надеяться на это. Еще ему показалось, что они везли какую-то тележку. Думать об этом сейчас не было времени.

«Эй, собаки! Откройте! Откройте именем короля! Именем ФЛЕГГА! Откройте...»

В тишине ночи Питер услышал скрежет отпираемой двери.

Потом — страшный, захлебывающийся крик.

Несчастный стражник, отперший в конце концов дверь Флеггу, прожил после этого не больше четырех секунд. Он еще успел увидеть кошмарное белое лицо, красные волчьи глаза и черный капюшон. Потом топор Флегга раскроил его голову пополам.

«Следующий раз, когда кто-нибудь потребует открыть именем короля, ты будешь порасторопнее!» — прорычал Флегг. Дико хохоча, он перешагнул через труп и направился к лестнице. Он знал, что пленник не успел бежать.

Он чувствовал это.

В конце коридора лежала дверь в зал, где некогда вершил суд Андерс Пейна. Рядом начинались ступеньки. Он посмотрел вверх, усмехаясь своей волчьей ухмылкой.

«Я иду, Питер! — крикнул он радостно. Его голос, отражаясь от стен, поплыл вверх, туда, где Питер торопливо, привязывал веревку к железному пруту. — Я иду, мой дорогой, чтобы сделать то, что давно хотел!».

Усмешка Флегга стала еще шире. Он выглядел ужасно — как демон, поднявшийся из неведомой бездны. Он поднял топор, кровь убитого стражника капала ему на лицо и стекала по щекам, как слезы.

«Я иду за твоей головой, мой принц!» — крикнул он, начиная подниматься.

Одна ступенька. Три. Шесть. Десять.

У Питера дрожали руки. Узел, который он завязывал уже тысячу раз, теперь никак не хотел завязываться.

Не позволяй ему тебя запугать.

Но он боялся. Томас удивился бы, узнав, что Питер тоже всегда боялся Флегга, просто он лучше это скрывал.

*Если он хочет тебя убить, пусть сделает это сам!
Не помогай ему!*

Мысль прозвучала у него в голове, но голос, произнесший ее, был похож на голос его матери. Питер начал завязывать узел еще раз.

«Я буду хранить твою голову тысячу лет! — кричал Флегг, поднимаясь все выше и выше. — О, какой это будет чудный трофей!»

Тридцать ступенек. Сорок. Пятьдесят.

Его шаги высекали из ступенек зеленые искры. Глаза сверкали красным пламенем.

«Я иду, Питер!»

Семьдесят.

Если вы среди ночи когда-нибудь просыпались в незнакомом месте, вы должны знать, что это само по себе довольно страшно; а теперь представьте, что вы проснулись в потайном ходу и смотрите через окошечки на комнату, где убили вашего родного отца!

Томас закричал. Никто его не услышал, даже собаки внизу — они ведь были старые и глухие.

В Делейне были свои идеи относительно хождения во сне, такие же странные, как и в других местах. Там считали, что если лунатик проснется не там, откуда он вышел, то он непременно сойдет с ума.

Томас, конечно, слышал эти толки и теперь мог их опровергнуть. Он испугался, но с ума не сошел. Более того — он чувствовал себя лучше, чем до того, как лег спать. Когда первый страх прошел, он заглянул в смотровые дырочки. Вам это может показаться странным, но вспомните, что он ни разу со времени смерти отца не был здесь наяву, а до этого не раз получал удовольствие от подглядывания, хоть и подпорченное чувством вины.

Комната, которую он видел, не изменилась. Тут были головы зверей — лось Рогач, рысь Крэйкер, белый медведь Бонси. И дракон Нинер, которого он не видел рядом с королевским луком и стрелой Гроза Врагов.

Рогач. Крэйкер. Бонси. Нинер.

«Я помню все их имена, — подумал Томас. — И помню тебя, отец. Я хочу, чтобы ты был жив, а Питер свободен. Хочу спать по ночам и не мучиться больше».

Мебель покрывал слой пыли, очаг давно остыл, но там лежали дрова. Достаточно было чиркнуть спичкой. Даже халат отца по-прежнему висел на спинке кресла.

Внезапно Томас испытал странное желание: ему захотелось войти в эту комнату. Зажечь огонь. Накинуть на плечи халат отца. Выпить любимого отцовского меда из стоящего в углу бочонка — пусть даже он испортился. Он думал... думал, что это может помочь ему уснуть.

Усталая улыбка появилась на его губах. Он решил сделать это. Он не боялся даже духа отца. Он уже давно хотел ему что-то сказать.

Сказать, что он жалеет.

«Я иду, Питер! — кричал Флегг. Топор взлетал и опускался над его головой; последние капли крови с него брызнули на стены. — *Иду за твоей головой!*».

Выше и выше.

Сто. Сто сорок.

«Быстрее!» — прошептал Бен Стаад Деннису и Наоми. Опять холодало, но они, все трое, вспотели — частью от напряжения, но больше от страха. Они слышали крики Флегга. Даже храбрая Фриски поскуливала и поджимала хвост при каждом вопле сверху.

«Я иду, щенок!»

Уже ближе.

«Иду сделать то, что давно хотел сделать!». Лезвие топора взлетало и опускалось.

На этот раз узел удержался.

«Помоги мне Бог», — подумал Питер, в последний раз оглядываясь на дверь, за которой слышался приближающийся голос Флегга.

Он спустил ногу из окна и сидел теперь на подоконнике, как на спине Пеони. Он бросил веревку вниз, смотря, как она падает. Не раз он был вынужден трясти ее, чтобы распутать.

Потом, в последний раз помолившись, он прижал железный прут к окну и, держась за него, спустил вниз вторую ногу. Изогнувшись, он левой рукой ухватился за веревку. Теперь правой. Прут выдержал. Теперь жизнь его целиком зависела от веревки, сплетенной из ниток. Он начал спускаться.

«Я иду...»

Двести.

«...за твоей головой...»

Двести пятьдесят.

«...мой принц!»

Двести восемьдесят.

Бен, Деннис и Наоми увидели Питера — темную фигуру на фоне стены, высоко, выше, чем осмелился бы забраться самый храбрый акrobat.

«Быстрее, — простонал Бен. — *Ради его жизни!*»

Они быстро опустошили тележку... но ничего больше сделать не могли.

Флегг поднимался. Капюшон упал с его головы; длинные темные волосы стояли дыбом.

Уже скоро.

Ветер теперь был не сильным, но очень холодным. Он студил лицо Питера и его голые руки. Питер спускался медленно, очень осторожно. Перед его глазами уплывали вверх каменные блоки стены — скоро ему стало казаться, что он стоит на месте, а движется сама Игла. Дыхание стало хриплым. Руки немели; он уже почти не чувствовал веревку.

Сколько еще?

Он не решался поглядеть вниз.

Вверху стали рваться отдельные нитки, аккуратно сотканые им когда-то. Он не видел этого, и это было хорошо.

«Быстрее, король Питер!» — прошептал Деннис. Они только что закончили опорожнять тележку. Питер спустился на половину веревки.

«Он так высоко! — простонала Наоми. — Если он упадет...»

«Если упадет, то разобьется», — подвел итог Бен, и они подавленно замолчали.

Флегг достиг вершины лестницы и побежал по коридору, по-прежнему усмехаясь. Пот заливал его лицо.

Он отложил топор и открыл первый засов на двери Питера. Потом второй... потом остановился. Вдруг птичка не пытается упорхнуть, а ждет его за дверью с чем-нибудь увесистым в руках?

Но когда он заглянул в глазок, он сразу понял все и зарычал в гневе.

«Не так-то это легко, моя птичка! Посмотрим, как ты полетишь, когда я обрежу твою веревку!»

Он открыл третий засов, ворвался в камеру и бросился к окну. Улыбка вернулась на его лицо. Он решил пока не обрезать веревку.

Питер спускался. Все мускулы у него одеревенели; ужасно хотелось пить. Ему казалось, что он висит на этой веревке целую вечность, что все напрасно, и он скоро умрет — не разобьется, а умрет от жажды.

Он по-прежнему не смотрел вниз, но испытал странную потребность взглянуть вверх. Он поднял голову. Там, с высоты двести футов, на него скалилось белое лицо Флегга.

«Привет, моя птичка! — весело крикнул Флегг. — У меня топор, но, думаю, он мне не понадобится. Я его отложил, видишь?» — он показал пустые руки.

Вся сила, казалось, разом ушла из рук и ног Питера при виде этого ненавистного лица. Он уже не ощущал веревку — только видел, как она тянется из его кулаков.

Теперь он поглядел вниз... и увидел три бледных, запрокинутых лица, очень маленьких. Он все еще был не в двадцати, не в сорока, а в *ста* футах над каменной мостовой, на высоте четвертого этажа.

Он не мог больше спускаться, а просто висел на веревке. Снег тихо падал на его лицо. Вверху Флегг начал смеяться.

«Почему он остановился? — закричала Наоми, вцепившись в руку Бена. Она смотрела на силуэт Питера, медленно раскачивающийся, как тело повешенного. — Что с ним?»

«Не знаю».

Наверху смех Флегга внезапно оборвался.

«Кто здесь? — его голос был как гром. — Отвечайте, если вам дорога жизнь! *Кто здесь?*»

Фриски заскулила и спряталась за Наоми.

«О боже! — воскликнул Деннис. — Что нам делать, Бен?»

«Ждать, — мрачно сказал Бен. — А если он спустится драться. Подождем, что будет дальше. Мы...»

Но долго ждать им не пришлось. Все решилось в несколько секунд.

Флегт увидел тонкость и белизну веревки Питера и мгновенно понял все — и про салфетки, и про кукольный домик. Питер чуть не обвел его вокруг пальца. Но он увидел и еще кое-что. Торчащие концы веревок футах в пятнадцати от верхнего конца.

Он мог повернуть железный прут, чтобы он полетел вниз и разбил Питеру голову. Мог перерубить веревку топором. Но он предпочел дать событиям идти своим чередом... пока не услышал голоса внизу.

Но тут веревка лопнула, как туго натянутая струна.

«Прощай, птичка! — крикнул Флегт, высываясь в окно, чтобы получше разглядеть падение Питера. — Про...»

Потом он замолчал, и глаза его расширились, как тогда, когда он заглядывал в кристалл. Он закричал в гнев, и этот крик разбудил больше народу в городе, чем падение Церкви Всех Богов.

Питер услышал хлопающий звук и почувствовал, что летит вниз.

Холодный ветер ударил в лицо. Он еще успел пожелать, чтобы он умер сразу. Если этого не случится, боль будет ужасной.

Потом Питер упал в груды королевских салфеток, которые Фриски вывезла на тележке из Торговой двери замка. Размер этой груды, похожей на стог белого сена, так никогда и не узнали точно — мнения Бена, Наоми и Денниса на этот счет расходились. Вернее всего было бы спросить Питера; ведь именно он упал в самую середину этой белой пахучей кучи, и ему показалось, что в высоту она не меньше двадцати футов.

Может, он был и прав.

Как я сказал, он упал прямо в середину и лежал в образовавшемся кратере, не двигаясь. Вверху вопил Флегг, и Бен подумал: *«Зря кричишь, чародей. Он умер, несмотря на все наши старания».*

Но тут Питер сел. Он выглядел растерянным, но живым. Не обращая внимания на Флегга и на то, что в любую минуту могли подоспеть стражники, Бен Стаад в восторге закричал. Он схватил Наоми в охапку и поцеловал.

«Ура-а-а! — присоединился к ним Деннис. — Ура королю!».

Потом сверху опять закричал Флегг. Этот крик мигом остановил все «ура» и поцелуи.

«Вы заплатите головами! — кричал Флегг, обезумев от гнева. — Вы все! Стражники, к Игле! К Игле! Цареубийца сбежал! Убейте его! Убейте его шайку! Скорее к Игле!»

В замке, окружающем площадь со всех четырех сторон, начали зажигаться окна... слышался топот бегущих ног и лязг металла.

«Убейте принца! — продолжал бушевать Флегг. — Убейте их ВСЕХ!».

Питер пытался встать и упал. Часть его говорила, что он немедленно должен встать и бежать, иначе они погибнут... но другая часть убеждала, что он уже мертв, и все это — только видение. Ведь он свалился прямо на салфетки, те самые, о которых он столько думал последние пять лет. Как может это не быть видением?

Сильная рука Бена сжала его руку, и он понял, что все реально, все на самом деле.

«Питер, ты в порядке?»

«Почти, — сказал Питер. — Надо уходить».

«*Мой король!* — Деннис упал на колени, продолжая улыбаться во весь рот. — Клянусь в вечной вере...»

«Потом, — Питер тоже улыбнулся. Теперь Бену пришлось поднимать Денниса. — Сперва нужно удрать отсюда».

«Куда? — спросил Бен. Все они знали, что Флегг уже торопится вниз. — Они со всех сторон, судя по звуку».

По правде говоря, Бен думал, что, куда бы они ни пошли, им придется сражаться — и погибнуть. Но Питер твердо знал, куда нужно идти.

«К Западным воротам, — сказал он, — и быстрее. Бегом!».

И они побежали.

Ярдах в пятидесяти от Западных ворот им преградил путь отряд из семи заспанных гвардейцев. Их только что вырвали из теплой караулки, где они пили мед и рассказывали друг другу байки. Вел их юнец лет двадцати в скромном звании гошалька (по-нашему, сержант). Но он был трезв и полон решимости.

«Стойте именем короля!» — потребовал он, стараясь говорить грозно. Но я всегда стараюсь говорить правду и должен отметить, что голос у него был писклявый.

Питер, конечно, не имел оружия, но у Бена и Наоми были кинжалы, а у Денниса — его ржавый ножик. Все они тут же заслонили принца собой.

«Стоп! — вот у Питера голос был грозным. — Спрячь-те оружие!».

Бен недоуменно взглянул на Питера.

Принц вышел вперед. Ветер чуть разведал его отросшую бороду. Он был одет в грубое платье узника, но вел себя, как истинный король.

«Вы говорите: стойте именем короля? — Питер спокойно подошел к ошарашенному гошальку, пока не оказался с ним лицом к лицу. — А я говорю тебе, гошальк, что король я».

Командир облизал губы и обернулся к своим гвардейцам, ища поддержки.

«Но... ты...»

«Как твое имя?» — тихо спросил Питер.

Гошальк беспомощно раскрывал рот, как рыба, выброшенная на берег.

«Имя?»

«Мой господин... вы... я... — он помялся, потом выпалил. — Меня зовут Гален».

«А кто я, вы знаете?».

«Да, — сказал один из солдат. — Мы знаем тебя, убийца».

«Я не убивал моего отца, — спокойно ответил Питер. — Это сделал королевский чародей. Сейчас он гонится за мной, но скоро я избавлю от него Делейн. А пока дайте мне пройти».

Воцарилось долгое молчание. Гален поднял меч, будто собираясь поразить Питера. Что ж, подумал принц, жизнь — это дар, который могут отобрать в любой момент. Он был готов к этому. Но он ведь король, истинный король, и отвечает за свое королевство... и за своих друзей.

Меч Галена беспомощно опустился.

«Пусть идут, — пробормотал он. — Убийца он или нет, но он королевской крови, и я не могу поднять на него меч».

«У тебя была умная мать, гошальк», — сказал Питер.

«Пусть идут! — поддержал кто-то из гвардейцев. Отсохни моя рука, если я подниму на них оружие. Сдается, что их дело правое».

«Тебя я запомню, — сказал Питер и повернулся к друзьям. — Теперь скорее. Я знаю, что должен сделать, но нам надо спешить».

В этот момент из Иглы вырвался Флегг, подвывая от злости и разочарования.

«Скорее! — крикнул Питер. — К западным воротам!».

Флегг бежал изо всех сил. Теперь он видел, что все его планы готовы рухнуть, и горел решимостью не допустить этого. И он, как и Питер, знал, где все должно кончиться.

Он миновал оцепеневших гвардейцев, не оглянувшись, и они облегченно вздохнули... но он запомнил их всех. Если он победит... *когда* он победит, их головы целый год будут украшать стену замка. А для сопляка-командира он придумает тысячу славных смертей.

Он вбежал под арку Западных ворот и дальше в замок. Заспанные придворные, большинство в ночных рубашках, шарахались от его горящего ненавистью лица. Теперь Флегг выглядел тем, кем он и был в действительности: злым демоном. Он перепрыгнул через перила лестницы (железо его подошв высекало из камней зеленые искры, похожие на глаза рыси) и побежал дальше.

В комнату Роланда.

«Медальон, — напомнил Питер Деннису, пока они бежали. — Он еще у тебя?».

Деннис пошарил рукой за пазухой, нащупал золотое сердечко и кивнул.

«Дай его мне».

Деннис быстро снял с шеи медальон. Питер сжал цепь в кулаке, а сердце оставил колыхаться на бегу, бросая красно-золотой отблеск на мрачные стены.

«Быстрее!».

Впереди уже виднелась дверь в покои старого короля. Здесь Питер видел его в последний раз: старика, благодарного сыну за бокал вина и несколько минут беседы.

Когда-то его отец был полным сил и даже убил дракона стрелой Гроза Врагов.

«Теперь, — подумал Питер с кровью, бешено колотящейся в висках, — я должен этой же стрелой убить другого дракона, куда более страшного».

Томас разжег огонь, надел отцовский халат и придвинул кресло ближе к очагу. Он чувствовал, что скоро заснет, и был рад этому. Но пока он сидел там и смотрел на мертвые звериные головы — они тоже смотрели на него стеклянными глазами — до него дошло, что он хочет сделать еще две вещи, о которых не осмеливался и подумать, пока отец был жив. Но отца больше не было, поэтому Томас пододвинул к стене кресло и снял оттуда лук отца и стрелу Гроза Врагов. На миг он взглянул в зеленовато-желтые глаза дракона, в которые так часто смотрел с другой стороны. Теперь он увидел в них только собственное лицо, бледное, как у узника, глядящего из-за решетки.

Хотя все в комнате было холодным — огонь еще не успел согреть воздух — стрела показалась ему странно теплой. Он смутно помнил древнее поверье о том, что оружие, убившее дракона, навсегда сохраняет его жар. «Похоже, это в самом деле так», — сонно подумал Томас. Но тепло стрелы не пугало его, а, напротив, успокаивало. Томас задремал в кресле с луком в одной руке и стрелой в другой, не зная, что именно в эту минуту сюда, к нему спешит Питер, а за ним по пятам гонится Флегг, его главный советник и злой гений.

Томас не удивился тому, что застал дверь комнаты отца незапертой, и Питер тоже — в прежние времена ее никогда не запирали.

Питер влетел в комнату вместе с остальными. Фриски бешено лаяла, шерсть ее стояла дыбом. Она понимала, что происходит. Кто-то гонится за ними; кто-то, пахнувший смертью, как тот газ, что убивает шахтеров в рудниках Восточного бароната. Фриски готова была драться с носителем этого запаха, но, если бы ее спросили, сказала бы, что это не человек. За ними гнался монстр, некое чудовищное Оно.

«Питер, что...» — начал Бен, но Питер не слушал его. Он пролетел через комнату прямо к голове Нинера и потянулся к луку и стреле, всегда висевшими там.

Их не было.

Деннис, вбежавший последним, запер дверь на засов. Теперь она содрогалась под тяжелыми ударами.

Питер растерянно оглянулся. Деннис и Наоми сжались в ожидании неотвратимого. Фриски скулила, прижавшись к ногам хозяйки.

«*Пустите!* — прорычал Флегг. — *Откройте дверь!*»

«Питер!» — Бен обнажил кинжал.

«Отойди! — крикнул ему Питер. Все отойдите, если вам дорога жизнь!».

Кулак Флегга, светящийся теперь синим огнем, опять обрушился на дверь. Засовы лопнули одновременно со звуком пушечного выстрела. Через треснувшее дерево брызнул сноп синих лучей. Изуродованная дверь постояла еще секунду и с грохотом рухнула внутрь.

Флегг стоял на пороге. Его капюшон упал, открыв восковое лицо. Глаза горели. Зубы были оскалены.

В руке он сжимал тяжелые топор палача.

Он постоял еще немного и вошел в комнату. Слева он увидел Денниса, справа — Бена и Наоми с прижавшейся к их ногам Фриски. Его глаза ощупали их, запоминая, и остановились на Питере.

«Ты не умер, — медленно проговорил он. — Ты думаешь, твой Бог добр. Но это мои Боги сберегли тебя ...для меня. Теперь молись, чтобы твой Бог убил тебя сейчас, прежде чем я доберусь до тебя. Это будет много хуже, поверь мне».

Питер стоял между Флеггом и креслом отца, где сидел никому не видимый Томас. Он без страха встретил адский взор чародея. На мгновение Флегг, казалось, был озадачен, потом снова усмехнулся своей звериной ухмылкой:

«Ты и твои друзья доставили мне немало хлопот. Мне давно нужно было покончить с тобой. Но теперь мои хлопоты кончились».

«Я знаю тебя, — сказал Питер. Хотя он был безоружен, он говорил уверенно и бесстрашно. — Думаю, мой отец тоже знал тебя, но он был слаб. Теперь король — я, и я велю тебе, демон...»

Он выпрямился в полный рост, глаза его метали искры. В эту минуту он выглядел королем до кончиков ногтей.

«Изыди отсюда. Оставь Делейн в покое навсегда.

Ты лишний здесь. Изыди, проклятый!».

Последние слова Питер произнес голосом, куда более громким, чем его собственный — голосом всех королей и королев Делейна, правивших с тех времен, когда город был горсткой глиняных хижин, жители которых дрожали в страхе, слыша по ночам вой волков и хохот троллей, доносившийся из Великого Древнего Леса.

Флегг снова отпрянул... на миг. Потом медленно, очень медленно, двинулся вперед.

«Повелевай теперь на том свете, — прошипел он. — Сейчас твоя голова скатится в очаг, и ты еще учуешь запах

своих паленых волос прежде чем умрешь. Ты сгоришь как сгорел твой отец, которого ты убил».

«Ты его убил», — сказал Питер.

«Я? Ты спятил в Игле, мой мальчик? — Флегг рассмеялся. — Но даже если это так — допустим. Кто в это поверит?».

Питер все еще сжимал в руке цепочку медальона. Теперь он протянул руку вперед, и медальон закачался, отбрасывая блики на стену. Глаза Флегга расширились, и Питер подумал: *«Он узнал! О Господи, он узнал!»*

«Ты убил моего отца и обвинил в этом меня. Ты сделал это не в первый раз. Когда Левен Валера встал на твоём пути, его жена умерла... и все указывало на его вину. Как потом и на мою».

«Где ты нашел это, гаденыш?» — прошептал Флегг.

«Да, ты забыл, — сказал Питер. — Но преступления всегда напоминают о себе, рано или поздно. Думаю, это нас и спасает».

Медальон раскачивался туда-сюда, медленно, заворачивающе.

«Кто в это поверит? — спросил Питер. — Многие. Они поверят хотя бы в то, что ты творил зло уже сотни лет назад, монстр».

«Отдай его мне!».

«Ты убил Элинор Валера и убил моего отца».

«Да, я принес ему вино, — сказал Флегг. Глаза его сверкали. — И я смеялся, когда его кишки обугливались, и еще сильнее смеялся, когда тебя тащили в Иглу. Но все, кто сейчас слышит это, скоро умрут, и никто никогда не узнает правды. Все видели только тебя».

Тут откуда-то из-за спины Питера заговорил новый голос. Такой тихий, что его едва было слышно. Но он заставил их всех, включая Флегга, застыть в изумлении.

«Я видел еще кое-кого, — сказал Томас, брат Питера, из глубины старого отцовского кресла. — Я видел тебя, чародей».

Питер обернулся, по-прежнему сжимая медальон в руке.

«Томас!» — хотел он сказать, но не мог, увидев, что за эти годы случилось с братом. Он растолстел и обрюзг, и так походил теперь на Роланда, что это выглядело жутко.

«Томас!» — попытался он сказать снова и тут понял, почему лука и стрелы Роланда не было на месте. Лук лежал на коленях Томаса, уже со стрелой на тетиве.

И в этот миг Флегт закричал и прыгнул вперед, заноса над головой свой топор палача.

Кричал он не от гнева, а от ужаса. Бледное лицо Флегга перекошилось; волосы встали дыбом. Питера поразило сходство брата с Роландом. Флегг стоял дальше, и его обманули отблески огня и тень в глубоком кресле.

Он забыл про Питера. Он кинулся с топором на эту фигуру в кресле. Старик давно мертв, но вот он сидит здесь, в своем провонявшем пивом халате, и целится в него из лука.

«Уйди! — кричал Флегг. — Дух ты или демон, уйди! Я убил тебя раз и убью снова! Ааааааа!»

Томас всегда был хорошим стрелком. Но никогда еще он не стрелял из такого замечательного лука — гибкого и одновременно сильного, восьми футов в длину. Сидя, он не мог натянуть тетиву, как следует, но ей предстояло лететь недалеко.

Гроза врагов была, пожалуй, лучшей стрелой в мире. Древко из сандалового дерева, оперенное тремя перьями андуанского сокола; наконечник из сверкающей стали. В его руке она раскалялась все сильнее.

«Ты лгал мне, чародей», — голос Томаса был тихим. Он спустил тетиву.

Пролетая через комнату, стрела ударила прямо в центр медальона Левена Валера и выбила его из рук Питера. Золотая цепочка разорвалась с легким звоном.

Как я вам говорил, во время той злосчастной экспедиции в северные леса Флегг проснулся ночью от страшного сна, который не мог вспомнить. И в тот раз, и потом он просыпался, держась за левый глаз, словно его ранили туда.

И теперь стрела Роланда и вместе с ней золотой медальон Левена Валера угодили Флеггу прямо в левый глаз.

Чародей завопил. Топор выпал у него из рук и переломился пополам. Он рухнул вперед, уставившись одним глазом на Томаса — другой глаз заменило золотое сердце медальона. Из-под сердца текла какая-то вонючая жидкость, непохожая на кровь.

Флегг упал на колени...

...и вдруг исчез.

Глаза Питера расширились. Бен Стаад вскрикнул. Плащ Флегга еще какое-то время сохранял его очертания, стрела вместе с сердцем повисла в воздухе и упала на пол, звякнув о камни. Ее острие дымилось, как тогда, когда Роланд поразил ей дракона.

Питер повернулся к брату.

Сонное спокойствие, наконец, оставило Томаса. Он походил уже не на Роланда, а на испуганного мальчика, каким он и был.

«Прости, Питер, — он начал плакать. — Мне было хуже, чем ты думаешь. Теперь ты убьешь меня, я знаю, и я не жалею об этом, но прежде чем ты это сделаешь, я скажу тебе: я за все заплатил. Знай это. А теперь можешь убить меня».

Томас закрыл глаза. Питер шагнул к нему. Все остальные затаили дыхание.

Питер осторожно поднял брата из отцовского кресла и обнял его.

Питер держал Томаса, пока тот не перестал плакать, а потом сказал, что любит его и всегда будет любить. И они оба заплакали, стоя под головой дракона Нинера, и, видя это остальные вышли из комнаты и оставили их вдвоем.

Жили ли они счастливо после этого?

Нет, конечно, чтобы там ни говорилось в сказках. У них, как у всех, были хорошие дни и плохие, были свои победы и свои поражения. Иногда им было стыдно; иногда им не везло. Но я хочу сказать, что они все жили, как могли, честно и достойно, и я люблю их всех и не стыжусь моей любви.

Томас и Питер отправились к новому главному судье Делейна, и Питера опять отвели в тюрьму. На этот раз он пробыл там всего два часа. Пятнадцать минут Томас рассказывал то, что он хотел рассказать, а остальное время главный судья, испуганный человек, поставленный на эту должность Флеггом, пытался удостовериться, что страшного чародея больше нет.

Потом Питера освободили.

Вечером все они — Питер, Томас, Бен, Наоми, Деннис и Фриски — сошлись в комнате Питера за бутылкой вина. Даже Фриски налили вина в миску, но она не стала пить.

Питер хотел, чтобы Томас остался, но Томас справедливо решил, что тогда его бывшие подданные разорвут его на куски.

«Ты же был всего лишь ребенком, — сказал Питер. — За тебя все решало это чудовище».

С печальной улыбкой Томас возразил:

«Это так, но народ этого не знает. Он знает, что я — Томас Налогоносный. Флегга нет, но я здесь. Голова у меня глупая, но я хочу поносить ее на плечах еще немного, — помолчав, он добавил. — Я уйду. Иначе я

опять начну завидовать тебе. Кто знает, чем это может кончиться? Я уйду сегодня же».

«Но... куда?».

«На поиски, — просто ответил Томас. — На юг. Может, мы еще увидимся, но вряд ли. Мне нужно найти».

«Кого?».

«Флегта. Он ушел туда; я знаю это. Я чувствую в воздухе его яд. Он ускользнул от нас в последний момент. Я найду его и убью. Отомщу за отца, за тебя. И искуплю свои грехи».

«Но кто пойдет с тобой? — спросил Питер. — Я не могу — слишком много дел здесь. Но я не хочу отпускать тебя одного».

Он выглядел озабоченным, и вы поняли бы его, если бы увидели карту тех времен, где юг был сплошным белым пятном.

К удивлению всех Деннис сказал:

«Я пойду с ним, мой король».

Оба брата повернулись к нему. То же сделали Бен, Наоми и Фриски, которая лежала рядом, положив голову на лапы.

Деннис покраснел:

«Вы были всегда хорошим хозяином, Томас, и — прошу прощения, мой король, — что-то во мне говорит, что вы еще остаетесь моим хозяином. И раз уж я нашел ту мышь и отправил вас в Иглу, мой король...»

«Хватит! — сказал Питер. — Забудем это».

«Я не забуду, — упрямо сказал Деннис. — Вы можете сказать, что я был молод и неискушен, но и у меня есть грех, который нужно искупить».

Он взглянул Томасу в глаза:

«Я пойду с вами, господин, если вы разрешите, и помогу вам в ваших поисках».

Чуть не плача Томас сказал:

«Конечно, мой добрый Деннис. Надеюсь, ты готовишь лучше, чем я».

Той же ночью, под покровом темноты, они ушли — две фигуры, сгибающиеся под тяжестью рюкзаков. Уже на горизонте они обернулись и помахали оставшимся.

Все трое помахали в ответ. Питер плакал и ничего не мог с собой поделать.

«Я никогда его не увижу», — подумал он.

Увиделись они или нет, я не могу вам сказать, потому что не знаю. Все, что я могу сказать, это что Бен и Наоми в конце концов поженились, что Питер стал славным королем и что Томас и Деннис пережили много приключений, нашли Флегга и сражались с ним.

Но час уже поздний, и об этом я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

**ДЕЛО
ДОКТОРА
ВАТСОНА**

Я считаю, что только однажды мне действительно удалось раскрыть преступление раньше своего легендарного друга Шерлока Холмса. Я сказал «считаю» потому, что память моя теперь, на девятом десятке, уже не держит всех деталей. Может, были и другие случаи, но я их не упомяну.

Вряд ли я когда-нибудь смогу забыть именно это дело, как бы ни путались сейчас мои воспоминания, и, полагаю, настало время изложить его на бумаге, пока Господь не остановил мое перо навеки. Холмсу теперь не будет нанесено ни малейшего ущерба: он уже сорок лет как в могиле. Думаю, этого достаточно, чтобы не замалчивать далее случившееся. Даже Лестрэд, который время от времени прибегал к услугам Холмса, но все же недолголюбил его, никогда не высказывался о деле лорда Халла — да и не мог этого сделать, учитывая некоторые обстоятельства. Даже будь обстоятельства иными, он вряд ли распустил бы язык по этому поводу. Они с Холмсом подкармливали друг друга, и я уверен, что Холмс, возможно, питал скрытую неприязнь к этому фараону (хотя никогда не сознался бы в столь низком чувстве), зато Лестрэд испытывал своего рода уважение к моему другу.

Стоял дождливый, скучный день: часы только что отбили половину второго. Холмс сидел у окна со скрипкой в руках, но не играл, а молча рассматривал мокрую улицу. Бывали времена, особенно после того, как Холмс перестал принимать кокаин, когда он становился мрачным, даже угрюмым, если небо неделями бывало неизменно серым,

а особенное разочарование он испытывал в этот день, потому что барометр поднимался с прошлого вечера, и он предсказывал, что небо очистится самое позднее к десяти утра. Вместо этого туман, висевший в воздухе при моем пробуждении, сгустился, разразившись проливным дождем, а если что-то злило Холмса сильнее, чем затяжная непогода, так это собственные ошибки.

Вдруг он выпрямился, провел пальцем по скрипичной струне и саркастически усмехнулся:

— Ватсон! Полюбуйтесь! Вы когда-нибудь видели такую мокрую гончую собаку?

Это был Лестрэд, разумеется; он сидел в открытых мокрых дрожках, и его лицо с близко поставленными колючими любопытными глазками также было мокрым от дождя. Не успели дрожки остановиться, как он выскочил, сунул вознице монетку и побежал к дому 221В по Бейкер-стрит. Он так мчался, что я испугался, как бы он не протаранил нашу дверь.

Я услышал, как миссис Хадсон отчитывает его за то, что в таком состоянии он обязательно испортит дорожки и у входа, и наверху, и тогда Холмс, который при желании мог выставить Лестрэда последним идиотом, бросился к двери и воззвал:

— Впустите его, миссис Хадсон. Я подложу газету ему под сапоги, если он задержится надолго, но мне почему-то кажется, да, я считаю, что...

Затем Лестрэд взлетел по лестнице, а миссис Хадсон продолжала увещевать его вдогонку. Он разругался, глаза у него сверкали, а зубы — пожелтевшие явно от табака — ощерились волчьим оскалом.

— Инспектор Лестрэд! — весело закричал Холмс. — Что привело вас в такую...

Продолжить ему не удалось. Запыхавшись от бега, Лестрэд начал:

— Цыганки говорят, что черт раздает исполнение желаний. Сейчас я этому верю. Поехали немедленно, если хотите попробовать, Холмс: труп еще теплый, а все подозреваемые сидят рядом.

— Вы пугаете меня своим рвением, Лестрэд, — воскликнул Холмс, насмешливо приподнимая брови.

— Не стройте из себя увядающую фиалку — я прибежал предложить вам то, что вы в своей гордыне желали не меньше сотни раз только в моем присутствии: идеальную тайну в запертой комнате!

Холмс направился в угол, видимо, за своей ужасающей тростью с позолоченным набалдашником, которой почему-то отдавал предпочтение в том сезоне. И тут же обернулся к нашему промокшему гостю, сверкнув глазами:

— Лестрэд! Вы серьезно?

— А иначе рисковал бы я получить крупозное воспаление легких в открытых дрожках? — парировал Лестрэд.

Тогда впервые на моей памяти (хотя к нему самому с этими словами обращались бесчисленное число раз) Холмс обернулся ко мне и воскликнул:

— Поспешим, Ватсон! Охота началась"

По пути Лестрэд кисло заметил, что Холмсу чертовски везет: хотя Лестрэд приказал вознице дрожек ждать, не успели мы выйти из дому, как по улице зацокала исключительная редкость — пустой экипаж под проливным дождем. Мы немедленно влезли туда. Как обычно, Холмс уселся слева, и его глаза напряженно всматривались вокруг, отмечая все, что видели, хотя в тот день мало что можно было увидеть... так, во всяком случае, мне казалось. Я не сомневался, что Холмс в любой залитой водой витрине и на любом, казалось, пустом углу мог читать, как в открытой книге.

Лестрэд дал кучеру адрес на Сэвил-роу, а затем спросил Холмса, знал ли тот лорда Халла.

— Я о нем слышал, — ответил Холмс, — но не имел чести встречаться лично. И, полагаю, уже не буду иметь. Судоходная компания, не правда ли?

— Судоходная компания, — подтвердил Лестрэд, — но вам повезло. Лорд Халл, по всем данным (в том числе и от его близких и... гм... любимых), был совершенно

отвратительным субъектом, весь в сомнительных пятнах, как детская картинка-загадка. Однако ему уже не бывать ни отвратительным, ни сомнительным: примерно в одиннадцать часов утра сегодня, ровно — он вытащил луковичу карманных часов и сверился с ними — два часа сорок минут назад, кто-то воткнул ему в спину нож, когда он сидел в своем кабинете, а перед ним на столе лежало завещание.

— Итак, — задумчиво произнес Холмс, разжигая трубку, — вы считаете, что кабинет этого самого неприятного лорда Халла и есть та самая запертая комната моей мечты, не так ли? — Его глаза насмешливо сверкнули сквозь струйку поднявшегося голубого дыма.

— Я считаю, — тихо ответил Лестрэд, — что именно так.

— Мы с Ватсоном уже копали много таких колодцев и нигде не доходили до воды, — заметил Холмс и взглянул на меня, прежде чем снова погрузиться в созерцание улиц, по которым мы проезжали. — Помните «Пеструю ленту», Ватсон?

Он вряд ли ждал ответа. В том деле действительно была запертая комната, но еще там были вентилятор, ядовитая змея и убийца, достаточно сообразительный, чтобы запустить змею в вентилятор. Это было творение блестящего злодейского ума, но Холмс разглядел суть дела чуть ли не в мгновение ока.

— Изложите факты, инспектор, — попросил Холмс.

Лестрэд начал перечислять их в лаконичной манере опытного полицейского. Лорд Альберт Халл был тираном в компании и деспотом в семье. Жена от него фактически ушла из страха и имела на то все основания. То, что она родила ему трех сыновей, казалось, нисколько не умеряло его ярость по отношению к домашним вообще и к ней в частности. Леди Халл неохотно рассказывала обо всем этом, но сыновья ее не сдерживались: папаша, говорили они, никогда не упускал случая пройтись на ее счет, поиздеваться или отпустить грубую шутку по ее адресу... причем обязательно при большом стечении народа. Когда

они были одни, он ее просто игнорировал. Кроме случаев, добавил Лестрэд, когда у него появлялось желание побить жену, что случалось отнюдь не редко.

— Уильям, старший сын, рассказал, что она всегда говорила одно и то же, выходя к завтраку с подбитым глазом или распухшей щекой: что она забыла надеть очки и ударилась о дверь. «Она натыкалась на дверь раз или два в неделю, — сказал Уильям. — Я и не знал, что у нас в доме столько дверей».

— Г-м! — протянул Холмс. — Веселый парень! А сыновья никогда не пытались положить этому конец?

— Она им не разрешала, — пояснил Лестрэд.

— Безумие, — вмешался я. — Мужчина, избивающий жену, вызывает отвращение; жена, позволяющая это, вызывает недоуменное отвращение.

— Тем не менее при всем безумии у нее был свой метод, — продолжал Лестрэд. — Метод и то, что можно назвать «оправданным терпением». В конце концов, она была на двадцать лет моложе своего повелителя. Опять-таки, Халл чертовски много пил и обжирался. Пять лет назад, когда ему было семьдесят, у него развились подагра и гангрена.

— Переждем бурю и насладимся солнцем, — прокомментировал Холмс.

— Да, — согласился Лестрэд, — но такое настроение многих привело к воротам ада, смею вам заметить. Халл был уверен, что семья знает и размеры его состояния, и условия завещания. Им жилось не лучше, чем рабам.

— И завещание служило кабальной грамотой, — пробурчал Холмс.

— Именно так, старина. В день смерти Халл стоил триста тысяч фунтов стерлингов. Он не просто заставлял их верить на слово: каждый квартал он приглашал на дом главного бухгалтера с балансом «Судоходной компании Халла», хотя при этом твердо держал в руках завязки от кошелька и не распускал их.

— Чертовщина какая-то! — воскликнул я, вспомнив гнусных мальчишек, каких можно иногда встретить в

Истчипе или на Пикадилли, мальчишек, которые протягивают конфетку голодной собаке, заставляя ее танцевать на задних лапках... а потом отправляют ее себе в рот на глазах несчастного животного. Оказалось, что это сравнение еще ближе к истине, чем мне представлялось.

— После его смерти леди Ребекка должна была получить сто пятьдесят тысяч фунтов. Уильяму, старшему сыну, причиталось пятьдесят тысяч, среднему Джори — сорок и младшему Стивену — тридцать.

— А остальные тридцать тысяч? — спросил я.

— По мелочам, Ватсон; кухне в Уэльсе, тете в Бретани (хотя ни пенса родственникам жены), пять тысяч в сумме слугам. Да, и — вам это понравится, Холмс, — десять тысяч фунтов приюту для бездомных кошек миссис Хемпхилл.

— Вы шутите! — закричал я; если же Лестрэд ожидал подобной реакции от Холмса, то был разочарован. Холмс просто заново набил трубку и кивнул, словно ожидал чего-то в этом роде. — Когда новорожденные в Ист-Энде умирают с голоду, а двенадцатилетние дети работают на фабриках по пятьдесят часов в неделю, этот деятель оставляет десять тысяч фунтов пансиону для кошек?

— Именно так, — весело подтвердил Лестрэд. — Более того, он бы оставил этим самым бездомным кошкам миссис Хемпхилл в двадцать семь раз больше, если бы не то, что произошло сегодня утром, — кто бы это ни совершил.

Я только крикнул и попытался сосчитать в уме. Пока я приходил к выводу, что лорд Халл намеревался обездолить жену и детей в пользу кошачьего дома отдыха, Холмс с мрачным видом смотрел на Лестрэда, пока не произнес нечто, как мне показалось, совершенно невообразимое:

— Я сейчас, по-моему, начну чихать, как вы полагаете?

Лестрэд улыбнулся с какой-то долей нежности:

— Да, мой дорогой Холмс! Часто и, боюсь, основательно!

Холмс вынул изо рта трубку, которую только что набил к своему удовлетворению (это было видно по тому, как

он поудобнее устроился на сиденье), некоторое время рассматривал ее, а потом выставил под дождь. С еще большим удивлением я наблюдал, как он выбивает отсыревший, тлеющий табак.

— Сколько раз? — спросил Холмс.

— Десять, — ответил Лестрэд с какой-то дьявольской усмешкой.

— Я подозревал, что нечто большее, чем эта ваша знаменитая запертая комната, заставило вас трястись в открытых дрожках под таким дождем, — угрюмо промолвил Холмс.

— Подозревайте что хотите, — весело возразил Лестрэд. — Боюсь, мне придется вернуться на место преступления — долг службы, знаете ли, — а вас с доктором, если хотите, могу высадить прямо здесь.

— Вы единственный из моих знакомых, — заметил Холмс, — у кого остроумие обостряется в плохую погоду. Не говорит ли это о какой-то особенности вашего характера, хотел бы я знать? Но извините — об этом, наверное, в другой раз. Скажите мне вот что, Лестрэд: когда лорд Халл убедился, что умирает?

— *Умирает?* — переспросил я. — Дорогой Холмс, откуда вы взяли, что этот тип считал...

— Это очевидно, Ватсон, — продолжал Холмс. — ХОП, как я тысячу раз вам говорил, — Характер Определяет Поведение. Его забавляло то, что он держит их на привязи с помощью завешания... — Он искоса взглянул на Лестрэда. — Никаких условий опеки, я полагаю? И майората не было?

Лестрэд покачал головой:

— Ничего подобного.

— Потрясающе! — не выдержал я.

— Вовсе нет, Ватсон: характер определяет поведение, как вы помните. Он хотел, чтобы они служили ему, как собачки, уверенные, что получают свое, когда он окажет им милость и отдаст Богу душу, но на самом деле никогда не имел этого в виду. Такое поведение было бы в полном соответствии с его характером. Вы согласны, Лестрэд?

— В общем, да, — ответил тот.

— Тогда мы очень близки к цели, Ватсон, разве нет? Все ясно? Лорд Халл чувствует, что вот-вот умрет. Он выжидает... убеждается, что на этот раз ошибки нет, что это не ложная тревога... и тогда созывает свою возлюбленную семью. Когда? Сегодня утром, Лестрэд?

Лестрэд утвердительно хмыкнул.

Холмс скрестил пальцы под подбородком:

— Он собирает их и говорит, что составил новое завещание, которое пускает по миру их всех... кроме слуг, дальних родственников и, разумеется, кошечек.

Я открыл было рот, но обнаружил, что чересчур взбешен. У меня все не шел из головы образ этих гнусных мальчишек, которые дразнят собак в Ист-Энде кусочком свинины или корочкой от мясного пирога. Следует добавить: мне даже не приходило в голову спросить, можно ли оспорить такое завещание в суде. Сегодня того, кто вздумал бы обездолжить свою семью в пользу кошачьего приюта, затаскали бы по судам, но в 1899 году завещание было свято, и, хотя во множестве случаев легко доказывалось безумие — не эксцентричность, а самое настоящее безумие, воля покойного, аки Божия, выполнялась неукоснительно.

— А это новое завещание было оформлено должным образом?

— Разумеется, — ответил Лестрэд. — Вчера адвокат лорда Халла со своим помощником прибыли в особняк и были проведены в кабинет лорда. Там они оставались минут пятнадцать. Стивен Халл утверждает, что адвокат пытался протестовать, — он не расслышал, против чего, — и Халл заставил его замолчать. Джори, средний сын, рисовал наверху, а леди Халл была в гостях у подруги. Но и Стивен, и Уильям Халлы видели, как эти юристы вошли и вскоре вышли. Уильям говорит, что головы у них были опущены, а когда Уильям спросил мистера Барнса, адвоката, хорошо ли тот себя чувствует, и что-то сказал насчет погоды, Барнс не ответил, а его помощник вроде бы поежился. Выглядели они так, словно чего-то стыдились, говорит Уильям.

Многовато для простой юридической лазейки, подумалось мне.

— Коль мы коснулись этой темы, расскажите мне о сыновьях, — предложил Холмс.

— Пожалуйста. Само собой понятно, что их ненависть к отцу соизмерима только с его презрением к ним... хотя, как он мог презирать Стивена... ладно, давайте по порядку.

— Пожалуйста, если вам не трудно, — сухо сказал Холмс.

— Уильяму тридцать шесть лет. Давай ему отец достаточно денег, он, наверное, стал бы повесой. Не имея же их, он проводил время в гимнастических залах, занимаясь так называемой физической культурой — он действительно очень мускулистый парень, а вечерами посещая всякие дешевые кофейни. Если ему перепадут кое-какие деньги, он их быстро спустит за карточным столом. Неприятный он человек, Холмс. Человек без цели, без профессии, без увлечений, без честолюбия (кроме стремления пережить отца) вряд ли может быть приятным. Пока я допрашивал его, у меня сложилось странное впечатление, будто я разговариваю не с человеком, а с пустой вазой, на которой отштамповано некоторое подобие лица старого лорда Халла.

— Ваза, которая ждет, что в нее насыплют фунты стерлингов, — уточнил Холмс.

— Джори — совсем другое дело, — продолжал Лестрэд. — Лорд Халл презирал его больше других, награждая с раннего детства такими ласковыми прозвищами, как Рыбья морда, Кривоножка и Крысиное пузо. К сожалению, все эти прозвища понятны: Джори Халл имеет не более пяти футов росту, кривоног и необычайно уродлив. Похож на этого самого поэта, который любит мальчиков.

— Оскара Уайльда? — спросил я.

Холмс бросил на меня короткий, насмешливый взгляд:

— По-моему, Лестрэд имел в виду Алджернона Суинберна, — сказал он. — Который, по-моему, интересуется мальчиками не больше вас, Ватсон.

— Джори Халл родился мертвым, — продолжал Лестрэд. — После того, как он целую минуту пребывал синим и безмолвным, доктор объявил его мертворожденным и накрыл салфеткой. Леди Халл здесь единственный раз проявила героизм: она привстала, сняла салфетку и окунула ноги младенца в горячую воду, которая использовалась при родах. Ребенок засучил ножками и закричал.

Лестрэд ухмыльнулся и закурил сигариллу.

— Халл считал, что из-за этого окунания у ребенка кривые ножки, и все время попрекал жену. Говорил ей, что надо было все оставить как есть. Лучше бы Джори родился мертвым, чем жил таким, каким он получился — уродцем с ногами краба и лицом трески.

Единственной реакцией Холмса на этот необычный (и с моей точки зрения врача довольно подозрительный) рассказ было замечание, что Лестрэду удалось собрать удивительно много информации за удивительно короткое время.

— Здесь мы подходим к той стороне дела, которая, по-моему, должна привлечь ваше внимание, Холмс, — отозвался Лестрэд, когда кэб пробирался по грязи на Роттен-роу. — Их не нужно было вынуждать говорить; силой их понадобилось бы заставить замолчать. Им слишком долго приходилось таить все внутри. Кроме того, оказалось, что новое завещание исчезло. От облегчения языки развязываются, знаете ли.

— *Исчезло!* — воскликнул я, но Холмс на это не обратил внимания; он все еще был поглощен Джори, средним сыном-уродцем.

— Он действительно так уродлив? — осведомился он у Лестрэда.

— Красавцем не назовешь, но я видал и похуже, — успокоил его тот. — Думаю, отец беспрерывно осыпал его оскорблениями, потому что...

— Потому что он был единственным, кому не требовались отцовские деньги, чтобы пробить себе дорогу, — закончил за него Холмс.

Лестрэд вздрогнул:

— Черт возьми! Откуда вы это знаете?

— Потому что лорд Халл высмеивал только физические недостатки Джори. Как, должно быть, злило старого мерзавца, что во всех прочих отношениях цель прекрасно защищена! Издеваться над человеком из-за его внешности или фигуры могут школьники или пьянчуги, а такой негодяй, как лорд Халл, несомненно, прибегнул бы к чему-то более существенному. Я осмелюсь утверждать, что он побаивался своего кривоногого среднего сына. Чем брал Джори?

— Я разве не сказал? Он рисует, — ответил Лестрэд.

— Ах, вот что!

Джори Халл, судя по полотнам в нижних залах особняка Халла, которые я увидел чуть позже, действительно был очень хорошим живописцем. Не великим — я не то имею в виду. Но его портреты матери и братьев выглядели настолько достоверно, что, когда много лет спустя я впервые увидел цветную фотографию, мне сразу вспомнились события того дождливого ноябрьского дня 1899 года. А портрет отца был, несомненно, великолепен. Он действительно поражал (почти пугал) той злобой, которая, казалось, сочилась с холста, будто сырой кладбищенский воздух. Может быть, Джори и походил на Алджернона Суинберна, но отец — по крайней мере, увиденный глазами и нарисованный руками среднего сына — напомнил мне персонажа Оскара Уайльда, почти бессмертного проходимца — Дориана Грея.

Полотна он писал медленно, долго, но наброски умел делать с такой скоростью, что за субботний день мог бы заработать в Гайд-парке фунтов двадцать, не меньше.

— Бьюсь о заклад, отец был чрезвычайно доволен, — сказал Холмс. Он потянулся за трубкой, затем отложил ее. — Сын лорда, как французская богема, рисует богатых американских туристов и их подружек.

Лестрэд весело рассмеялся:

— Можете себе представить, как он *взбесился*. Но Джори, слава Богу, не стал промышлять в Гайд-парке...

пока отец соглашался платить ему пособие в тридцать пять фунтов в неделю. Он это называл злостным шантажом.

— У меня сердце обливается кровью, — заметил я.

— У меня тоже, Ватсон, — согласился Холмс. — Лестрэд, быстренько охарактеризуйте третьего сына — по моему, мы уже почти приехали.

Как вскользь упомянул Лестрэд, у Стивена Халла, конечно, было больше всего причин ненавидеть отца. По мере того как подагра усиливалась, а ум слабел, лорд Халл все в большей степени поручал дела фирмы Стивену, которому в момент смерти отца исполнилось всего двадцать восемь. Ответственность возлагалась на Стивена, как и вина за малейшую промашку. Зато какой бы то ни было рост доходов отца не ставился ему в заслугу.

Лорду Халлу следовало бы уважать Стивена — единственного из детей, проявлявшего интерес и способности к бизнесу, основанному отцом; Стивен был образцовым «хорошим сыном», как говорится в Библии. Но вместо любви и благодарности лорд Халл платил младшему сыну за его достаточно заметные успехи презрением, подозрительностью и ревностью. Много раз за последние два года своей жизни старик повторял, что Стивен «такой тип, что крал бы монеты с глаз у мертвецов».

— По... ц! — воскликнул я, не в силах сдержаться.

— Забудем на время о новом завещании, — предложил Холмс, снова сцепляя пальцы, — и вернемся к старому. Даже по условиям этого куда более щедрого документа Стивен Халл имел основания для недовольства. Несмотря на все свои труды, которые не только сохраняли семейное богатство, но даже увеличивали его, ему причиталась лишь жалкая доля младшего сына. Кстати, кому поручалось управление фирмой по условиям завещания, которое мы пока будем называть кошачьим?

Я внимательно взглянул на Холмса, но, как всегда, трудно было сказать, острит он или нет. Несмотря на долгие годы, проведенные с ним, и множество совместно пережитых приключений, для меня оставалось загадкой чувство юмора у Холмса.

— Оно передавалось совету директоров, а о Стивене не было ни слова, — ответил Лестрэд и выбросил свою сигариллу в окошко, когда кэб въехал на кривую дорожку, за которой среди зеленых газонов находился особняк, показавшийся мне чрезвычайно уродливым. — Но, поскольку отец мертв и новое завещание исчезло, в руках у Стивена то, что американцы называют «рычагами управления». Он станет генеральным директором компании. Так было бы в любом случае, но теперь Стивен Халл будет диктовать условия.

— Да, — произнес Холмс. — Рычаги управления. Хорошее выражение. — Он высунулся в окошко. — Постойте-ка, кучер! — крикнул он. — Мы еще не готовы.

— Как хотите, сэр, — отозвался кучер, — но здесь чертовски мокро.

— Ты получишь достаточно, чтобы у тебя внутри стало так же чертовски мокро, как снаружи, — успокоил его Холмс. Тот вроде был удовлетворен и остановился метров за тридцать от парадной двери большого дома. Я прислушивался к стуку дождя о борта кэба, пока Холмс размышлял. Потом он спросил: — Старое завещание — то, которым он их приманивал, — оно ведь не исчезло, так?

— Вовсе нет. Оно лежало на столе, рядом с телом.

— Четверо замечательных подозреваемых! Слуги не в счет... пока. Быстрее заканчивайте, Лестрэд, — обстоятельства происшествия и запертая комната.

Лестрэд собрался с мыслями, заглядывая то и дело в свои записи. Месяц назад лорд Халл заметил маленькое черное пятнышко у себя на правой ноге, прямо под коленом. Вызвали семейного врача. Он диагностировал гангрену — необычное, но далеко не редкое следствие подагры и расстроенного кровообращения. Врач сказал ему, что ногу придется ампутировать, причем гораздо выше места инфекции.

Лорд Халл смеялся до слез. Врач, который ожидал какой угодно реакции, только не этой, утратил дар речи.

— Когда меня положат в гроб, коновал, — сказал лорд Халл, — я буду с обеими ногами, благодарю покорно.

Врач возразил, что он понимает желание лорда Халла сохранить ногу, но без ампутации тот умрет через шесть месяцев, причем последние два проведет в ужасных мучениях. Лорд Халл спросил, каковы шансы выжить, если сделать операцию. Он все еще смеялся, заметил Лестрэд, будто сказал нечто чрезвычайно остроумное. Немного помявшись, доктор ответил, что шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Чушь, — сказал я.

— Именно так заявил и лорд Халл, — продолжал Лестрэд, — только он употребил слово, которым куда чаще пользуются в ночлежках, чем в светских гостиных.

Халл сказал врачу, что сам он оценивает свои шансы не более чем один к пяти. «Что же касается мучений, не думаю, что до этого дойдет, — заметил он, — коль скоро существуют опийный настой и ложка, чтобы его помешивать».

На следующий день Халл вызвал смятение, заявив, что подумывает о пересмотре своего завещания. Каким именно образом, он тогда не сказал.

— Вот как? — произнес Холмс, глядя на Лестрэда холодными серыми глазами, которые так много видели. — А кто-нибудь из них удивился?

— Никто, смею полагать. Но вы же знаете человеческую природу, Холмс: надеяться, несмотря ни на что.

— И заранее готовить защиту от несчастья, — задумчиво продолжил Холмс.

Сегодня утром лорд Халл созвал семью в гостиную и, когда все расселись, совершил то, что немногие завещатели делают самолично, то, что обычно зачитывают заплетающимся языком их адвокаты после того, как сами они замолчат навсегда. Короче говоря, он огласил свое новое завещание, по которому почти все имущество уходило капризным кошкам миссис Хемпхилл. В наступившем молчании он поднялся, не без труда, и одарил всех злорадной усмешкой. И, опираясь на трость, сделал заявление (которое мне и сейчас кажется столь же зловещим, как и много лет назад, когда Лестрэд цитировал его в кэбе):

— Вот! Все замечательно, правда? Да, просто прекрасно! Вы верой и правдой служили мне, жена и мальчики, почти сорок лет. Теперь я намерен, в ясном уме и твердой памяти, вышибить вас отсюда. Что ж, крепитесь — могло ведь быть и хуже! Были времена, когда фараоны приказывали убивать своих любимых животных — в первую очередь кошек — перед своей смертью, чтобы животные сопровождали их в последующей жизни, чтобы их и там пинали или гладили по прихоти хозяина и ныне, и присно, и во веки веков. — Потом он расхохотался им в лицо. Он оперся на трость и захохотал, и все его рыхлое, отмеченное печатью смерти лицо расплзлось в смехе, а новое завещание, должным образом подписанное и заверенное, как все они видели, было зажато в руке.

Уильям встал и сказал:

— Сэр, вы виновник моего существования, но вы также самое подлое существо, какое бывало на земле с того дня, как змей соблазнил Еву в раю.

— Ничего подобного! — смеясь, возразило старое чудовище. — Я знаю четырех еще более подлых. А теперь извините, я должен сложить кое-какие важные бумаги в сейф... а неважные сжечь.

— Старое завещание еще было у него, когда он выступал перед ними? — спросил Холмс. Он был скорее любопытен, чем шокирован.

— Да.

— Он мог сжечь его сразу после того, как подписал и засвидетельствовал новое, — размышлял Холмс. — На это у него были целый день и вечер. Но он же этого не сделал. Почему? Что вы скажете по этому поводу, Лестрэд?

— Он еще недостаточно раздражил их, я полагаю. Он предлагал им еще один шанс — *искушение*, рассчитывая, что они откажутся.

— Возможно, он считал, что кто-нибудь не откажется, — сказал Холмс. — Это вам не приходило в голову? — Он повернул голову и обдал меня быстрым ледяным взглядом. — *Никому* из вас? Разве не вероятно,

что такой мерзавец мог даже ввести в искушение, зная, что если кто-то из семьи поддастся на него и попробует избавиться от нищеты, скорее всего Стивен, судя по тому, что вы говорите, то его поймают... и повесят за отцеубийство?

Я уставился на Холмса, остолбенев от ужаса.

— Полноте вам, — сказал Холмс. — Продолжайте, инспектор, — по-моему, настало время для запертой комнаты.

Пока старик медленно шествовал по длинному коридору к себе в кабинет, все четверо сидели молча, словно парализованные. Не было слышно ничего, кроме стука его трости, хриплого, стесненного дыхания, жалобного мяуканья кошки в кухне и размеренного хода маятника больших часов в гостиной. Затем раздался скрип двери, когда Халл открыл свой кабинет и вошел внутрь.

— Минуточку! — резко воскликнул Холмс, подавшись вперед. — Никто ведь своими глазами не видел, как он входил?

— Боюсь, что нет, старина, — ответил Лестрэд. — Оливер Стэнли, камердинер лорда Халла, слышал, как тот идет по коридору. Он вышел из спальни Халла, подошел к перилам галереи и спросил, все ли в порядке. Халл поднял голову — Стэнли видел его так же хорошо, как я вас, старина, — и ответил, что все замечательно. Затем потер затылок, вошел в кабинет и запер за собой дверь.

К тому времени, как отец достиг двери (коридор очень длинный, и без помощи он шел, видимо, не менее двух минут), Стивен оправился от шока и направился к двери гостиной. Он видел, как отец разговаривал с камердинером. Конечно, лорд Халл стоял спиной, но Стивен слышал голос отца и описал тот же характерный жест: Халл потер затылок.

— Могли Стивен Халл и этот самый Стэнли общаться между собой до прибытия полиции? — спросил я — прощательно, как я считал.

— Конечно, могли, — равнодушно ответил Лестрэд. — Наверное, и общались. Но тайного сговора тут нет.

— Вы уверены? — спросил Холмс, явно не испытывая особого интереса.

— Да. Стивен Халл, конечно, может наврать с три короба, но у Стэнли это никак не получилось бы. Поверьте уж моему профессиональному суждению, Холмс.

— Верю.

Итак, лорд Халл зашел в свой кабинет, пресловутую запертую комнату, и все слышали щелчок замка, когда он повернул ключ — единственный, который имелся от этой святой святых. Затем последовал более необычный звук: он задвигал засов.

Затем тишина.

В таком же молчании смотрели друг на друга все четверо — леди Халл и трое ее сыновей, которым вскоре предстояло превратиться в нищих с голубой кровью. В кухне снова замаякала кошка, и леди Халл с отсутствующим видом сказала, что если экономка не может дать кошке блюдце молока, придется сделать это ей самой. Она заявила, что мяуканье сведет ее с ума, если его не прекратить немедленно. Она вышла из гостиной. Вслед за ней разошлись без единого слова и сыновья. Уильям направился в свою комнату наверху, Стивен побрел в музыкальный салон, а Джори уселся на скамеечку под лестницей, куда, как он заявил Лестрэду, он привык уединяться с раннего детства, когда ему бывало грустно или хотелось что-то серьезно обдумать.

Менее чем через пять минут из кабинета донесся душераздирающий крик. Стивен выбежал из музыкального салона, где рассеянно стучал по клавишам. Джори столкнулся с ним у двери кабинета. Уильям спускался по лестнице и видел, как они вламываются туда, а камердинер Стэнли второй раз вышел из спальни лорда Халла и подошел к перилам галереи. Стэнли подтвердил, что видел, как Стивен Халл врывается в кабинет, Уильям, дошедший до последней ступеньки, поскользнувшись, чуть не падает на мраморный пол, а леди Халл выходит из двери столовой с блюдцем молока в руке. Чуть позже сбежались остальные слуги.

Лорд Халл сгорбившись сидел за письменным столом, а трое братьев стояли рядом. Глаза его были открыты, и в них читалось... похоже, удивление. Опять-таки можете верить или не верить моему профессиональному мнению, но я вам говорю, что в глазах читалось сильнейшее удивление. В руках у него было зажато завещание... старое. Никаких признаков нового нигде не было. А в спине у него торчал кинжал.

Закончив на этом свой рассказ, Лестрэд приказал кучеру ехать дальше.

Мы прошли между двумя констеблями, неподвижно застывшими у дома, словно часовые в Букингемском дворце. Прямо от входа начинался очень длинный коридор, выложенный в шахматном порядке плитами из черного и белого мрамора. Он вел к раскрытой двери на другом конце, где дежурили еще двое констеблей, — к пресловутому кабинету. Налево была лестница, направо две двери — очевидно, в гостиную и музыкальный салон, подумал я.

— Семья вся в гостиной, — сообщил Лестрэд.

— Хорошо, — вежливо сказал Холмс. Но, может быть, мы с Ватсоном сначала взглянем на место преступления?

— Мне с вами пойти?

— Наверное, не нужно, — ответил Холмс. — Тело уже убрали?

— Когда я поехал за вами, оно еще было там, но сейчас, по всей видимости, его уже нет.

— Очень хорошо.

Холмс направился туда. Я последовал за ним. Лестрэд позвал:

— Холмс!

Тот обернулся с вопросительно поднятыми бровями.

— Никаких потайных панелей, никаких скрытых дверей. В третий раз прошу вас мне поверить.

— Я вам верю и подожду, пока... — начал Холмс, и тут его дыхание сделалось прерывистым. Он полез в карман, достал салфетку, видимо, захваченную по рассеянности из ресторана, где он вчера обедал, и громогласно высморкал-

ся в нее. Я опустил глаза и увидел громадного, в многочисленных шрамах кота, который был так же не к месту в этом огромном коридоре, как мальчишки, о которых я думал раньше; кот терся о ноги Холмса. Одно его ухо было буквально распластано на испещренном шрамами черепе. Другое вообще отсутствовало — видимо, потеряно в какой-то давней чердачной битве, решил я.

Холмс снова высморкался и отшвырнул кота. Тот отошел с укоризненным видом, а не со злобным шипением, как следовало бы ожидать от такого старого забияки. Холмс взглянул на Лестрэда поверх салфетки слезящими глазами с явным упреком. Лестрэд, ни капли не смутившись, наклонил голову и по-обезьяньи растянул губы в ухмылке.

— Десять, Холмс, — сообщил он. — Десять. В доме полно кошек. Халл любил их. — С этими словами он удалился.

— Давно у вас эта немощь, старина? — спросил я. Меня это слегка встревожило.

— Всегда, — ответил он и снова высморкался. Слова «аллергия» в те годы еще не знали, но, несомненно, он ею страдал.

— Не хотите уйти? — осведомился я. Я однажды наблюдал, как человек чуть не задохнулся в результате такого нерасположения, правда, к овцам, но с теми же симптомами.

— Он бы этого хотел, — отозвался Холмс. Не нужно было спрашивать, кого он имеет в виду. Он еще раз высморкался (на обычно бледном лбу появился большой красный рубец), и мы прошли между констеблями в дверь кабинета. Холмс закрыл ее за собой.

Помещение было длинное и довольно узкое. Оно находилось в торце дома и имело выступы по краям. В двух стенах кабинета были сделаны окна, поэтому там было довольно светло, несмотря на мрачный, дождливый день. Стены были увешаны разноцветными морскими картами в красивых тиковых рамках и навигационными приборами в медной обшивке. Там были анемометр (у Халла, навер-

ное, стоят вращающиеся чашечки где-то на крыше, подумал я), два термометра (один показывал температуру воздуха снаружи, другой — внутри кабинета) и барометр вроде того, что обманул надежды Холмса на хорошую погоду. Я заметил, что столбик его продолжает подниматься, а затем выглянул в окно. Дождь припустил еще сильнее, что бы там ни показывал столбик. Мы считаем, что очень много знаем благодаря приборам и всяким штучкам, но я достаточно стар, чтобы понимать, что мы не знаем и половины того, что нам кажется, и никогда не будем знать.

Мы с Холмсом одновременно взглянули на дверь. Засов был сломан. Ключ по-прежнему торчал в замке.

Глаза Холмса, хотя еще и слезились, рыскали повсюду — отмечали, запоминали, откладывали в память.

— Вам немного лучше, — заметил я.

— Да, — подтвердил он, складывая салфетку и небрежно засовывая ее в карман пиджака. — Он, может, и любил их, но сюда не допускал. Не часто, во всяком случае. О чем вам это говорит, Ватсон?

Хотя я не был столь наблюдательным, как Холмс, кое-что я все же заметил. Окна с двойными рамами были заперты на щеколды и сбоку — еще на медные шпингалеты. Стекла целы. Большая часть карт и ящик с навигационными приборами висели в промежутке между окнами. Две другие стены уставлены книгами. В кабинете была маленькая печь, отапливаемая углем, но без камина; убийца не мог, словно Дед Мороз, проникнуть сквозь трубу, разве что был настолько худ, что пролез по отводной трубе маленькой печки, да еще в асбестовом костюме, потому что печь была еще горячая.

Стол находился в конце этой длинной, узкой, залитой светом комнаты; стена напротив него была уставлена книгами, а поблизости от стены располагались кофейный столик и два кожаных кресла с высокими спинками. Столик завален книгами. На полу турецкий ковер. Если убийца проник через потайную дверь, трудно было представить, как бы он мог пройти по этому ковру, не сдвинув

его... а ковер никак не был сдвинут: лежащие на нем тени от ножек кофейного столика были абсолютно ровными.

— Вы в это можете поверить, Ватсон? — спросил Холмс, пробудив меня от состояния, похожего на гипнотический сон. Что-то... что-то в этом кофейном столике...

— Во что поверить, Холмс?

— Что они все вчетвером просто разошлись из гостиной по разным местам за четыре минуты до убийства?

— Не знаю, — проворчал я.

— Я не верю, ни на ми... — Он прервался. — Ватсон! С вами все в порядке?

— Нет, — произнес я, сам еле различая собственный голос. Я упал в одно из библиотечных кресел. Сердце у меня учащенно колотилось. Похоже, я задышался. Передо мной все словно плыло; глаза будто распирало и они не умещались в своих орбитах. Я не мог оторвать их от теней ножек кофейного столика на ковре. — В основном... конечно, не совсем... в порядке.

Тут в двери кабинета появился Лестрэд.

— Если вы осмотрели место, Х... — он осекся. — Что это с Ватсоном?

— Мне кажется, — произнес Холмс размеренным тоном, — что Ватсон раскрыл дело. Правда, Ватсон?

Я кивнул. Не все дело, наверное, но основную часть. Я знал, кто; я знал, как.

— С вами это тоже так, Холмс? — спросил я. — Когда вы... видите?

— Да, — подтвердил он, — только мне обычно удается устоять на ногах.

— Ватсон раскрыл дело? — с недоверием переспросил Лестрэд. — Ба! Ватсон тысячу раз предлагал решения сотен дел, Холмс, как вы прекрасно знаете, и все оказывались ошибочными. Это его слабое место. Да вот, не далее как прошлым летом...

— Я о Ватсоне знаю больше, чем вы когда-либо сможете знать, — возразил Холмс, — и на сей раз он попал в точку. Посмотрите на него. — Он снова начал сморкаться: безухий кот забрел в кабинет через дверь, которую

Лестрэд оставил открытой. Он приближался к Холмсу, и выражение его уродливой морды можно было назвать дружелюбным.

— Если у вас так же, — сказал я, — я вам никогда больше не буду завидовать, Холмс. У меня чуть не разорвалось сердце.

— Даже к озарению можно привыкнуть, — заметил Холмс без малейшей нотки самодовольства. — Хватит об этом... Так что же, ввести подозреваемых, как в последней главе детективного романа?

— Нет! — в ужасе закричал я. Я их не видел и не испытывал ни малейшего желания увидеть. — Думаю, я должен вам *показать*, как это было сделано. Если вы с инспектором Лестрэдом на минутку выйдете в коридор...

Кот добрался до Холмса и стал тереться о его ногу, мурлыча с чрезвычайно довольным видом.

Холмс разразился целым залпом чихов. Красные пятна на его лице, уже почти исчезнувшие, снова ярко вспыхнули. Он оттолкнул кота и встал.

— Быстрее, Ватсон, вон из этого проклятого места, — глухо пробубнил он и выбежал из комнаты, неестественно сгорбившись, склонив голову и не оглядываясь. Поверьте мне, у меня сердце обливалось кровью от его вида.

Лестрэд стал, опершись о дверь, на его лице блуждала отвратительная усмешка; от его мокрого пальто шел пар.

— Мне как, зарегистрировать нового поклонника Холмса, Ватсон?

— Выйдите, — сказал я, — и закройте за собой дверь.

— Ставлю пятерку, вы даром тратите время, старина, — сказал Лестрэд, но я заметил что-то другое в его глазах: уверен, что, если бы я принял вызов, он как-нибудь отвертелся бы от пари.

— Закройте дверь, — повторил я. — Это ненадолго.

Он закрыл дверь. Я остался один в кабинете Халла... не считая, конечно, кота, который теперь сидел посреди ковра, уютно обвив хвостом лапы, и следил за мной зелеными глазами.

Я порылся в карманах и нашел сувенир от вчерашнего обеда — холостяки, боюсь, вообще-то не особенно чисто-плотны, но здесь дело было не только в обычной неряшливости. Я почти всегда держал хлебные крошки в карманах, потому что любил кормить голубей, которые садились на тот самый подоконник, возле которого сидел Холмс, когда подъехал Лестрэд.

— Кис-кис, — сказал я и положил крошки под кофейный столик — тот самый столик, к которому лорд Халл повернулся спиной, когда сидел с двумя завещаниями, гнусным старым и гораздо более гнусным новым. — Кис-кис-кис.

Кот поднялся и лениво направился под стол обследовать крошки.

Я подошел к двери и открыл ее:

— Холмс! Лестрэд! Быстро!

Они вошли.

— Станьте здесь, — сказал я и подошел к кофейному столику.

Лестрэд осмотрелся и нахмурился, не видя ничего; Холмс, разумеется, принялся вновь чихать.

— Неужели нельзя выгнать отсюда эту тварь? — удалось произнести ему из-за салфетки, которая теперь уже насквозь промокла.

— Конечно, — сказал я. — *Но где тварь, Холмс?*

В его слезящихся глазах мелькнуло удивление. Лестрэд резко развернулся, подошел к письменному столу Халла и заглянул под него. Холмс понял, что его реакция на кота не была бы столь бурной, если бы тот находился на противоположном конце комнаты. Он нагнулся и заглянул под кофейный столик, ничего не увидел, кроме ковра и нижнего ряда книг в шкафах напротив, и выпрямился. Если бы у него так не слезились глаза, он бы все увидел: он ведь стоял как раз *над этим*. Но надо отдать должное — иллюзия действительно была дьявольски полной. Пустота под кофейным столиком отца была шедевром Джори Халла.

— Я не... — начал Холмс, и тут кот, которому мой друг нравился гораздо больше, чем черствые крошки, выполз

из-под стола и принялся рьяно тереться о его лодыжки. Лестрэд вернулся, и при виде кота глаза у него так расширились, что я испугался, не вылезут ли они. Даже разгадав трюк, я сам был поражен. Кот в шрамах, казалось, материализовался прямо из разреженного воздуха: голова, туловище, наконец, хвост с белым кончиком.

Он терся о ноги и мурлыкал, пока Холмс чихал.

— Достаточно, — сказал я. — Сделал дело — уходи.

Я схватил кота, потащил его к двери (он меня изрядно исцарапал) и бесцеремонно вышвырнул за дверь, немедленно прикрыв ее.

Холмс уселся в кресло.

— Боже мой, — прогундосил он.

Лестрэд вообще утратил дар речи. Его глаза не отрывались от столика и выцветшего турецкого ковра под ним: пустота, из которой внезапно явился кот.

— Я должен был увидеть, — бормотал Холмс. — Да... но вы... как вам удалось понять так *быстро*? — Я услышал легкий налет обиды и досады в его тоне и тут же простил ему.

— *Вот*, — я показал на ковер.

— Ну конечно же! — простонал Холмс. Он ударил себя по пошедшему пятнами лбу. — Идиот! Какой же я шидиот!

— Чепуха, — коротко возразил я. — Когда в доме полно котов, а один из них явно выбрал вас в качестве закадычного друга, вы и десятой доли не могли увидеть.

— Что с ковром? — нетерпеливо спросил Лестрэд. — Он очень красивый, признаю, и, видимо, дорогой, но...

— Не *ковер*, — пояснил я. — *Тени* на нем.

— Покажите ему, Ватсон, — слабым голосом попросил Холмс, раскладывая салфетку на коленях.

Я нагнулся и оторвал от пола одну из них.

Лестрэд упал в другое кресло, словно его неожиданно сбили с ног.

— Понимаете, я смотрел на них, — начал я тоном, в котором, как ни старался, замечен был оправдывающийся оттенок. Не я должен был это делать. Объяснять, кто, как

и почему, было делом Холмса. Однако хотя видно было, что он уже все понял, я знал, что в данном случае он не возьмет на себя эту роль. А что-то во мне — то, что понимало, что второго такого шанса, видимо, больше не представится, — *хотело* все разъяснить. А кот оказался очень удачной находкой, смею заметить. У фокусника с цилиндром и кроликом вряд ли вышло бы лучше.

— Я чувствовал, что что-то здесь не так, но не мог уловить. Комната очень светлая, но сегодня льет как из ведра. Оглянитесь и увидите, что ни один предмет в этой комнате не отбрасывает тени... *кроме ножек столика.*

Лестрэд негромко выругался.

— Дожди льют почти неделю, — продолжал я, — но и барометр Холмса, и барометр лорда Халла, — я указал в ту сторону, — предвещали на сегодня солнечную погоду. Это казалось несомненным. Вот он и добавил тени как последний мазок.

— Кто?

— Джори Халл, — тем же слабым голосом ответил Холмс. — Кто же еще?

Я нагнулся и просунул руку под правый край кофейного столика. Она скрылась в воздухе таким же неожиданным образом, как только что оттуда появился кот. Лестрэд снова процедил нецензурное слово. Я потряс изнанку холста, туго натянутого между передними ножками кофейного столика. Книги и ковер выгнулись и исказились, и иллюзия, какой бы совершенной она ни была, исчезла.

Джори Халл нарисовал нечто на холсте под отцовским кофейным столиком, спрятался за холстом, пока отец входил в кабинет, запирает дверь и садился за стол с двумя заветами, и, наконец, выскочил из своего укрытия с кинжалом в руке.

— Только он мог исполнить столь реалистичный натюрморт, — сказал я, проводя рукой по лицевой поверхности холста. И все мы слышали низкий скрежещущий звук, похожий на мурлыканье очень старой кошки. — Единственный, кто мог нарисовать это, и единственный,

кто мог спрятаться за ним, — это Джори Халл, ростом не более пяти футов, кривоногий, сгорбленный.

Как заметил Холмс, новое завещание не вызвало никакого удивления. Даже если бы старик делал тайну из своего намерения отлучить семью от наследства, а он никакой тайны из этого не делал, только идиоты не поняли бы смысл визита адвоката и, что еще более важно, его помощника. Чтобы зарегистрировать завещание как имеющий силу документ, необходимы два свидетеля. Холмс очень точно сказал, что некоторые люди готовятся к несчастью заблаговременно. Такую блестящую картину за одну ночь не нарисует, и за месяц тоже. Можно предположить, что она у него была готова на случай надобности по крайней мере год назад...

— Если не пять, — вмешался Холмс.

— И это возможно. В любом случае, когда Халл объявил, что сегодня утром собирает семью в гостиной, Джори, видимо, понял, что настал его час. После того как отец вчера вечером пошел спать, он пробрался сюда и смонтировал холст. Допускаю, что он тогда же положил и ложные тени, но я бы на месте Джори утром еще раз пробрался бы сюда, чтобы взглянуть на барометр перед объявленной встречей в гостиной и убедиться, что он еще поднимается. Если дверь была заперта, он мог выудить ключ у отца из кармана, а затем положить обратно.

— Она не была заперта, — лаконично возразил Лестрэд. — Как правило, он закрывал дверь, чтобы кошки не заходили, но не запирал.

— Что касается теней, то, как видите, это просто кусочки фетра. У него точный глаз, они выглядели бы точно так же в одиннадцать утра... если бы барометр не наврал.

— Если он рассчитывал, что засияет солнце, зачем он вообще положил тени? — раздраженно перебил Лестрэд. — Солнце все равно вызвало бы их — это так же точно, как то, что вы никогда не замечаете собственную тень, Ватсон.

Тут я растерялся. Я посмотрел на Холмса, который, казалось, был даже благодарен, что ему отведена хоть какая-то роль в объяснении.

— Разве вы не видите? В этом-то вся соль! Если бы солнце сияло, как предсказывал барометр, холст *закрыв* бы тени. Нарисованные ножки стола тени не отбрасывают, понимаете ли. Он попался на тенях, которые оказались лишними, потому что боялся, что попадет на отсутствии теней, когда, согласно барометру, будет солнце и все прочие предметы в комнате дадут тени.

— Все же я не понимаю, как Джори пробрался сюда так, что Халл его не видел, — настаивал Лестрэд.

— Меня это тоже ставит в тупик, — сознался Холмс. — Старина Холмс! Я все же сомневаюсь, что он действительно был озадачен хоть в малейшей степени, но так он сказал. — Итак, Ватсон?

— Гостиная, где лорд Халл объявлял свою волю жене и сыновьям, сообщается через дверь с музыкальным салоном, так ведь?

— Да, — ответил Лестрэд, — а музыкальный салон сообщается с туалетной комнатой леди Халл со стороны задней части дома. Но из туалетной комнаты можно выйти только обратно в коридор, доктор Ватсон. Если бы в кабинет Халла вела дверь не только из коридора, я не ехал бы за Холмсом в такой спешке.

Последнее он произнес слегка оправдывающимся тоном.

— О, Джори действительно вернулся в коридор, — продолжал я, — только отец его не видел.

— Чушь!

— Я вам продемонстрирую, — сказал я и подошел к письменному столу, к которому еще была прислонена трость убитого. Я взял ее и обернулся к ним. — Как только лорд Халл покинул гостиную, Джори вскочил и побежал.

Лестрэд изумленно уставился на Холмса; тот ответил инспектору коротким, исполненным иронии взглядом. Я тогда не понял этого обмена взглядами и вообще не

обратил на него особого внимания, по правде сказать. Я еще не понимал, как можно развернуть гораздо шире картину, которую я рисовал. Меня, видимо, слишком увлек сам процесс воссоздания событий.

— Он нырнул в первую сообщающуюся дверь, промчался через музыкальный салон и влетел в туалетную комнату леди Халл. Затем подкрался к двери в коридор и осторожно выглянул. Если подагра у лорда Халла была в такой стадии, что дошло уже до гангрены, то в самом лучшем случае тот успел бы преодолеть не более четверти пути. Теперь следите за мной, инспектор Лестрэд, и я покажу вам, какую цену платит человек за невозддержанность в еде и питье. Если у вас еще останутся какие-то сомнения, когда я закончу, я готов представить вам дюжину больных подагрой с теми же симптомами, которые я собираюсь продемонстрировать. Пожалуйста, следите прежде всего за тем, на чем будет сосредоточено мое внимание... и где.

С этими словами я медленно заковылял по комнате в их сторону, крепко сжав трость пальцами обеих рук. Я высоко поднимал одну ногу, переносил ее вперед, отдыхал, затем подтягивал другую ногу. Я ни разу не поднял глаз. Они перемещались только между тростью и той ногой, которая двигалась.

— Да, — тихо сказал Холмс. — Наш добрый доктор совершенно прав, инспектор Лестрэд. Сначала приходит подагра; затем утрата равновесия; а потом (если страдалец живет достаточно долго) характерная сутулость оттого, что человек все время смотрит вниз.

— Джори прекрасно знал, на чем сосредоточено внимание отца при движении, — сказал я. — В результате то, что произошло сегодня утром, дьявольски просто. Когда Джори попал в туалетную комнату, он выглянул в дверь, чтобы удостовериться, что отец следит только за своими ногами и набалдашником трости, как всегда, и что он в безопасности. Он проскользнул вдоль стены *под носом у своего отца* и просто проник в кабинет — дверь, как сообщил нам Лестрэд, была не заперта. И в самом

деле, насколько велик был риск? В коридоре он находился вместе с отцом секунды три, а скорее всего, гораздо меньше. — Я помолчал. — Пол ведь в коридоре мраморный? Он должен был снять обувь.

— Он был в шлепанцах, — сказал Лестрэд странно спокойным тоном и снова обменялся взглядами с Холмсом.

— Ага, — продолжал я, — понятно. Джори очутился в кабинете гораздо раньше отца и спрятался за своей декорацией. Потом вынул кинжал и стал ждать. Отец дошел до конца коридора. Джори слышал, как Стэнли окликает его, а лорд говорит, что с ним все в порядке. После этого лорд Халл вошел в кабинет в последний раз... закрыл дверь... и запер ее.

Оба испытующе смотрели на меня, и я в какой-то степени понял, какую божественную власть ощущает Холмс в такие моменты, рассказывая другим то, что мог знать он один. Тем не менее повторяю, что мне не хотелось бы часто испытывать такое чувство. Думаю, страстное желание вновь и вновь переживать такое ощущение испортило бы многих, у кого не было такого прочного стержня в душе, как у моего друга Шерлока Холмса.

— Кривоножка постарался сжаться как можно сильнее, пока отец не запрет дверь, видимо, зная (или только подозревая), что тот внимательно осмотрит все и лишь потом повернет ключ и задвинет засов. Подагра подагрой, но это не значит, что он ослеп.

— Стэнли говорит, что у него было острое зрение, — заметил Лестрэд. — Это был один из моих первых вопросов.

— Итак, он оглянулся, — продолжал я и вдруг обнаружил, что действительно вижу все это, как, наверное, было и с Холмсом: реконструкция, хотя и основанная на фактах и рассуждениях, больше была похожа на чудесное озарение. — Он не заметил ничего, что могло бы его насторожить; ничего, кроме кабинета в обычном состоянии, где никого не было, кроме его самого. Это ведь

необычайно просторная комната — никакого чулана, окна с обеих сторон, никаких темных щелей и закоулков.

Удостоверившись, что никого нет, он закрыл дверь, повернул ключ и задвинул засов. Джори слышал, как он тяжелой поступью шествует к столу. Тяжелый вздох, который испустило сиденье кресла, — ведь человек, страдающий подагрой, сначала осторожно занимает определенное положение над мягким сиденьем, а потом медленно опускается на него. Лишь тогда Джори решился выглянуть.

Я посмотрел на Холмса.

— Продолжайте, старина, — мягко сказал он. — Пока что у вас замечательно получается. Первоклассная реконструкция. — Я видел, что он не шутит. Тысячи людей назвали бы его холодным и бесстрастным и не ошиблись бы, но вместе с тем он был человеком с большим сердцем. Просто у Холмса оно было защищено лучше, чем у многих.

— Спасибо. Джори увидел, как отец отставляет трость и раскладывает бумаги — две стопки бумаг — на столе. Он не убил отца сразу, хотя и мог бы: вот в чем мрачная патетика всего этого дела и вот почему я и за тысячу фунтов не пойду в гостиную, где они сидят. Разве что вы и ваши люди потащите меня силой.

— Откуда вы знаете, что он не сделал это сразу? — спросил Лестрэд.

— Крик раздался через несколько минут после того, как ключ был повернут и засов задвинут; вы сами это говорили, и, несомненно, со слов слишком многих свидетелей, чтобы можно было сомневаться. Но от двери до стола не больше дюжины шагов. Даже для больного подагрой, вроде лорда Халла, требуется лишь полминуты, ну сорок секунд, чтобы добраться до кресла и сесть в него. Еще секунд пятнадцать, чтобы отставить трость и выложить оба завещания на стол.

Что произошло потом? Что произошло в следующую минуту или две — короткий промежуток, который Джори Халлу должен был казаться бесконечным? Думаю, лорд

Халл просто сидел, переводя взгляд с одного завещания на другое. Джори, скорее всего, легко различал их: пергамент ведь был разного цвета.

Он знал, что отец собирается бросить *одно* из них в печь; думаю, он выжидал, какое именно пойдет туда. В конце концов, еще оставался шанс, что старый черт просто жестоко разыграл семью. Не исключено, что он сожжет новое завещание, а старое положит в сейф. Тогда он выскользнет из кабинета и расскажет семье, что нового завещания, слава Богу, нет. Кстати, Лестрэд, вы знаете, где он? То есть сейф?

— Надо вынуть пять книг из шкафа, — лаконично пояснил Лестрэд, указывая на одну из полок.

— Тогда и семья, и старый хрыч останутся довольны; семья будет знать, что их заслуженное наследство в безопасности, а старик сойдет в могилу с уверенностью, что совершил чуть ли не самый жестокий розыгрыш в истории... но сойдет в могилу как жертва Бога или самого себя, а не Джори Халла.

Холмс и Лестрэд уже в третий раз обменялись странными, то ли веселыми, то ли обеспокоенными, взглядами.

— Лично я полагаю, что старик просто оттягивал момент, как долго воздерживавшийся человек, который держит в руках рюмку и никак не поднесет ко рту. Как бы там ни было, минута прошла, и лорд Халл приподнялся... но с более темным пергаментом в руке, и смотрел он на печь, а не на сейф. Какие бы надежды еще ни питал Джори, они рухнули, и он больше не колебался. Он выполз из укрытия, мгновенно преодолел расстояние между кофейным столиком и письменным столом и вонзил нож в спину отца, прежде чем тот успел встать.

Думаю, вскрытие покажет, что удар пришелся между правым желудочком сердца и легким — это объясняет то, что на стол пролилось мало крови. А также то, что лорд Халл успел вскрикнуть перед смертью, а это здорово подвело Джори Халла.

— Каким образом? — поинтересовался Лестрэд.

— В запертой комнате очень трудно выдать убийство за самоубийство, — пояснил я, глядя на Холмса. Он улыбнулся и кивнул при этой цитате из него самого. — Меньше всего Джори хотел, чтобы все выглядело именно так... запертая комната, запертые окна, а нож у человека торчит в том месте, куда он сам никак не мог его всадить. Думаю, он не предвидел, что его отец умрет с таким пронзительным криком. Он собирался убить его, сжечь новое завещание, устроить разор на столе, открыть окно и выбраться через него. Он вошел бы в дом через другую дверь, уселся на своей скамеечке под лестницей, а когда обнаружат труп, это можно будет выдать за ограбление.

— Адвокат Халла никогда не поверил бы, — усомнился Лестрэд.

— Он мог бы помалкивать, — вмешался Холмс и добавил: — Наш артистичный друг собирался добавить еще несколько мазков. Я давно установил, что наиболее изобретательные убийцы всегда оставляют на месте преступления парочку таинственных следов. — Он издал короткий звук, более похожий на лай, чем на смех, затем перевел взгляд с ближайшего к столу окна на нас с Лестрэдом. — Полагаю, мы все согласны, что в данных обстоятельствах, хотя убийство и выглядело бы достаточно мотивированным, даже в случае протеста адвоката ничего нельзя было бы показать.

— Своим криком лорд Халл все испортил, — сказал я, — как он всю жизнь портил все, чего касался. Весь дом всполошился. Джори был охвачен паникой, он застыл на месте, как олень, застигнутый ярким светом. Все спас Стивен Халл... по крайней мере он обеспечил Джори алиби, с этой самой скамеечкой под лестницей, где он якобы сидел в момент убийства отца. Стивен бросился по коридору из музыкального салона, взломал дверь и, скорее всего, шепнул Джори, чтобы тот немедленно подошел к столу вместе с ним, так что это выглядело бы так, словно они ворвались вмес...

Тут я осекся, потому что меня осенило. Наконец я понял значение взглядов, которыми обменивались Холмс

и Лестрэд. Я понял, что они увидели в тот самый момент, когда я показал им укрытие: *это нельзя было сделать в одиночку*. Убийство — да, но все прочее...

— Стивен сказал, что они с Джори столкнулись у двери кабинета, — продолжал я. — Он, Стивен, взломал дверь, а вошли они вместе и труп обнаружили вместе. Он лгал. Может быть, он хотел прикрыть брата, но лгать так складно, когда человек не знал, что произошло, кажется... кажется...

— *Невозможным* — закончил Холмс, — вот то слово, которое вы ищете, Ватсон.

— Дальше Джори и Стивен действовали вместе, — сказал я. — Они замыслили это вместе... и в глазах закона оба виновны в смерти отца! Боже мой!

— Не оба, дорогой Ватсон, — возразил Холмс с какой-то странной нежностью. — *Все* они.

У меня перехватило дыхание.

Он продолжал:

— Сегодня вас посетило замечательное озарение, Ватсон, в вас зажегся дедуктивный огонь, который, как я боялся, затух навсегда. Я искренне снимаю перед вами шляпу, дорогой друг, как перед человеком, который способен подняться выше своей природы, хотя бы и ненадолго. Но в одном вы остались прежним стариной Ватсоном: вы понимаете, как хороши могут быть люди, но так и не постигли, насколько они *могут* быть мерзки.

Я молча, почти с испугом уставился на него.

— Не то что здесь было так уж много мерзости, если хотя бы половина того, что мы слышали о лорде Халле, правда, — продолжал Холмс. Он встал и принялся раздраженно ходить по кабинету. — Кто свидетельствует, что Джори был со Стивеном, когда тот ломал дверь? Естественно, Джори. Естественно, Стивен. Но на этом семейном портрете еще два лица. Одно принадлежит Уильяму, третьему брату. Вы согласны, Лестрэд?

— Да, — сказал тот. — Если дело обстоит именно так, Уильям тоже принимал участие. Он заявил, что находился

на середине лестницы, когда увидел их обоих, причем Джори был чуть впереди.

— Очень интересно! — У Холмса сверкали глаза. — *Стивен* ломает дверь — естественно, потому что он моложе и сильнее, — значит, надо полагать, что просто под действием момента силы он должен был ворваться в кабинет первым. Однако Уильям, стоя на лестнице, видел, что первым вошел *Джори*. Почему так, Ватсон?

Я только недоуменно покачал головой.

— Спросите себя, чьим показаниям, и *только чьим показаниям*, мы можем доверять безоговорочно. Ответ: единственный свидетель, который не был членом семьи, — слуга Халла, Оливер Стэнли. Он подошел к перилам галереи в тот момент, когда Стивен врывался в комнату, и так оно и было, потому что Стивен в тот момент был один. Уильям же, который со своего места на лестнице видел лучше, заявляет, что видел, как Джори заходит в кабинет впереди Стивена. Уильям сказал так потому, что заметил Стэнли и знал, что он *должен* сказать. Все сводится вот к чему, Ватсон: мы знаем, что Джори был внутри комнаты. Поскольку оба его брата свидетельствуют, что он находился *снаружи*, возникает, по меньшей мере, противоречие. Но то, что, как вы заметили, их показания прекрасно вяжутся между собой, предполагает наличие чего-то более серьезного.

— Сговора, — уточнил я.

— Именно. Помните, я спрашивал вас, Ватсон, верите ли вы в то, что они просто молча разошлись из гостиной в разные стороны, когда услышали щелчок замка в кабинете?

— Да, припоминаю.

— Все *четверо*. — Он взглянул на Лестрэда, который кивнул, а затем снова на меня. — Мы знаем, что Джори должен был вскочить и побежать сразу после того, как отец вышел из гостиной, чтобы попасть в кабинет раньше него, но все четверо членов семьи, включая леди Халл, настаивают, что еще оставались в гостиной, когда лорд Халл заперся в кабинете. Убийство лорда Халла — дело рук всей семьи, Ватсон.

Я был слишком ошеломлен, чтобы что-нибудь сказать. Я взглянул на Лестрэда и заметил на его лице выражение, которое никогда не видел на нем ни до ни после того: какой-то угрюмой усталости.

— Что их может ждать? — почти добродушно спросил Холмс.

— Джори, конечно, повесят, — ответил Лестрэд. — Стивен получит пожизненное заключение. Уильяму Халлу тоже могут дать пожизненное, но скорее двадцать лет в Уормвуд-Скрабз — своего рода погребение заживо.

Холмс нагнулся и потрогал холст, натянутый между ножками кофейного столика. Раздался этот странный звук, похожий на скрежещащее мурлыканье.

— Леди Халл, — продолжал Лестрэд, — может рассчитывать на пять лет в Бичвуд-Манор, который заключенные называют между собой Сифилисным дворцом... хотя, познакомившись с этой дамой, я склонен подозревать, что она найдет другой выход. Скорее всего, опий своего мужа.

— А все потому, что Джори Халлу не удался чистый удар, — заметил Холмс со вздохом. — Если бы старик умер молча, все было бы замечательно. Джори ушел бы, как предположил Ватсон, через окно, прихватив с собой холст, разумеется... не говоря уже о ложных тенях. Вместо этого он переполошил весь дом. Все слуги сбежались, рыдая над мертвым хозяином. Семья в расстройстве. Как шатко оказалось их везение, Лестрэд! Далеко ли был констебль, когда Стэнли вызвал его?

— Ближе, чем вы полагаете, — ответил Лестрэд. — Сразу же прибежал. Он проходил мимо и был у ворот, когда услышал крик из дома. Их везение действительно *оказалось* шатким.

— Холмс, — спросил я, чувствуя себя немного увереннее в своей прежней роли, — откуда вы знали, что констебль оказался так близко?

— Святая простота, Ватсон. В противном случае, пока слуги бегали бы за полицией, семья успела бы спрятать холст и «тени».

— И открыть по крайней мере одно окно, надо полагать, — добавил Лестрэд необычно тихим голосом.

— Они *могли* спрятать холст и тени, — вдруг произнес я. Холмс повернулся ко мне:

— Да.

Лестрэд поднял брови.

— Им пришлось выбирать, — пояснил я. — Времени оставалось только на то, чтобы либо сжечь новое завещание, либо избавиться от декораций... конечно, этот вопрос стоял только перед Стивеном и Джори, когда Стивен ворвался в дверь. Они — или, если вы правильно поняли их характеры, а я надеюсь, что вы поняли, — *Стивен*, решил сжечь завещание и надеяться на лучшее. Видимо, он едва успел сунуть его в печь.

Лестрэд оглянулся на печь и отвел глаза.

— Только такой мерзавец, как лорд Халл, нашел бы в себе силы заорать перед смертью, — пробурчал он.

Холмс и Лестрэд посмотрели друг на друга, и опять что-то промелькнуло между ними, какое-то тайное общение, от которого я был отлучен.

— Вы когда-нибудь делали это? — спросил Холмс, будто возобновляя прерванный разговор.

Лестрэд покачал головой.

— Один раз чуть не сделал, — ответил он. — В деле была замешана девушка, по существу она была не виновата. Я чуть не пошел на это. Но... только один раз.

— А здесь четверо, — возразил Холмс, прекрасно понимая его. — Четыре человека, над которыми издевался подлец, которому так или иначе оставалось жить, не больше шести месяцев.

Я, наконец, понял, что они обсуждают.

Холмс обратил свои серые глаза на меня:

— Что скажете, Лестрэд? Ватсон раскрыл это дело, хотя и не полностью. Может, предоставим ему решать?

— Ладно, — резко пробурчал Лестрэд. — Давайте быстрее. Я хочу убраться из этой проклятой комнаты.

Ничего не говоря, я нагнулся, подобрал войлочные тени, скатал их вместе и сунул в карман пиджака. Чувст-

вовал я себя при этом отвратительно, как во время приступа лихорадки, которая чуть не унесла мою жизнь в Индии.

— Замечательно, Ватсон! — воскликнул Холмс. — Вы успели раскрыть ваше первое дело, стать соучастником убийства, а еще даже рано пить чай! А вот и мой сувенир — подлинник Джори Халла. Вряд ли он подписан, но что бы нам ни посылали боги в такие дождливые дни, надо быть благодарным. — Перочинным ножом он освободил холст от клея, которым тот был прикреплен к ножкам кофейного столика. Он сделал это очень быстро: минуту спустя он уже засовывал свернутый в узкую трубочку холст во внутренний карман своего широкого пальто.

— Мне досталась самая грязная работа, — пробурчал Лестрэд, но подошел к одному из окон и, поколебавшись, отпустил задвижку и чуть-чуть приоткрыл его.

— Скажем, грязная работа осталась недоделанной, — почти весело заметил Холмс. — Пойдемте, джентльмены?

Мы направились к двери. Лестрэд открыл ее. Один из констеблей спросил, продвинулось ли следствие.

В других обстоятельствах Лестрэд продемонстрировал бы подчиненному свои знания не употребительной в приличном обществе лексики. Сейчас же он лишь коротко произнес:

— Похоже, попытка ограбления вылилась в нечто худшее. Я, конечно, заметил сразу; Холмс чуть позже.

— Плохо дело! — воскликнул второй констебль.

— Да, — сказал Лестрэд, — но, по крайней мере, крик старика заставил вора скрыться, ничего не взяв. Оставляйтесь тут.

Мы вышли. Дверь гостиной была открыта, но я отвернулся, когда мы проходили мимо. Холмс, конечно же, заглянул туда: он иначе не мог. Таким уж он был создан. Я же никогда не видел никого из членов этой семьи. И не хотел.

Холмс снова засопел. Его приятель терся о ноги и мяукал с лучезарным видом.

— Пошли отсюда, — сказал Холмс и чихнул.

Через час мы снова очутились на Бейкер-стрит, 221В, почти в том же положении, какое занимали, когда подъехал Лестрэд: Холмс у подоконника, я на диване.

— Ну, Ватсон, — будничным тоном спросил Холмс, — как вы сегодня будете спать?

— Как убитый, — ответил я. — А вы?

— Точно так же, уверен, — сказал он. — Я чертовски рад, что убрался от этих проклятых кошек, вот что я вам скажу.

— А как, по-вашему, будет спаться Лестрэду?

Холмс с улыбкой взглянул на меня:

— Сегодня плохо. И, наверное, еще с неделю. А потом он успокоится. Среди прочих Лестрэд обладает талантом творческого забывания.

Я расхохотался.

— Смотрите, Ватсон! — воскликнул Холмс. — Вот вам! — Я поднялся и подошел к окну, почти уверенный, что опять увижу Лестрэда в дрожках. Вместо этого солнце вышло из-за туч, заливая Лондон замечательным дневным светом.

— Оно вышло в конце концов, — радовался Холмс. — Чудесно, Ватсон! Испытываешь наслаждение от того, что живешь! — Он взял скрипку и принялся играть; лицо его было озарено солнцем.

Я взглянул на барометр и заметил, что он падает. Это вызвало у меня такой неудержимый хохот, что пришлось сесть. Когда Холмс слегка раздраженным тоном спросил, в чем дело, я мог лишь покачать головой. Правду сказать, я не уверен, понял ли он что-нибудь. Ум у него работал совсем в другом направлении.

Нищий и алмаз

Эта маленькая история — индуистская притча в своем первоначальном виде — была впервые рассказана мне в Нью-Йорке мистером Сурендой Пателем. Я переделал ее как считал нужным, и приношу свои извинения тем, кто знаком с ней в ее истинной форме, где главными героями являются бог Шива и его жена Парвати.

Однажды архангел Уриэль пришел к Богу с расстроенным лицом.

— Чем обеспокоен ты? — спросил его Бог.

— Я увидел нечто весьма печальное, — ответил Уриэль и указал себе под ноги. — Вон там, внизу.

— На Земле? — улыбнулся Бог. — А-а! Там нет недостатка в страданиях! Ну что ж, посмотрим.

Они наклонились вместе, посмотрели вниз и далеко под собой увидели одетую в лохмотья фигуру человека, который тащился по деревенской дороге на окраине Чандрапура. Он был очень худ, этот человек, а его ноги и руки были покрыты струпьями. Нередко за ним с лаем увязывались собаки, но человек никогда не оборачивался, чтобы отогнать их, даже если они хватали его за пятки; он просто тащился вперед, опираясь на палку и хромя на правую ногу. Однажды компания красивых, сытых детей, выпавшая из большого дома, со смехом принялась бросать в него камни, когда человек в лохмотьях протянул в их сторону свою нищенскую миску.

— Уходи отсюда, мерзкая тварь! — крикнул один из детей. — Убирайся в поле и умирай там!

Услышав такие слова, архангел Уриэль заплакал.

— Ну-ну. — Бог похлопал его по плечу. — Я думал, что ты сделан из более прочного материала.

— Да, конечно, — ответил Уриэль, вытирая глаза. — Просто мне показалось, что этот человек внизу олицетворяет собой все несчастья и лишения, выпавшие на долю сыновей и дочерей Земли.

— Ну, разумеется, олицетворяет, — кивнул Бог. — Это ведь Раму, и это его работа. Когда он умрет, его заменит другой. Это почетный труд.

— Возможно, — сказал Уриэль, закрывая глаза и вздрагивая всем телом, — но мое сердце не выдерживает такого зрелища. Его печаль отчаяньем наполняет его.

— Отчаянье здесь недопустимо, — заметил Бог, — и потому я должен принять меры, чтобы изменить то, что вызвало его у тебя. Смотри сюда, мой добрый архангел.

Уриэль поднял голову и увидел, что Бог держит в руке алмаз размером с павлинье яйцо.

— Алмаз такого размера и чистоты сможет накормить Раму до самой смерти и обеспечить его потомков до седьмого колена, — сказал Бог. — По сути, алмаза лучше этого нет на Земле. А теперь... посмотри... — Наклонившись вперед, он оперся на руки и колени и опустил алмаз между двумя прозрачными облаками. Бог точно рассчитал падение камня, и тот упал посреди дороги, по которой шел Раму.

Алмаз был таким большим и тяжелым, что, будь Раму помоложе, он несомненно услышал бы, как он ударился о землю, однако слух у Раму сдал за последние годы, равно как и легкие, спина и почки. Только зрение оставалось у него таким же острым, как и прежде, когда ему был двадцать один год.

Тем временем Раму поднимался по дороге на пригорок, ничего не зная об огромном алмазе, который лежал, сверкая и светясь, в туманном сиянии солнечного света по другую сторону вершины; остановившись и все так же опираясь на свою палку, Раму глубоко вздохнул, и вздох его перешел в жестокий кашель. Держась за палку обеими руками, Раму старался унять приступ, и в тот самый миг, когда кашель стал ослабевать, палка — старая и сухая и почти такая же сносившаяся, как сам Раму, — сломалась с сухим треском, так что старик упал лицом в пыль.

Он лежал в пыли, глядя на небо, и не понимал, почему Бог так жесток к нему.

Я пережил всех, кого любил, думал он, но не тех, кого ненавижу. Я стал таким старым и безобразным, что собаки

лают на меня, а дети бросают в меня камни. За последние три месяца мне не удалось съесть ничего, кроме объедков, и уже десять лет я не могу вкусно пообедать в кругу семьи и друзей. Я странник на лице Земли; у меня нет своего дома; сегодня я буду спать под деревом или под забором, и у меня не будет крыши, чтобы укрыться от дождя. Я весь в струпьях, боль в спине не отпускает, а когда я мочусь, то вижу кровь там, где ее не должно быть. Мое сердце так же пусто, как миска для подаяний.

Раму медленно встал, не подозревая, что впереди, меньше чем в шестидесяти футах, пригорок скрывает от его по-прежнему острого взгляда самый большой в мире алмаз, и посмотрел на прозрачное голубое небо.

— Господи, как я несчастен, — проговорил он. — У меня нет ненависти к Тебе, но я боюсь, что Ты не друг ни мне, ни всем остальным людям.

Сказав это, он почувствовал себя немного лучше и поплелся дальше, приостановившись лишь для того, чтобы поднять более длинную часть сломавшейся палки. Так он ковылял, упрекая себя за излишнюю жалость к себе и за свою неблагодарную молитву.

Ведь у меня есть за что благодарить Господа, решил он. Во-первых, день на редкость красив, а во-вторых, хотя мое здоровье и пошатнулось, зрение по-прежнему позволяет мне видеть это. Подумать только, ведь я мог бы и ослепнуть!

Чтобы представить себе это, Раму смежил веки и двинулся вперед, нащупывая дорогу обломком палки, как это делает своей тростью слепой. Тьма была беспросветной, он не видел ни зги. Скоро Раму потерял представление о том, идет ли он в прежнем направлении, как и раньше, или свернул к обочине дороги и вот-вот свалится в канаву. Мысль о том, что при этом станет с его старыми хрупкими костями испугала его, но Раму не открыл глаз, продолжая неуверенно переставлять ноги.

— Вот это именно то, что отучит тебя от неблагодарности, старик, — сказал он себе. — Ты проведешь остаток дня, поминая, что хотя ты и нищ, но все же не слеп, и потому будешь чувствовать себя счастливым!

Раму не свалился в канаву ни по одну сторону дороги, ни по другую, но постепенно стал забирать вправо, а, миновав вершину, пошел вдоль обочины, так что громадный алмаз остался, сверкая, лежать в пыли, хотя левая нога Раму ступила меньше чем в двух дюймах от него.

Ярдов через тридцать Раму поднял веки. Яркий летний свет хлынул ему в глаза, и Раму показалось, что этот свет проникает даже ему в мозг. С радостью посмотрел он на пыльное голубое небо, на пыльные желтые поля, на утопанную серебряную ленту дороги, по которой шел. Раму улыбнулся, заметив, как птица перелетает с одного дерева на другое, и хотя он ни разу не оглянулся на огромный алмаз, лежащий совсем близко позади, болячки и хвори отступили.

— Благодарю тебя, Господи, за зрение! — воскликнул он. — Спасибо Всевышнему и за это! Может, я увижу на дороге что-нибудь ценное — старую бутылку, которую можно продать на базаре за деньги, или даже монету, но даже если я ничего не увижу, буду смотреть, сколько захочу. Спасибо Тебе, Господи, за зрение! Спасибо за то, что Ты есть!

И с этими словами, довольный, он пошел дальше, оставив алмаз позади. Тогда Бог протянул руку и, подбрав алмаз, вернул его на прежнее место под горой в Африке, откуда достал. Затем, словно вспомнив что-то (если про Бога можно сказать, что Он что-то вспомнил), Бог отломил ветку железного дерева в вельде и бросил ее на дорогу, что вела в Чандрапур, точно так же, как он бросил алмаз.

— Разница в том, — сказал Бог Уриэлю, — что наш друг Раму заметит ветку и она послужит ему палкой до конца его жизни.

Уриэль с сомнением посмотрел на Бога (как почти всякий — даже архангел — может смотреть на пылающее лицо).

— Вы преподали мне урок, Господи?

— Не знаю, — вежливо отозвался Бог. — Ты так считаешь?

НИЖЕ ГОЛОВУ

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Здесь я, Постоянный Читатель, должен сообщить тебе, что это не рассказ, а очерк — почти дневник. Первая публикация — в журнале «Нью-Йоркер» весной 1990 года.

С. К.

— Ниже голову! Голову держи *ниже!*

Это далеко не самое трудное в спорте, но всякий, кто хоть раз пробовал, скажет, что это весьма непросто: ударить круглой битой по круглому мячу так, чтобы попасть точно по пуговке. Настолько непросто, что очень немногие, те, у кого это здорово получается, становятся богатыми и знаменитыми идолами: такие, как Хосе Кансеко, Майк Гринуэлс, Кевин Митчелл. Тысячи мальчишек (и немало девчонок) гоняются именно за их фотографиями, а не таких звезд, как Эксл Роуз или Бобби Браун; их портреты висят на почетных местах на стенах общежитий и дверцах шкафчиков в рабочих раздевалках. Сегодня Рон Сен-Пьер учит некоторых из этих мальчишек — тех, которые будут представлять Западный Бангор в играх на первенство третьего округа юношеской лиги, — как бить круглой битой по круглому мячу. Сейчас он занимается с мальчиком по имени Фред Мур, а мой сын Оуэн стоит рядом и внимательно наблюдает. Он следующий в очереди к Сен-Пьеру. Оуэн плотный и широкоплечий, как и его старик; Фред выглядит болезненно худым в своем ярко-зеленом свитере. И у него не получается.

— *Ниже голову, Фред!* — орет Сен-Пьер. Он на полпути между базой дома¹ и подушкой на одной из двух игровых площадок юношеской лиги за заводом «Кока-Кола» в Бангоре; Фред почти добежал до стенки. День жаркий, но даже изнемогая от жары, ни Фред, ни Сен-Пьер этого не показывают. Они поглощены тем, что делают.

— *Ниже!* — снова кричит Сен-Пьер и делает мощную подачу.

Фред ныряет под мяч. Раздается резкий звук — будто кто-то стучит ложкой по оловянной миске. Мяч ударяется о забор и рикошетом чуть не сносит ему шлем². Оба смеются, затем Сен-Пьер вынимает другой мяч из красной пластиковой корзины под ногами.

— *Приготовиться, Фредди!* — кричит он. — *Ниже голове!*

3-я группа штата Мэн настолько велика, что ее пришлось поделить надвое. Половину ее представляют команды округа Пенобскот, другую — команды округов Арустук и Вашингтон. В сборную отбирают лучших ребят из всех юношеских команд группы. В чемпионате одновременно состязаются до дюжины команд. К концу июля в

¹ *База дома (или просто дом).* В бейсбол играют на поле в виде ромба со стороной в 90 футов (27, 4 м). Углы поля называются *базами*. База дома — это исходная точка, за которой следуют первая, вторая и третья базы. В отличие от других игр с мячом, поле не делится между командами — они просто чередуются в роли атакующих и обороняющихся. Игрок атакующей команды, называемый *подающим* (питчером), бросает мяч, стоя на *подушке* — резиновом мате. *Отбивающие* (баттеры) отбивают мяч алюминиевыми битами и во время его полета перебегают от одной базы к другой. Игроки обороняющейся команды стараются поймать мяч и *засалить* им перебегающего противника. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

² *Шлем.* Бейсбольный мяч летит с огромной скоростью и может сильно травмировать игрока. Поэтому бейсболисты носят защитную амуницию — шлем, поножи, маску и т. п. доспехи, а также огромные перчатки.

финальной игре определяется команда-чемпион группы. Эта команда представляет группу в чемпионате штата, и бангорская команда попала в его финал впервые за восемнадцать лет.

В этом году первенство штата разыгрывается в Олд-Тауне, городе, где изготавливают каноэ. Четыре из пяти команд вернутся оттуда домой. Пятая будет представлять Мэн на Восточном региональном турнире в Бристоле, Коннектикут. А тамошний победитель поедет на финал юношеской лиги в Уильямспорт, штат Пенсильвания. О таких высотах игроки «Уэст-Бангора», естественно, даже и не мечтают: им бы выиграть у «Миллинокета», первого соперника в округе Пенобскот. Тренерам, однако, дозволено мечтать — более того, они *обязаны* мечтать.

На этот раз Фред, главный весельчак в команде, слишком пригибает голову. Он ударяет слабо и не добивает до линии первой базы метров шесть.

— Смотри, — говорит Сен-Пьер, доставая другой мяч. Он держит его. Мяч потертый, грязный, вывожен в траве. Тем не менее это бейсбольный мяч, и Фред глядит на него с уважением. — Сейчас покажу тебе фокус. Где мяч?

— У вас в руке, — говорит Фред.

Сен, как называет его главный тренер команды Дейв Мэнсфилд, ибо это означает «святой», опускает мяч в перчатку. — А теперь?

— У вас в перчатке.

Сен поворачивается в профиль; вторая его рука залазит в перчатку.

— А теперь?

— У вас в руке. Я так думаю.

— Ты прав. Так вот, следи за моей рукой. Следи за рукой, Фред Мур, и жди, когда в ней покажется мяч. Ты ищешь мяч. Больше ничего. Только мяч. Я тебе только мешаю. Зачем тебе вообще смотреть на меня? Тебе интересно, улыбаюсь ли я? Нет. Ты хочешь увидеть, как

он появится — сбоку, или у меня над головой, или в три четверти фас? Ты ждешь?

Фред кивает.

— Следишь?

Фред снова кивает.

— Годится, — говорит Сен-Пьер и снова начинает отбатывать удар битой.

На этот раз Фред верно направляет мяч: сильным, точным ударом в правое поле.

— Хорошо, — кричит Сен. — Вот это то, что надо, Фред Мур! — Он оттирает пот со лба. — Следующий отбивающий!

Дейв Мэнсфилд, плотный, бородатый мужчина, который ходит в авиационных очках и тенниске с надписью «Студенческий чемпионат» (это талисман), приносит бумажный мешок на матч «Уэст-Бангор» — «Миллинокет». В нем шестнадцать флажков разного цвета. На каждом написано «БАНГОР», по одну сторону от надписи изображен омар, по другую — сосна. Как только по громкоговорителю, прикрепленному к забору, объявляют очередного игрока «Уэст-Бангора», тот берет флажок из мешка в руках Дейва, перебегает поле и отдает флажок игроку противника.

Дейв — шумный, подвижный человек, который обожает бейсбол и мальчишек, играющих в него на этом уровне. Он считает, что в играх юношеской лиги следует ставить две цели: доставить команде удовольствие и победить. И то и другое важно, говорит он, но главное, чтобы все шло в строгом порядке. Флажки не для того, чтобы выбить из колеи соперников, а просто для развлечения. Дейв знает, что ребята из обеих команд запомнят эту игру, и хочет, чтобы у миллинокетских остался сувенир. Только и всего.

Игроки «Миллинокета», видимо, удивлены подаркам и не знают, что делать с флажками, как вдруг из чьего-то кассетного магнитофона доносится гимн «Звездно-полосатое знамя» в исполнении Аниты Брайант. Миллинокетский принимающий, которого и не видно за доспехами, решает проблему просто: прикрепляет бангорский флажок над сердцем.

Покончив с любезностями, «Уэст-Бангор» наносит резкий и сокрушительный удар: счет матча 18:7 в его пользу. Проигрыш, однако, не умаляет ценности сувениров: когда миллинокетцы уезжают автобусом, в раздевалке гостей остаются лишь несколько пустых чашек и палочек. Все до единого флажки исчезли.

— Подрежь *двойной!* — кричит Нил Уотермен, полевой тренер «Уэст-Бангора». — Подрежь двойной, подрежь двойной!

Следующий день после игры с «Миллинокетом». Команда собирается на тренировку, хотя еще рано. Команда поредела. Это понятно: родители не всегда соглашаются менять свои планы на лето, чтобы дети продолжали играть в чемпионате юношеской лиги по окончании официального сезона в июне, а иногда самим ребятам надоедают утомительные тренировки. Они с большей охотой катаются на велосипедах, роликовых досках или просто крутятся возле бассейна, поглядывая на девочек.

— Подрежь двойной! — орет Уотермен. Это невысокий плотный мужчина в шортах цвета хаки и с короткой стрижкой. Вообще-то он преподаватель и тренер по баскетболу в колледже, но этим летом он пытается вдолбить мальчишкам, что бейсбол имеет гораздо больше общего с шахматами, чем принято считать. Понимай свою игру, не устает повторять он. Самое важное — в любой ситуации видеть свою конкретную цель и уметь поразить ее. Знать, кому подыгрываешь. Он терпеливо объясняет им истину, на которой зиждется игра: в первую очередь ты играешь головой, а не руками и ногами.

Райан Ярробино, игрок центрального поля¹ «Уэст-Бангора», резко посылает мяч Кейси Кинни на второй базе. Кейси салит невидимого игрока, разворачивается и бьет в

¹ Игровая площадка состоит из *центрального* — основного — внутреннего поля в форме ромба и примыкающих к нему боковых полей. Все вместе они образуют так называемый *бриллиант*.

сторону базы дома, где Дж. Дж. Фидлер парирует удар и отправляет мяч обратно к Уотермену.

— Двойная передача! — кричит Уотермен и направляет мяч Мэтту Кинни (не родственнику Кейси). Мэтт на сегодняшней тренировке в роли шорт-стопа¹. Мяч смешно подскакивает, и вот он уже летит левее центра. Мэтт сбивает его на землю, подбирает и подает Кейси на вторую базу; тот разворачивается и отбивает Майку Арнольду, который стоит на первой. Майк отправляет мяч на базу дома к Джей Джею Фидлеру.

— Замечательно! — кричит Уотермен. — Отлично сделано, Мэтт Кинни! *Классная работа!* Два-один! На выход, Майк Пелки! — Имя и фамилия. Всегда имя и фамилия. В команде одни Мэтты, Майки и половина с фамилией Кинни.

Удары выполняются безупречно. Майк Пелки, второй подающий «Уэст-Бангора», стоит точно там, где ему положено быть, и подбивает за первым. Он не всегда успевает это делать, но на сей раз срабатывает четко. Он ухмыляется и не спеша возвращается к подушке, пока Нил Уотермен готовится разыграть следующую комбинацию.

— Это лучшая юношеская команда, которую я видел за много лет, — говорит Дейв Мэнсфилд через несколько дней после того, как «Уэст-Бангор» разгромил «Миллинокет». Он отправляет в рот пригоршню подсолнечных семечек и начинает их разжевывать. Время от времени он сплевывает шелуху. — Не думаю, что их можно победить — по крайней мере, в этой группе некому.

Он смолкает и смотрит, как Майк Арнольд срывается с первой базы к дому, хватается за флажок и несется к

¹ *Шорт-стоп* — игрок, задача которого заключается в том, чтобы остановить игрока противника, подбегающего к базе дома после пробежки через все базы, попав в него мячом.

мешку¹. Он выворачивает руку назад — и вот уже в ней мяч. Майк Пелки еще на подушке; в этот раз он забыл, что его дело подбивать, и мешок остается незащищенным. Он бросает виноватый взгляд на Дейва. Потом расплывается в лучезарной ухмылке и готовится повторить это движение. В следующий раз он-то сделает правильно, но не растеряется ли он во время игры?

— Конечно, мы можем сами продуть, — говорит Дейв. — Обычно именно так и бывает. — И во всю мощь легких рывкает: — *Ты где, Майк Пелки? Твое дело подбивать за первым!*

Майк кивает и трусит обратно — лучше поздно, чем никогда.

— «Брюэр», — Дейв качает головой. — С «Брюэром» на их поле. Там будет туго, с «Брюэром» всегда туго.

«Уэст-Бангор» выиграл первую игру на выезде с «Брюэром», хотя и не с разгромным счетом, но без особого напряжения. Мэтт Кинни, первый подающий команды, в хорошей форме. Он бьет не очень сильно, но мяч у него крадется понизу, как змея, к тому же он неплохо владеет резаной подачей. Рон Сен-Пьер любит говорить, что любой подающий юношеской лиги считает, что умеет забивать навесные мячи.

— То, что они считают навесом, на самом деле просто пустая конфетная обертка, — говорит он. — Любой отбивающий с каплей самообладания запросто отразит такой мяч.

Но Мэтт Кинни действительно забивает навесные, и сегодня он приносит команде восемь очков. И, что гораздо важнее, только четыре проигрывает. Проходы² — это проклятие любого тренера юношеской лиги.

— Они убивают, — говорит Нил Уотермен. — Проходы каждый раз убивают. Без единого исключения. Шес-

¹ Мешок — участок поля напротив подушки.

² Проход — пробежка игрока через все базы, приносящая очко команде, если противнику не удастся его засалить.

тьдесят процентов отбивающих не допускают проходов противника в юношеских играх. — Но не в этой игре: двое отбивающих пропустили проходы Кинни на второй базе, двое других просто хлопали ушами. Только один из отбивающих «Брюэра» попадает в цель: Дениза Хьюз, центральный кетчер¹.

Когда исход игры не вызывает сомнений, Мэтт Кинни, мрачноватый парень с почти невероятным самообладанием, одаряет Дейва редкой для себя улыбкой, обнажая ряд ровнехоньких шинок.

— А она умеет *попадать!* — чуть ли не почтительно замечает он.

— Погоди до игры с «Хэмпденом», — сухо предупреждает Дейв. — Там все попадают.

Когда команда «Хэмпден» 17 июля показывается на поле «Уэст-Бангора» позади завода «Кока-Кола», она быстро подтверждает правоту Дейва. Майк Пелки играл хорошо и был повнимательнее, чем в игре с «Миллинокетом», но для ребят из «Хэмпдена» отнюдь не был загадкой. Майк Тардиф, крепко сбитый парень с невероятно быстрой реакцией, в первом же иннинге² отбивает посланный Пелки мяч далеко за забор, в сторону базы дома. Во втором иннинге «Хэмпден» набирает еще два очка и ведет 3:0.

В третьем, однако, «Уэст-Бангор» вырывается вперед. «Хэмпден» хорошо подает, ловко отбивает, но кетчеры у них, особенно в центре поля, оставляют желать лучшего. «Уэст-Бангор» имеет три попадания и с пятью штрафными и двумя проходами завершает семь иннингов. Так часто

¹ *Кетчер* — игрок обороняющейся команды, пытающийся поймать мяч и засалить им бегущего.

² *Иннинг* — период матча, в течение которого команды поочередно атакуют и обороняются. Матчи у взрослых играются до девяти иннингов, у юношей — до шести. Ничьи в бейсболе не допускаются, поэтому в случае равенства очков в основное время играются дополнительные иннинги, что и происходит в конце очерка.

бывает в юношеской лиге, и после семи иннингов игра обычно заканчивается, но нет — противник упорно отбивается, заработав два очка, атакуя в третьем иннинге, и еще два — в пятом. К концу шестого он отстает всего на три очка — 10:7.

Кайл Кинг, двенадцатилетний мальчишка, который в тот вечер впервые выступал за «Хэмпден», в шестом иннинге делает дубль. Потом Майк Пелки салит Майка Тардифа. Майк Уэнтворт, новый подающий «Хэмпдена», дает короткую передачу, Кинг и Уэнтворт подхватывают пущенный мяч, но вынуждены остановиться, когда Джефф Карсон резаным ударом направляет мяч обратно подающему. Затем Джош Джеймисон, один из пяти игроков на базе дома «Хэмпдена», дважды подает удачно и дважды — нет. Это последний иннинг; у Майка, хотя он явно устал, открывается второе дыхание, и он опережает Джеймисона на одну-две подачи. Игра окончена.

Подростки выстраиваются и приветствуют друг друга, как освящено обычаем, но ясно, что не один Майк вымотан этой игрой; все они, с опущенными плечами и сгорбленные, выглядят как проигравшие. «Уэст-Бангор» теперь ведет 3:0 в своем округе, но эта победа — просто счастливая случайность; так часто проходят игры в юношеской лиге, выматывая все нервы зрителям, тренерам, да и самим спортсменам. Обычно уверенная на поле, сегодня команда «Уэст-Бангор» совершила не менее пяти грубых ошибок.

— Я всю ночь не спал, — бормочет Дейв на тренировке на следующий день. — Черт побери, мы ведь играли хуже. Мы должны были проиграть.

Через два дня он увидит нечто, что повергнет его в еще большее уныние. Они с Роном Сен-Пьером поехали за десять километров в Хэмпден, чтобы посмотреть, как Кайл Кинг и его товарищи играют с «Брюэром». Это не была разведка: «Бангор» уже сыграл и с тем, и с другим клубом, и оба тренера вели записи. На самом деле они надеются увидеть, как признается Дейв, как «Брюэру» повезет и он

вырубит «Хэмпден». Этого не происходит; им предстоит увидеть не бейсбольный матч, а учебные стрельбы.

Джош Джеймисон, который только что победил в единоборстве с Майком Пелки, разносит в пух и прах всех игроков противника. И не только Джеймисон. Карсон салит одного, Уэнтворт еще одного, а Тардиф двоих. Окончательный счет 21:9 в пользу «Хэмпдена».

На обратном пути в Бангор Дейв Мэнсфилд все время лузгает семечки и ничего не говорит. Нарушает он молчание, только заводя свой старый зеленый «шевроле» на грязную площадку рядом с заводом «Кока-Кола».

— Нам случайно повезло во вторник вечером, и они это знают, — произносит он. — Когда мы в четверг явимся туда, они будут нас ждать.

Длина граней бриллиантов, на которых команды 3-й группы разыгрывают драму в шести иннингах, примерно одинакова везде — полуметром больше или меньше. Все тренеры носят в кармане книжку правил и часто туда заглядывают. Дейв любит говорить, что свериться лишний раз никогда не повредит. Внутреннее поле — это ромб со стороной двадцать метров, центром которого является пластина¹. Загородка, согласно правилам, должна отстоять от базы дома не менее чем на шесть метров, дабы и кетчер, и бегущий могли перехватить посланный мяч. Заборам положено быть примерно в 60 метрах от пластины. На поле «Уэст-Бангора» они фактически находятся в 63,5 метрах от центра. А в Хэмпдене, где играют такие меткие забойщики, как Тардиф и Джеймисон, — не более чем в 54 метрах.

Самый строго соблюдаемый параметр в то же время и самый важный — расстояние от подушки подающего до центра пластины. Тринадцать метров — не больше и не меньше. Никому не придет в голову сказать: «А-а, небольшое отклонение, пусть будет так». Все юношеские коман-

¹ Пластина — мат рядом с базой дома, на котором стоят отбивающие.

ды живут и погибают на этих тринадцати метрах между двумя точками, где происходит самое главное.

По прочим параметрам поля в 3-й группе различаются существенно, и достаточно мельком взглянуть на поле, чтобы понять, как в данной местности относятся к игре. Поле в Уэст-Бангоре в очень плохом состоянии — это бедный родственник, которому мало что перепадает из городского бюджета. Почва глинистая, в дождь поле превращается в болото, а в жару, как этим летом, делается такой твердой, словно бетон. Края поля поливают, так что трава там более или менее свежая, но игровая часть безнадежна. Дорожки поросли чахлой травой, но пространство между подушкой и пластиной совершенно голое. Загородка проржавела; мощно поданные мячи часто проскакивают в широкий зазор между землей и натянутой цепью. Между правым и центральным полями намело две большие, горбатые дюны. Они дают немалое преимущество хозяевам поля. Игроки «Уэст-Бангора» учатся подбивать отлетающие рикошетом от них мячи, как это делают левые полевые игроки бостонской команды «Ред сокс». Приезжие, напротив, часто не могут догнать отлетевший от дюн до самого забора мяч.

Площадка «Брюэра», зажата между бакалейным магазином и универмагом, оснащена, наверное, самым старым и ржавым игровым оборудованием в Новой Англии; малышам приходится смотреть игры с качелей, головой вниз и задрав ноги в небо.

Площадка школы имени Боба Била в Мачиасе, вся усыпанная крупной галькой, — видимо, худшая из всех, на которых придется играть «Уэст-Бангору» в этом сезоне; поле «Хэмпдена», где трава по краям аккуратно подстрижена, а игровая площадка аккуратно посыпана песочком, несомненно, самое лучшее. Вдоль забора можно устраивать пикники, а в раздевалке даже имеется бар, так что поле «Хэмпдена» в тылу ратуши напоминает спортплощадку для детей богатеньких. Но внешность обманчива. Команда состоит из хэмпденских и ньюбергских ребят, а Ньюберг — это просто деревня. Многие из этих парнишек

приезжают на матчи в стареньких машинах, где наружный слой краски давно облупился, а грунтовка вокруг фар и глушителей заклеена мелкой сеткой, чтобы совсем уж не обнажился металл; их загар получен в поле, а не в плавательном бассейне. Городские и сельские мальчишки. Когда же они все в одинаковой форме, то уже не имеет значения, кто откуда.

Дейв прав: болельщики из Хэмпдена и Ньюберга ждут. «Уэст-Бангор» последний раз выиграл первенство 3-й группы в 1971 году; «Хэмпден» ни разу не был чемпионом, и многие местные болельщики еще надеются, что в этом сезоне у них получится, хотя они и проиграли «Уэст-Бангору». Впервые бангорской команде приходится туго: ей противостоит масса чужих болельщиков.

Мэтт Кинни начинает игру. «Хэмпден» выставляет против него Кайла Кинга, и матч сразу же становится одним из самых ярких в играх юношеской лиги благодаря состязанию двух классных подающих. В конце третьего иннинга счет 0:0.

В разгар четвертого «Уэст-Бангору» достаются два незаработанных очка, когда отбивающие «Хэмпдена» утрачивают взаимодействие. Оуэн Кинг, стоящий на первой базе «Бангора», отбивает два мяча и один пропускает. Два Кинга — Кайл из «Хэмпдена» и Оуэн из «Бангора» — вовсе не родственники. Незачем об этом и говорить, достаточно посмотреть. У Кайла Кинга рост сто шестьдесят два. Со своими ста восьмьюдесятью семью Оуэн Кинг возвышается над ним, как башня. Разница в росте на матчах юношеской лиги бывает столь велика, что любого может поставить в тупик.

Бангорский Кинг подает по низу короткую передачу. Это ювелирная работа, но хэмпденское ограждение не дает мячу пройти чисто, и Кинг, вкладывая в удар все свои девяносто с лишним килограммов, успевает подрезать. Майк Пелки и Майк Арнольд мчатся к дому.

Потом, в начале пятого иннинга, Мэтт Кинни, который носится туда-сюда, салит Криса Уиткома, восьмого номера

«Хэмпдена». Бретт Джонсон, девятка «Хэмпдена», обыгрывает Кейси Кинни, стоящего на второй базе «Бангора». Это тоже мастерски посланный мяч, и Кейси его пропускает. Руки, которые он автоматически опустил, замирают в десяти сантиметрах от земли, и Кейси отворачивается, чтобы подскочивший мяч не ударил его в лицо. Это наиболее распространенная ошибка в юношеских матчах, и она вполне понятна — простой инстинкт самосохранения. Перепуганный взгляд, который Кейси бросает на Дейва и Нила, пока мяч проскакивает в центр поля, завершает эту балетную сценку.

— Все в порядке, Кейси! В следующий раз! — орет Дейв своим скрипучим голосом самоуверенного янки.

— Новый отбивающий! — орет Нил, совершенно не замечая взгляда Кейси. — Новый отбивающий! Знай свою игру! Мы еще ведем! Выбивай! Твое дело выбивать!

Кейси расслабляется, возвращается в игру, и тут за забором включаются хэмпденские гудки. Некоторые из них принадлежат новеньким машинам — «тойотам», «хондам» и щеголеватым маленьким «додж-кольтам» с лозунгами типа: «США — ВОН ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ» и «РАСЩЕПЛЯЙТЕ БРЕВНА, А НЕ АТОМ». Но большинство гудков раздается из старых машин и пикапов. Во многих пикапах ржавые двери, к приборным доскам кое-как припаяны УКВ-преобразователи для приемников, а кузова застелены брезентом. Кто сидит в этих машинах и давит на клаксоны? Никто точно не знает. Это не родители и не родственники игроков, среди которых немалую часть составляют перемазанные мороженым младшие братики и сестрички: те или сидят на трибунах, или сгрудились под забором возле третьей базы. Это могут быть просто местные парни — после работы они забежали немного посмотреть игру, прежде чем отправиться в соседний бар пропустить по паре пива; а может, это призраки былых игроков юношеской команды, мечтающих о вожделенном флаге чемпионов штата? Не исключено: в этих гудках явно присутствует нечто таинственное и неотвратимое. Все гудят в унисон — высокие, низкие, а

некоторые клаксоны еле слышны, потому что садятся аккумуляторы. Некоторые игроки «Уэст-Бангора» непроизвольно поглядывают в ту сторону.

За оградой местные телевизионщики начинают снимать матч на видеопленку, чтобы показать в одиннадцатичасовом выпуске новостей. Среди зрителей ощущается оживление, но лишь немногие игроки на скамейке «Хэмпдена» замечают их. Мэтт Кинни, естественно, не обращает внимания. Он весь поглощен следующим отбивающим «Хэмпдена», Мэттом Нэйдом, который, разминаясь, подбрасывает своей битой здоровенный ботинок, прежде чем стать на позицию.

Гудки умолкают. Мэтт Кинни явно возбужден. Кейси Кинни отходит чуть правее второй базы, опустив перчатку. На лице у него написано, что больше он ни за что не отвернется от летящего мяча. Бегуны «Хэмпдена» застыли в ожидании на первой и второй базах. Зрители по обе стороны бриллианта в нетерпении. Разговоры на трибунах смолкают. Бейсбол (а это действительно отличная игра, она стоит тех денег, что вы платите за билет) хорош тем, что краткие периоды напряжения в нем перемежаются паузами для отдыха. Сейчас болельщики получают такое напряжение. Мэтт Кинни разворачивается и подает.

Нэйд отправляет мяч на базу, и счет становится 2:1. Кайл Кинг, подающий «Хэмпдена», выходит к базе дома и запускает мяч над самой землей точно в подушку. Он попадает Мэтту Кинни в правую голень. Тот инстинктивно пытается отшвырнуть мяч, который уже укатился в ямку между третьей базой и оградой, прежде чем понимает, что ему больно, и сгибается пополам. Теперь все базы заполнены, но это никого не волнует; как только судья поднял руку, фиксируя остановку игры, все игроки «Уэст-Бангора» сбегаются к Мэтту Кинни. За забором торжествующе гудят клаксоны.

Кинни побелел от боли. Приносят ледяной компресс из аптечки в раздевалке, и через несколько минут он в состоянии встать и заковылять с поля, опираясь на плечи

Дейва и Нила. Зрители громко аплодируют в знак сочувствия.

Оуэн Кинг, чье вечное место — первая база, становится новым подающим «Уэст-Бангора», и первый отбивающий, которому ему предстоит противостоять, — Майк Тардиф. Когда он выходит на поле, раздаются восторженные гудки клаксонов. Третий мяч Кинга врывается в ограду. Бретт Джонсон направляется к базе дома; Кинг сбегает туда с подушки, как его учили. Под навесом «Бангора» Нил Уотермен, по-прежнему обнимая пострадавшего Мэтта Кинни, тянет нараспев: *«Подрезай-подрезай-ПОДРЕЗАЙ!»*

Джо Уилкоккс, первый кетчер «Уэст-Бангора», на тридцать сантиметров ниже Кинга, но необычайно верток. В начале этого сезона он не хотел быть кетчером и вообще не любит эту роль, но научился ее премудростям, а ведь мало кто на этом месте долго выдерживает; даже в юношеской лиге кетчеры в основном напоминают много раз битые, склеенные горшки. Раньше в этом же матче он непостижимым образом отбил одной рукой хитро закрученный мяч. Сейчас он бросается к ограде, срывая с себя маску рукой без перчатки и в то же самое время хватая пущенный с необычайной силой мяч. Он поворачивается в сторону базы дома и делает передачу Кингу, пока хор хэмпденских гудков бешено — и, как оказывается, преждевременно — торжествует.

Джонсон замедлил бег. Выражение на его лице удивительно напоминает выражение Кейси Кинни, когда тот пропустил мяч, ловко посланный понизу тем же Джонсоном. Это выражение крайней растерянности и тревоги, это лицо мальчика, которому вдруг захотелось оказаться где-то в другом месте. Где угодно. Новый подающий блокирует базу.

Джонсон движется замедленно, как бы нехотя. Кинг принимает передачу от Уилкоккса, разворачивается с удивительным, победительным изяществом и легко салит беспомощного Джонсона. Он возвращается к подушке, утирая пот со лба, и готовится к новому противостоянию с Тардифом. За его спиной смолкают хэмпденские гудки.

Тардиф бьет по третьей базе. Стоящий там бангорец Кевин Рошфор лишь отходит на шаг назад. Это нетрудный мяч, но на его лице написано отчаяние, и только когда Рошфор словно застывает, глядя на него, становится ясно, как вся команда потрясена травмой Мэтта. Мяч попадает в перчатку Рошфора и выскальзывает, когда Рошфор — прозванный сначала Фредди Муром, а затем и всей командой «Тараканий Ус», — упускает его. Нэйд, который добрался до третьей базы, пока Кинг и Уилкокс расправлялись с Джонсоном, уже на базе дома. Рошфор легко справился бы с Нэйдом, если бы поймал мяч, но в юношеском бейсболе, как и во взрослом, упущенные сантиметры решают все. Рошфор не смог поймать мяч. Вместо того он, как сумасшедший, бежит к первой базе. Майк Арнольд ринулся туда еще раньше, он один из лучших полевых игроков в команде, но даже он не успевает. Тардиф тем временем спешит ко второй. Дуэль подающих приняла типично детский характер, и хороводных гудков сливается в сплошную какофонию. Местная команда на коне, и окончательный счет становится 9:2 в пользу «Хэмпдена». Тем не менее «Уэст-Бангор» возвращается домой с двумя хорошими новостями: травма у Мэтта Кинни несерьезна, а Кейси Кинни, когда ему снова пришлось туго, в последнюю минуту оказался на высоте и сыграл хорошо.

Когда объявляют результаты, игроки «Уэст-Бангора» бредут на свою трибуну и садятся на скамью. Это их первый проигрыш, и большинство ребят очень переживают. Некоторые с отвращением бросают перчатки на свои грязные кеды. Одни плачут, другие еле сдерживают слезы, и все молчат. Даже Фредди, главному весельчаку команды, ничего не приходит на ум в этот мерзкий четверг в Хэмпдене. За забором все еще весело заливаются последние несколько гудков.

Первым заговаривает Нил Уотермен. Он просто приказывает ребятам поднять головы и посмотреть на него. Троим это удастся: Оуэну Кингу, Райану Ярробино и Мэтту Кинни. За ними преодолевает уныние половина

команды. Некоторые, однако, — включая Джоша Стивенса, который пропустил последний мяч, — по-прежнему делают вид, что очень интересуются своей обувью.

— Да поднимите же *головы*, — настаивает Уотермен. Он говорит громче, но дружелюбно, и теперь все смотрят на него. — Вы очень хорошо играли, — тихо продолжает он. — Вы немного смешались, и они на этом выехали. Так случается. Но это не значит, что они лучше, и мы в субботу это увидим. Сегодня вы проиграли всего лишь один матч. Завтра снова взойдет солнце. — Они начинают слегка ерзать на скамье; это старинное утешение, видимо, не утратило своей силы. — Вы все сегодня отдали себя игре, а нам больше ничего и не нужно. Я горжусь вами, и вы можете гордиться собой. Ничего такого, из-за чего стоило бы вешать голову, не произошло.

Он уступает место Дейву Мэнсфилду, который осматривает свою команду. Когда Дейв начинает говорить, его обычно зычный голос звучит еще тише, чем у Уотермена. — Мы же знали, когда ехали сюда, что они нас побьют, так ведь? — спрашивает он. Говорит он задумчиво, как бы про себя. — Иначе они бы вылетели. В субботу они придут на наше поле. Вот тогда *мы* должны побить *их*. Хотите?

Теперь у всех загорелись глаза.

— Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили то, что вам сказал Нил, — продолжает Дейв тем же задумчивым тоном, совсем не похожим на его рев на тренировках. — Вы команда. Это значит, что вы любите друг друга. Вы любите друг друга — и в победе, и в поражении — потому, что вы команда.

Впервые этим мальчишкам сказали, что они должны любить друг друга, когда выходят на поле, и это вызывает у них неуверенный смешок. Но им не смешно. Пройдя вместе через хэмпденские гудки, они понемногу начинают понимать смысл сказанного.

Дейв снова оглядывает их, потом кивает:

— Ладно. Собирайте свои причиндалы.

Они собирают биты, шлемы, ловушки и все прочее в парусиновые мешки. К тому времени, когда все это

загружено в старенький зеленый пикап Дейва, некоторые уже снова смеются.

Дейв улыбается вместе с ними, но на обратном пути он вовсе не весел. Сегодня поездка кажется долгой.

— Не знаю, сможем ли мы побить их в субботу, — замечает он. Тем же задумчивым тоном: — Я хочу, и *они* хотят, но я ничего не могу сказать. Сейчас *Мо* на стороне «Хэмпдена».

Мо — это, конечно же, момент силы — та мистическая сила, которая определяет исход не только отдельных матчей, но и целых сезонов. Все бейсболисты ужасно суеверны, и игроки «Уэст-Бангора» почему-то приняли в качестве талисмана маленькую пластиковую туфельку с куклы, подаренной каким-то болельщиком, и называют ее «*Мо*». При каждой игре они вешают ее на ограждении своей трибуны, и отбивающие то и дело благоговейно прикасаются к ней, когда первый раз выходят на поле. Между играми хранить *Мо* доверено Нику Трзаскосу, левому полевому игроку. Сегодня он в первый раз забыл взять талисман.

— Ник не забудет взять *Мо* в субботу, — мрачно бормочет Дейв. — Но если даже так... — Он качает головой. — Просто не знаю.

Никакой платы за вход на игры юношеской лиги не берут: это строго запрещено. Вместо этого игрок в четвертом иннинге ходит со шляпой по рядам, собирая пожертвования на покупку снаряжения и содержание площадки. В субботу, когда «Уэст-Бангор» и «Хэмпден» встречаются в финальном матче на первенство юношеской лиги округа Пенобскот в Бангоре, простое сравнение позволяет судить о росте интереса к судьбам местной команды. На матче с «Миллинокетом» удалось собрать 15 долларов 45 центов; в субботу, когда шляпа возвращается после пятого иннинга с «Хэмпденом», она переполнена мелочью и мятыми долларовыми бумажками. Общая сумма 94 доллара 25 центов. Трибуны переполнены; у заборов густая толпа, на стоянке негде ногу поставить. В юноше-

ском спорте, как вообще в американском спорте и предпринимательстве, ничто не приносит такого успеха, как успех.

Вначале для бангорцев все идет хорошо — в конце третьего иннинга они ведут 7:3 — и вдруг все обрывается. В четвертом иннинге «Хэмпден» набирает шесть очков, в основном честно. «Уэст-Бангор» не сдается, как после травмы Мэтта Кинни в Хэмпдене, — игроки, по выражению Нила Уотермена, не вешают голову. Но к началу шестого иннинга они проигрывают со счетом 12:14. Поражение кажется совсем близким. Мо, как всегда, на своем месте, но «Уэст-Бангору» остается всего три аута до вылета из чемпионата.

Одним из тех мальчишек, которых не надо было заставлять поднять голову после того, как «Бангор» проиграл 9:2, был Райан Ярробино. Он выиграл две из трех передач в том матче и ушел с поля, зная, что он-то сыграл хорошо. Это высокий, спокойный паренек с широкими плечами и копной темно-каштановых волос. Он один из двух настоящих атлетов в команде «Уэст-Бангор». Другой — Мэтт Кинни. Хотя внешне они совершенно разные — Кинни худенький и невысокий, а Ярробино рослый и хорошо накачанный, — и одно качество, присущее многим подросткам в их возрасте, у мальчиков общее: они доверяют своему телу. Почти все остальные в команде «Уэст-Бангор», независимо от способностей, считают свои руки и ноги вредителями и даже потенциальными предателями.

Ярробино из тех юношей, которые чувствуют себя лучше всего тогда, когда надевают спортивную форму. Он один из немногих, на ком шлем сидит элегантно, а не так, словно он натянул на голову мамину кастрюлю. Когда Мэтт Кинни стоит на подушке и бросает мяч, вид у него такой, будто он рожден стоять именно на этом месте именно в это время. А когда Райан Ярробино становится на место правого отбивающего и на мгновение показывает свою битку подающему, прежде чем поднять ее над правым плечом, он тоже выглядит как неотъемлемая часть этой картины. Он весь поглощен игрой еще до того, как займет

стойку для первой подачи: можно провести идеальную прямую от его плеча к бедру и оттуда к лодыжке. Мэтт Кинни создан для того, чтобы бросать бейсбольные мячи. Райан Ярробино создан отбивать их.

Последний выход «Уэст-Бангора». Вместо Джеффа Карсона, отличившегося в четвертом иннинге этого матча бегом к базе дома, а до того сменившего Майка Уэнтворта на подушке «Хэмпдена», выходит Майк Тардиф. Он впервые сталкивается лицом к лицу с Оуэном Кингом. Кинг делает три удачных и две неудачных подачи (сильно наклоняясь в сторону заборов из-за грязи), потом затягивает подачу и отправляется по базам. Вместо него на пластине появляется Роджер Фишер, объект вечных подкальываний остряка Фреда Мура. Роджер мал ростом и смугл, как индус. Он не кажется грозным соперником, однако внешность обманчива: Роджер обладает необычайной силой. Однако сегодня он не в лучшей форме. Он выбивает мяч.

В поле игроки «Хэмпдена» разбегаются по местам, бросая друг на друга радостные взгляды. Они близки к победе и знают это. Автостоянка здесь слишком далеко от поля, чтобы хэмпденские гудки могли сыграть серьезную роль; их болельщики просто подбадривают своими выкриками. Две женщины в пурпурных кепочках «Хэмпдена» радостно обнимаются за навесом. Еще несколько болельщиков похожи на бегунов, замерших на старте в ожидании выстрела: они, несомненно, ринутся на поле, как только их мальчики сумеют навсегда вывести «Уэст-Бангор» из игры.

Джо Уилкокс, который не хотел быть кетчером и все равно вынужден делать это, вгоняет мяч на середину площадки, к центральному левому полю. Кинг останавливается на второй базе. Выбегает Артур Дорр, правый полевой игрок «Бангора», который носит самые старые в мире бутсы с высокими голенищами и сегодня еще ни разу не бил. Сейчас он бьет, но попадает прямо в хэмпденского шорт-стопа, которому стоило слегка пошевелиться, чтобы взять мяч. Шорт-стоп пересылает мяч на вторую базу,

надеясь засалить Кинга вне мешка, но ему не везет. Тем не менее два аута у «Хэмпдена».

Ободряющие возгласы хэмпденских болельщиков звучат все громче. Женщины за навесом прыгают, не в силах устоять на месте. То и дело раздаются гудки, но еще рановато, и болельщикам остается только смотреть, как Майк Тардиф отирает пот со лба и опускает мяч в перчатку.

Райан Ярробино выходит на позицию правого отбивающего. У него быстрый, что называется прирожденный хват: даже Рону Сен-Пьеру не к чему придраться.

Райан отбивает первую подачу Тардифа, самую сильную в этот день — мяч хлопает, как ружейный выстрел, ударившись в перчатку Кайла Кинга. Затем Тардиф подает на внешнее поле; Кинг возвращает мяч; Тардиф немного раздумывает и быстро пускает мяч понизу. Райан смотрит на него, а судья приказывает повторить подачу. Может быть, мяч задел угол. Но раз судья сказал, значит, так и есть, спорить не о чем.

Теперь болельщики обеих сторон неподвижно застывают, как и тренеры. Они всецело поглощены происходящим. Остались только Тардиф и Ярробино, которым решать судьбу последнего удара в последнем ауте последнего для одной из двух команд матча. Тринадцать метров между лицами двух игроков. Но Ярробино не смотрит на *лицо* Тардифа. Он смотрит на его *перчатку*, и мне словно слышится где-то рядом, как Рон Сен-Пьер втолковывает Фреду: *«Ты хочешь увидеть, как он появится — сбоку, или у меня над головой, или в три четверти фас?»*

Ярробино хочет увидеть, как он появится у Тардифа. Когда Тардиф вышел на позицию, слышалось отдаленное «цок-цок» теннисных мячиков с соседнего корта, но сейчас царит полная тишина, резкие черные тени двух игроков ложатся на землю, словно вырезанные из черной толи, и Ярробино ждет, когда появится мяч со стороны Тардифа.

Он появляется над головой. И тут же следует реакция Ярробино — он весь в движении, колени и левое плечо слегка опущены, алюминиевая бита вспыхивает на солнце. Раздается звук, словно кто-то стучит ложкой о миску; на

сей раз он совсем другой. Абсолютно другой. Не «дзинь», а «бух», когда Райан отбивает битой мяч, и тот взмывает в небо и вылетает за левое поле — его полет четко прослеживается высоко в летнем небе, и это очень красиво. Мяч потом найдут под машиной метрах в девяноста от базы дома.

На лице двенадцатилетнего Майка Тардифа написано такое удивление, словно его ударило молнией. Он быстро заглядывает в свою перчатку, словно надеясь, что мяч еще там, а пушечный удар Ярробино, принесший сразу два очка его команде, был лишь кошмарным сном. Две женщины за загородкой в немом изумлении уставились друг на друга. Сначала не слышно ничего. В этот момент, до того, как все начнут кричать и игроки «Уэст-Бангора» высыплют к базовой пластине, чтобы затискать Райана, когда он придет туда, только двое уверены, что это действительно произошло. Один — это сам Райан. Добежав до дома, он поднимает руки над головой коротким, но энергичным жестом триумфатора. И, когда Оуэн Кинг появляется на пластине в завершение третьего матча, похоронившего надежды на участие «Хэмпдена» в чемпионате юношеской лиги, это понимает и Майк Тардиф. Стоя на подушке подающего в последний раз в этом сезоне, он заливается слезами.

— Не забывайте, им всего по двенадцать лет, — не перестают напоминать друг другу все три тренера, и каждый раз, когда кто-то из них говорит это, другой — будь то Мэнсфилд, Уотермен или Сен-Пьер — чувствует, что такое напоминание действительно необходимо.

— Когда вы на поле, мы вас любим и вы должны любить друг друга, — повторяет ребятам Уотермен, и на волне победы над «Хэмпденом» с общим счетом 15:14, когда они все действительно любили друг друга, мальчишки больше не смеются при этих словах. Он продолжает:

— С этого дня я буду с вами крут — очень крут. В игре я, безусловно, буду вас любить. Но дома, на тренировках, некоторые из вас явно хотят выяснить, как громко я могу кричать. Кто будет валять дурака, вылетит. Кто не будет выполнять мои распоряжения, вылетит. Отдых кончился,

ребята, — все вылезли из бассейна. Теперь надо будет вкалывать по-настоящему.

Несколько дней спустя Уотермен на тренировке вдруг сильно бьет вправо. По пути мяч едва не отшибает нос Артуру Дорру. Тот проверял, застегнута ли у него ширинка. Или зашнурованы ли кеды. Или что-то в этом роде.

— Артур!!! — рывкает Нил Уотермен, и Артур реагирует быстрее на голос, чем на только что пролетевший мимо мяч. — *Давай туда! На скамью! Живо!*

— Но... — начинает Артур.

— Туда!!! — ревет Уотермен. — Ты снят с игры!

Артур медленно плетется на скамью, понунив голову, и его место занимает Джей Джей Фидлер. Еще через пару дней Нику Трзаскосу не дают отыграться, когда у него не получают две подачи из пяти попыток. Он сам отправляется на скамью с пылающими щеками.

Предстоит игра с «Мачиасом», победителем первенства округов Арустук и Вашингтон — тот, кто выиграет два матча из трех, станет чемпионом 3-й группы. Первый матч играется на поле «Бангора», второй в Мачиасе, на стадионе имени Боба Била. Последний матч, если он будет необходим, состоится на нейтральном поле.

Как и обещал Нил Уотермен, все тренеры всячески поддерживают ребят с той минуты, как сыгран гимн и начинается первый матч.

— Все в порядке, никто не пострадал! — кричит Дейв Мэнсфилд, когда Артур Дорр неправильно оценивает длинную передачу вправо и мяч приземляется позади него. — Делай аут! Пузом играй! Пусть идет в аут! — Никто точно не знает, что значит «играть пузом», но, поскольку это вроде бы связано с победой, ребята согласны.

Третий матч с «Мачиасом» не требуется. Первый «Уэст-Бангор» благодаря четкой подаче Мэтта Кинни выигрывает 17:5. Второй матч оказался чуть потруднее только из-за погоды: лили ужасные ливни, и бангорской команде пришлось проехать триста километров, чтобы попасть на финальный матч. Наконец, он состоялся 29 июля. Семья

Майка Пелки увезла его в Диснейленд во Флориде, и он стал уже третьим исчезнувшим игроком команды, но Оуэн Кинг спокойно сменил второго подающего и выбил восемь очков, прежде чем его сменил Майк Арнольд в шестом иннинге. «Уэст-Бангор» выигрывает 12:1 и становится чемпионом 3-й группы юношеской лиги.

В такие моменты профессионалы запираются в своих кондиционированных раздевалках и обливают друг друга шампанским. Команда «Уэст-Бангор» отправляется в «Хеленс» — лучший (и, кажется, единственный) ресторан в Мачиасе — и отмечает победу сосисками, гамбургерами, галлонами пепси-колы и горами жареной картошки. Наблюдая, как они хохочут, высмеивая друг друга и стреляя через соломинки шариками, скатанными из салфеток, трудно избежать мысли о том, как скоро они откроют более бурные способы празднования.

Пока что, однако, это просто замечательно. Они не переоценивают своих достижений, но выглядят чрезвычайно довольными, радостными и *приземленными*. Если их коснулись этим летом какие-то чары, они этого не знают и ни один подлец пока что им об этом не сказал. Пока что они позволяют себе только картошку, жаренную во фритюре, и этого вполне достаточно. Они победили в своей группе; до начала чемпионата штата, где более сильные и лучше подготовленные команды из густонаселенных районов центра штата, видимо, разнесут их в пух и прах, еще целая неделя.

Райан Ярробино уткнулся в тарелку. У Артура Дорра вся щека перемазана кетчупом. А Оуэн Кинг, гроза отбивающих «Мачиаса», наводивший страх своими мощными боковыми бросками, весело пускает пузыри в стакане с пепси. Ник Трзаскос, несчастнее которого не бывает никого в мире, когда дела идут не по нему, сегодня находится на вершине счастья. А почему бы и нет? Сегодня их было двенадцать, и они победили.

Нельзя сказать, чтобы возраст не давал о себе знать время от времени. На полпути домой из Мачиаса после

первого матча, не состоявшегося из-за дождя, Джей Джей Фидлер начинает ерзать на заднем сиденье машины.

Мне надо выйти, — заявляет он. Хватаясь за живот, он многозначительно добавляет: — Срочно надо. Немедленно.

— Джей Джей намерен совершить подвиг! — радостно вопит Джо Уилкокс. — Следите внимательно! Сейчас он затопит машину!

— Заткнись, Джо, — отвечает Джей Джей и начинает снова ерзать.

Свое заявление он сделал в самый неподходящий момент. Сто сорок километров от Мачиаса до Бангора проходят почти что через пустыню. Вдоль дороги не найдется даже пары деревьев, за которыми Джей Джей мог бы спокойно сделать свое дело — километр за километром лишь скошенные луга, по которым извивается шоссе 1А.

Когда мочевого пузырь Джей Джея достиг боевой готовности номер один, Провидение ниспослало на их пути заправочную станцию. Помощник тренера пополняет бак, пока Джей Джей стремглав несется в туалет.

— Господи! — восклицает он, отбрасывая волосы со лба, когда садится обратно в машину. — Казалось, вот-вот!

— Кое-что осталось на штанах, Джей Джей, — небрежно замечает Джо Уилкокс, и все покатываются со смеху, когда Джей Джей испуганно проверяет.

В следующий раз на обратном пути из Мачиаса Мэтт Кинни обнаруживает в журнале «Пипл» одну из главных приманок для мальчиков возраста юношеской лиги.

— Я уверен, что где-то она тут есть, — приговаривает он, медленно листая номер, обнаруженный им на заднем сиденье. — Обязательно должна быть.

— Что? Что ты ищешь? — спрашивает игрок третьей базы Кевин Рошфор, заглядывая через плечо Мэтта, который пролистывает светскую хронику, даже не останавливаясь.

— Рекламу конкурса грудей, — поясняет Мэтт. — Все не увидишь, но довольно много. Вот она! — Он торжествующе поднимает журнал.

Еще четыре головы, каждая в красной кепочке «Уэст-Бангора», немедленно склоняются к журналу. По крайней мере на несколько минут бейсбол начисто исчезает из этих голов.

Розыгрыш чемпионата юношеской лиги штата Мэн 1989 года начинается 3 августа, ровно через месяц после начала игр школьных сборных. Штат разделен на пять групп, и все пять направляют свои сборные в Олд-Таун, где в этом году происходят матчи. Участвуют Ярмут, Белфаст, Льюистон, Йорк и Уэст-Бангор. Все команды, кроме «Белфаста», многочисленнее сборной Уэст-Бангора, а у «Белфаста», как поговаривают, имеется секретное оружие. Их первый подающий — вундеркинд сезона.

Назначение вундеркинда сезона — это традиционная церемония, маленькая опухоль, которую никак не удастся удалить. Мальчик, становящийся Юным Мистером Бейсбол, независимо от того, хочет он этих почестей или нет, неожиданно оказывается в лучах славы, становится предметом споров, рассуждений и, что неизбежно, пари. Кроме того, его постигает незавидная судьба сделаться центром предтурнирного ажиотажа. Чемпионат юношеской лиги — стрессовая ситуация для любого ребенка, но, когда попадаешь в самый вихрь и обнаруживаешь, что ты уже живая легенда, — это уж слишком.

Предмет мифов и споров в этом году — Стэнли Стерджис из «Белфаста». В двух матчах на выезде он заработал тридцать очков — четырнадцать в первом, шестнадцать во втором. Тридцать очков за два матча — это и во взрослой лиге впечатляет, но чтобы оценить подвиг Стерджиса во всем его величии, надо вспомнить, что в юношеских матчах играется только шесть иннингов. Это означает, что 83 процента полученных «Белфастом» аутов приходятся на подачи Стерджиса.

Затем «Йорк». У всех команд, которым предстоит сражаться на стадионе «Рыцарей Колумба» в Олд-Тауне, прекрасная репутация, но «Йорк», у которого не было ни одного поражения, явно имеет все шансы выиграть билет

на первенство Восточного региона. Среди их игроков нет слишком рослых, но многие выше метра семидесяти пяти, а их лучший подающий Фил Тарбокс может иногда отправить мяч со скоростью сто двадцать километров в час, что для юношеской лиги можно считать рекордом. Подобно ребятам из «Ярмута» и «Белфаста», игроки «Йорка» выходят на поле в специальной форме и подобранных в тон бутсах, как профессионалы.

Только «Уэст-Бангор» и «Льюистон» выходят в обыкновенных шортах разного цвета, на которых написаны названия разных спонсоров команд. У Оуэна Кинга шорты оранжевые с надписью «Лоси», у Райана Ярробино и Ника Трзаскоса — красные «Бангор гидро», у Роджера Фишера и Фреда Мура — зеленые с надписью «Львы» и т. д., и т. п. Льюистонцы одеты примерно так же, но у них хоть обувь и оснащение одинаковые. По сравнению с «Льюистоном» бангорская команда в мешковатых тренировочных штанах и просто неопикуемых кедах кажется эксцентричной. По сравнению с другими командами те и другие выглядят как спившиеся оборванцы. Никто, кроме тренеров и, возможно, игроков «Уэст-Бангора», не принимает их всерьез. В первой статье о чемпионате в местной газете одному Стерджису из «Белфаста» отведено больше места, чем всей команде «Уэст-Бангор».

Дейв, Нил и Сен — странный, но чрезвычайно эффективный мозговой трест, который довел команду до этого уровня, — молча наблюдают за тренировкой «Белфаста». Ребята из «Белфаста» выглядят великолепно в новенькой пурпурно-белой форме, которую впервые одели сегодня. Наконец Дейв произносит:

— Что ж, мы пробилась сюда. До этих пор. Уж этого у нас никто не отнимет.

«Уэст-Бангор» из округа, на территории которого проводится чемпионат этого года, и не участвует в нем до тех пор, пока не выйдут две из пяти команд. Это называется форой первого раунда, и пока что это самое большее, если не единственное, преимущество команды. В своей-то группе они вроде чемпионы (не считая того ужасного матча с

«Хэмпденом»), но Дейв, Нил и Сен достаточно опытные, чтобы понимать, что теперь они попали на совершенно иной уровень бейсбола. Об этом красноречиво свидетельствует их молчание, когда они, стоя у забора, наблюдают за работой «Белфаста».

Напротив, «Йорк» уже заказал значки 4-й группы. Торговля значками стала традицией на региональных турнирах, и то, что «Йорк» уже заказал большую партию, о многом свидетельствует. Значки — признак того, что «Йорк» намерен сразиться с лучшими командами Восточного побережья в Бристоле. Значки свидетельствуют, что они не боятся «Ярмута», или «Белфаста» с его знаменитым левшой, или «Льюистоном», который сделался чемпионом 2-й группы за счет поражений других, а первый матч проиграл 12:15; а уж меньше всех — четырнадцать сопляков-оборванцев из западной части Бангора.

— По крайней мере, у нас есть шанс сыграть, — говорит Дейв, — и мы постараемся, чтобы они надолго запомнили нас.

Но сначала «Белфаст» играет с «Льюистоном», и после того, как прокручена запись национального гимна в исполнении группы «Бостон попс», а местный писатель, имеющий определенную известность, произвел обязательную первую подачу (мяч плавно пролетел и ударился в загородку), матч начинается.

Местные спортивные репортеры извели море чернил, состязаясь в красноречии на тему Стэнли Стерджиса, но с началом игры репортерам не разрешено находиться на поле (многие из них считают, что это ошибка, допущенная тем, кто изначально составлял правила). С того момента, как судья приказал командам начать игру, Стерджис остается в одиночестве. Писатели, мудрецы и толпа болельщиков «Белфаста» оказываются по ту сторону забора.

Бейсбол — это командный вид спорта, но только один игрок стоит с мячом в центре бриллианта и только один — с битой на краю его. Игроки с битой меняются, но подающий остается, пока у него хватает сил. Сегодня Стэну Стерджису предстоит постигнуть неприятную исти-

ну соревнований: рано или поздно каждый вундеркинд сталкивается с ровней себе.

Стерджис заработал тридцать очков в двух матчах, но это было во 2-й группе. Сегодня «Белфаст» играет с крутыми ребятами с Эллиот-авеню в Льюистоне, а это совсем другое дело. Они не такие здоровенные, как мальчишки из «Йорка», и не так изящны в игре, как ярмутцы, но они настырны и упрямы. Первый отбивающий, Карлтон Ганьон, символизирует ухватистый, цепкий стиль команды. Он успешно проводит единоборство в центре, крадет вторую базу, жертвует третьей, потом мчится к дому. В третьем иннинге при счете 1:0 Ганьон снова проходит базу, теперь в роли полевого игрока. Рэнди Жерве, который гоняется за этим вредителем по пятам, салит его, но к тому моменту Ганьон успевает на вторую базу с перехваченным мячом и крадет третью. Он выигрывает два аута у Билла Паради, игрока третьей базы.

«Белфаст» выходит вперед в четвертом иннинге, но затем «Льюистон» давит опять; Стэнли Стерджис зарабатывает два очка в пятом иннинге и еще четыре в шестом. Конечный счет 9:1. У Стерджиса одиннадцать удач, но он и промазал семь раз, тогда как Карлтон Ганьон, подающий «Льюистона», выбил восемь при всего трех промахах. Когда Стерджис уходит с поля в конце игры, он испытывает подавленность и вместе с тем облегчение. Для него ажиотаж кончился. Он больше не будет газетной звездой, а снова станет нормальным ребенком. На его лице написано, что он видит в этом определенные преимущества.

Позднее в битве великанов фаворит первенства «Йорк» громит «Ярмут». Затем все расходятся по домам (приезжие по мотелям или к знакомым, у которых живут). Завтра, в пятницу, очередь «Уэст-Бангора» играть, а «Йорк» будет ждать победителя.

Пятница — жаркий, туманный, облачный день. С раннего утра собирается дождь, а за час до того, как «Уэст-Бангору» и «Льюистону» предстоит померяться силами, начинается потоп. Когда такое случилось в Мачиасе, матч отменили. Здесь — нет. Игровая площадка здесь полу-

чше — внутреннее поле травяное, а не земляное, но не только в этом причина. Главное — это телевидение. В этом году впервые две телекомпании сложились и будут транслировать финал чемпионата в субботу на весь штат. Если отложить полуфинал между «Бангором» и «Льюистон-ном», придется менять программу передач, а даже в Мэне и даже в этом самом что ни на есть любительском спорте шутить со средствами массовой информации нельзя.

Поэтому команды «Уэст-Бангор» и «Льюистон», выбежав на поле, не расходятся. Они остаются сидеть в машинах или маленькими группами прячутся под навесами. Они ждут, когда погода станет лучше. И ждут. И ждут. Естественно, начинается беспокойство. Многим из этих мальчишек до конца своей спортивной карьеры предстоит еще участвовать и в более крупных матчах, но пока что это самый крупный матч в их жизни, и они все на пределе.

Кому-то в голову пришло мудрое решение. После нескольких поспешных телефонных звонков два олд-таунских школьных автобуса, отсвечивая ярко-желтой краской в потоках дождя, подъезжают к близлежащему клубу «Лосей», и ребятам устраивают экскурсии на фабрику каноэ и бумажную фабрику «Джеймс-ривер». (Фирма «Джеймс-ривер» закупила большую часть рекламного времени в предстоящей трансляции матча.) Никто из игроков не выглядел особенно довольным, садясь в автобус; выражение их лиц не изменилось, когда они вылезли обратно. В руках у каждого игрока маленькое весло для каноэ, размером как раз впору хорошо сложенному эльфу. Сувениры с фабрики каноэ. Похоже, никто из ребят не знает, что делать с этими веслами, но, как я узнал позднее, все они исчезли, как бангорские флажки после матча с «Миллинокетом». Бесплатные сувениры хорошо сбываются.

Похоже, матч все-таки состоится. В какой-то момент — скорее всего, пока мальчишки наблюдали на фабрике «Джеймс-ривер» процесс превращения бревен в туалетную бумагу, — дождь кончился. Вода с поля стекла, подушки подающего и отбивающих присыпали быстро-

сохнувшим порошком, и в три часа с небольшим словно бы отсыревшее солнце впервые показывается из-за туч.

Команда «Уэст-Бангор» вернулась с экскурсии какой-то вялой и апатичной. Никто сегодня ни разу не бросил мяча, не взмахнул битой и не пробежал ни одной базы, но все почему-то чувствуют усталость. Игроки расхаживают по тренировочной площадке, не глядя друг на друга; перчатки уныло болтаются. Они ходят и разговаривают так, будто уже проиграли.

Вместо того чтобы читать им мораль, Дейв выстраивает их и начинает делать вид, что устраивает разнос. Вскоре бангорцы тузят друг друга, свистят, ходят на голове, вопят и шалят всюду; тогда Дейв признает свою ошибку и отправляет кого-то в конец строя. Тогда, прежде чем Дейв собирается распустить их и отдать в руки Нила и Сена, чтобы они потренировали удары, Роджер Фишер выходит из строя и нагибается, прижимая перчатку к животу. Дейв немедленно подходит к нему: в улыбке тренера сквозит оттенок сочувствия. Он спрашивает Роджера, все ли в порядке.

— Да, — отвечает Роджер. — Я просто хотел взять вот это. — Он наклоняется ниже, всматриваясь своими темными глазами, срывает что-то в траве и вручает Дейву. Это клевер с четырьмя листьями.

В матчах юношеской лиги команда-хозяин поля определяется жеребьевкой. Дейв обычно всегда выигрывал, но сегодня ему не везет, и «Уэст-Бангор» становится командой гостей. Впрочем, иногда и невезение оборачивается удачей, как на этот раз. Причина тому — Ник Трзаскос.

Мастерство всех игроков заметно усовершенствовалось за шестинедельный сезон, но некоторые из них окрепли и психологически. Ник начинал на скамье запасных, несмотря на свои навыки игрока обороны и способность саливать противника; страх неудачи делал его не всегда готовым к игре. Понемногу он начал верить в себя, и теперь Дейв готов испытать его.

— Ник, наконец, понял, что другие ребята не сделают ему темную за пропущенный мяч, — говорит Сен-Пьер. — Для такого паренька, как Ник, это очень много.

Сегодня Ник перехватывает мяч с третьей подачи в глубине центрального поля. Этот мощный удар «линия с подскоком» пролетел над забором и ушел прежде чем игрок центрального поля успел его заметить, не то что перехватить. Когда Ник Трзаскос достигает второй базы и переходит на медленный бег к дому, столь хорошо знакомый этим ребятам по телетрансляциям взрослых матчей, болельщики за загородкой вознаграждены редким зрелищем: Ник улыбается. Когда же он пересекает пластину и пораженные, счастливые товарищи по команде обнимают его, Ник начинает хохотать. Под навесом Нил хлопает его по спине, а Дейв Мэнсфилд крепко прижимает к себе.

Ник завершил то, что начал своей клоунадой Дейв: команда проснулась и готова к бою. Мэтт Кинни обводит Карла Ганьона, того, который начал развенчание Стэнли Стерджиса. Ганьон достигает второй базы после жертвы Райана Стреттона, продвигается к третьей после ловкой подачи и выигрывает один проход. Это чуть ли не сверхъестественный повтор его успеха во вчерашней игре с «Белфастом». Кинни не очень плотно опекает его, но проход Ганьона — единственный, который удастся команде из Льюистона. Им не везет: к концу второго иннинга за «Бангором» явное преимущество.

Оуэн Кинг делает удачный аут, за ним Артур Дорр; Майк Арнольд перехватывает мяч у Джейсона Оже из «Льюистона» и отправляет его на первую базу. Кингу удастся этим воспользоваться, и «Бангор» снова ведет 2:1. Джо Уилкокс, бангорский кетчер, вырывает мяч, летевший на базу. Ник Трзаскос второй раз удачно ловит, и тут на пластину выходит Райан Ярробино. Он в первый раз промазал, но сейчас должен отыграть. Первую подачу Мэтта Нойеса он превращает в бег к дому большого шлема, и через полтора иннинга счет становится 6:1 в пользу «Уэст-Бангора».

Вплоть до шестого иннинга этот матч проходит для «Уэст-Бангора» под знаком клевера с четырьмя листьями. Когда игроки «Льюистона» выходят отбивать в последний, как надеются бангорские болельщики, раз, счет уже 9:1.

Карлтон Ганьон делает почин и зарабатывает первое очко. Следующий отбивающий, Райан Стреттон, развивает успех. Болельщикам «Бангора», которые до сих пор радовались от души, становится уже немного не по себе. Трудно проиграть, имея разрыв в восемь очков, но не невозможно. Все зрители — с севера Новой Англии, болельщики знаменитой бостонской «Ред сокс». Они не раз видели, как такое случалось.

Билл Паради ухудшает положение, резко выбивая мяч к середине. И Ганьон, и Стреттон добегают до дома. Счет уже 9:3, бегущий на первой базе, в ауте никого. Болельщики «Бангора» ерзают и недоуменно переглядываются, словно спрашивают: *«Не может же нам изменить счастье в самом конце игры, так ведь?»* Ответ: конечно, может. В юношеских матчах все может быть и все бывает.

Но не на этот раз. «Льюистон» добывает еще одно очко, и все. Нойес, который трижды отбивал мячи Стерджиса, и сегодня отбивает в третий раз, но под конец уходит в аут. Оже, льюистонский кетчер, с первой подачи попадает прямо в шорт-стопа Роджера Фишера. Роджер пропустил мяч Карла Ганьона в начале этого иннинга, но сейчас легко берет мяч и отдает его Майку Арнольду, который пасует Оуэну Кингу на первую базу. Оже не успевает, а у Кинга руки длинные. Игра завершается двойным аутом. Не часто это бывает в маломасштабных юношеских матчах, где даже расстояние между базами всего двадцать метров, но Роджер сегодня нашел клевер с четырьмя листьями. Хотите приписать этому исход матча — дело ваше. Как бы там ни было, ребята из Бангора снова выиграли 9:4.

Завтра им предстоят великаны из Йорка.

Сегодня 5 августа 1989 года, и в штате Мэн только двадцать девять мальчиков еще играют в юношеский бейсбол — четырнадцать из команды «Уэст-Бангор» и пятнадцать из команды «Йорк». День точно такой же, как вчера: жаркий, туманный и непредсказуемый. Игра назначена ровно на 12.30, но опять разверзаются небеса, и к

11 часам все выглядит так, что матч придется отсрочить. Льет как из ведра.

Дейв, Нил и Сен не хотят, однако, рисковать. Им не понравилось, с каким настроением ребята вчера вернулись с импровизированных экскурсий, и они не хотят допустить, чтобы это повторилось. Никому не хочется полагаться на цирковые трюки или клевер с четырьмя листиками. Если уж играть — а телевидение мощный мотиватор, какой бы мерзкой ни была погода, — то по крупной. Победитель едет в Бристоль; побежденный едет домой.

Итак, кавалькада из пикапов и фургонов, управляемых тренерами и родителями, собирается на поле за заводом «Кока-Кола», и команду доставляют за пятнадцать километров в полевой спортзал университета штата Мэн — сооружение, напоминающее конюшню, — где Нил и Сен гоняют ребят до седьмого пота. Дейв договорился, что команде Йорка тоже дадут тренироваться там, и когда бангорцы выходят под дождь, появляется «Йорк» в аккуратных синих форменных костюмах.

К трем часам дождь лишь чуть моросит, и стадионная команда прилагает героические усилия, чтобы привести поле в приличное состояние. Вокруг него расставлено на временных платформах пять телекамер. На близлежащей площадке стоит огромный фургон с надписью на бортах: «ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СИСТЕМА ШТАТА МЭН — ПЕРЕДВИЖНАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СТАНЦИЯ». Толстые пучки кабелей, скрепленные изолентой, тянутся от камер и импровизированной комментаторской кабины к фургону. Одна дверь открыта, внутри мерцает множество мониторов.

«Йорк» еще не приехал из спортзала. Команда «Уэст-Бангор» начинает бросаться мячами за левым забором, чтобы чем-то заняться и разрядить напряжение; разогреться им после жаркой тренировки незачем. Телевизионщики со своих платформ наблюдают, как служители пытаются убрать воду с площадки.

Внешнее поле в отличном состоянии, большая часть внутреннего разровнена граблями и посыпана быстросохнущим порошком. Самый трудный участок между пласти-

ной дома и подушкой подающего. Эту часть бриллианта перед началом турнира заново обложили дерном, который еще не успел укорениться и обеспечить тем самым естественный сток. В результате получилось грязное болото перед пластиной дома, которое растекается до самой третьей базы.

Кому-то пришла в голову идея — как оказалось, гениальная — просто удалить большой участок поврежденного поля. Появляется школьный автобус, и из него выгружают два огромных заводских пылесоса. Через пять минут служители уже обрабатывают ими поверхность внутреннего поля. Получается. К 3.25 уже укладываются пучки дерна, словно кусочки огромной зеленой головоломки. В 3.35 местная учительница пения, аккомпанируя себе на гитаре, исполняет «Звездно-полосатое знамя» в весьма оригинальной аранжировке. А в 3.37 начинает прыгать Роджер Фишер, темная лошадка «Уэст-Бангора», которого Дейв решил выпустить в начале вместо отсутствующего Майка Пелки. Интересно, связана ли вчерашняя находка Роджера с тем, что Дейв выпускает именно его, а не Кинга или Арнольда? Дейв только прикладывает палец к носу и хитро усмехается.

В 3.40 выходит судья.

— Начиная, кетчер, — хрипло распоряжается он.

Майк Арнольд делает вид, что салит невидимого игрока, затем быстро посылает мяч по периметру внутреннего поля. Телезрители от Нью-Хэмпшира до приморских провинций Канады наблюдают, как Роджер нервно поддергивает рукава зеленого свитера и надетой под ним теплой рубашки. Оуэн Кинг пасует ему мяч с первой базы. Фишер ловит его и крутит возле бедер.

— Давай-ка играть, — советует судья, как говорят судьи игрокам юношеских команд вот уже пятьдесят лет подряд, и Дэн Бушар, кетчер и главный отбивающий «Йорка», становится на пластину. Роджер выходит на позицию и готовится сделать первую подачу в финальном матче чемпионата штата 1989 года.

За пять дней до того:

Мы с Дейвом отвозим подающих «Уэст-Бангора» в Олд-Таун. Дейв хочет, чтобы они все испытали, как ведет себя подушка, на которой они должны будут играть. После отъезда Майка Пелки группа подающих состоит из Мэтта Кинни (до его триумфа против «Льюистона» остается еще четыре дня), Оуэна Кинга, Роджера Фишера и Майка Арнольда. Мы выбираемся поздно, и, пока солнце медленно клонится к закату, ребята по очереди бросают, а мы с Дейвом наблюдаем за ними из-под зрительского навеса.

На подушке Мэтт Кинни осыпает мощными навесными ударами Джей Джея Фидлера. Под навесом дома, на другом конце бриллианта, трое других подающих, закончив тренировку, сидят на скамье вместе с другими ребятами из команды. Хотя до меня долетают лишь обрывки их разговора, можно понять, что в основном речь идет о школе — эта тема возникает все чаще в последний месяц каникул. Обсуждают они учителей прошлых лет и учителей предстоящих, пересказывают анекдоты, образующие важную составную часть подростковой мифологии: об учительнице, которая в последнем месяце учебного года словно взбесилась, потому что ее сын пострадал в автомобильной катастрофе; о сумасшедшем преподавателе физкультуры старших классов (в их изложении он предстает какой-то адской смесью из Ясона, Фредди и Дракулы); о преподавателе естественных наук, который якобы однажды так ударил мальчишку о шкафчик, что тот потерял сознание; о ведущей продленки, которая дает деньги на завтрак, если ты их забыл или говоришь, что забыл. Это апокрифы шестого класса, и они в сгущающихся сумерках пересказывают их друг другу с великим удовольствием.

Между двумя навесами белой стрелой носится мяч, по которому снова и снова бьет Мэтт. Он работает словно под гипнозом: присел, развернулся, бросил. Присел, развернулся, бросил. Перчатка Джей Джея трещит каждый раз, когда в нее попадает мяч.

— Что им это даст? — спрашиваю я Дейва. — Когда все кончится, что им это даст? Что в них изменится, по-вашему?

Судя по лицу Дейва, он удивлен вопросом и задумался. Потом смотрит на Мэтта и улыбается.

— Им это даст друг друга, — произносит он.

Не такого ответа я ожидал — совсем не такого. Сегодня в одной из газет появилась статья о юношеской лиге — из тех чудес мысли, которыми обычно заполняют пустоты среди рекламы, где-то между некрологами и гороскопами. В статье излагаются выводы социолога, который на протяжении сезона обследовал юных бейсболистов, а потом через некоторое время посмотрел, что с ними стало. Он хотел выяснить, действительно ли эти игры делают то, что утверждается в плакатах юношеской лиги: прививают ребятам такие добрые старые американские ценности, как честная игра, тяжкий труд и чувство локтя. Парень, который провел это исследование, считает, что в общем-то так и есть. Но при этом отмечает, что бейсбол мало что меняет в жизни *отдельных* игроков. Трудные ребята такими и остаются, начав занятия в сентябре; хорошие ученики по-прежнему учатся хорошо; клоун класса (читай — Фред Мур), который в июне и июле играл в серьезные игры, после первого сентября возвращается в класс тем же клоуном. Социолог нашел и исключения: исключительные игры порой приводили к исключительным изменениям. Но в основном, полагает он, эти ребята какими пришли, такими и уходят.

Наверное, мое удивление ответом Дейва вызвано тем, что я хорошо его знаю — он фанатичный пропагандист юношеского бейсбола. Я уверен, что он читал ту статью, и ожидал, что он станет опровергать социолога, отталкиваясь от моего вопроса. Вместо этого он выдал мне одну из старейших загадок мира спорта.

На подушке Мэтт продолжает забрасывать Джей Джея мячами еще пуще прежнего. Он нашел то таинственное местечко, которое подающие называют «канавкой», и хотя это лишь неформальная тренировка, чтобы познакомить игроков с полем, ему явно не хочется уходить.

Я прошу Дейва объяснить подробнее, но лишь для порядка, втайне ожидая, что услышу стандартный набор

прописей: сова не летает днем; победитель не уходит, а уходящий не побеждает; сила вся в кефире. А то и, упаси Боже, просто: «Гм-м, парень...»

— Посмотрите на них, — Дейв продолжает улыбаться. По этой улыбке можно предположить, что он читает мои мысли. — Посмотрите хорошенько.

Я смотрю. Их полдюжины на скамье, они смеются и пересказывают друг другу военные истории шестого класса. Один из них прерывает оживленную дискуссию и просит Мэтта Кинни сделать навесной, и Мэтт делает — с особенно хитрым крюком. Мальчишки на скамье хохочут и кричат «ура».

— Посмотрите на этих двух парнишек, — указывает Дейв. — Один из них из хорошей семьи. Другой не очень. — Он забрасывает пригоршню семечек в рот и показывает еще на одного. — Или вот этот. Он родился в самом грязном районе Бостона. Как по-вашему, познакомился бы он с такими ребятами, как Мэтт Кинни или Кевин Рошфор, не будь бейсбольной команды? В школе они в разных классах, на переменах не встречаются и понятия не имеют друг о друге.

Мэтт снова дает навесной, да так ловко, что Джей Джей не может его взять. Мяч катится до самой загородки, Джей Джей поднимает его и бредет обратно, а мальчики на скамье снова вопят «ура».

— Но здесь все это меняется, — говорит Дейв. — Эти мальчишки вместе играли и вместе стали чемпионами группы. Некоторые из них из обеспеченных семей, другие из очень бедных, но когда они надевают форму и заходят за меловую черту, все это остается позади. Здесь не помогут ни школьные оценки, ни то, что делают родители, ни то, чего они не делают. За меловой чертой все, что происходит, касается исключительно самих ребят. И им это нравится. А все остальное... — Дейв машет рукой, — все остальное уходит. И они это знают. Смотрите на них, если не верите мне, потому что доказательство там.

Я смотрю на другую сторону площадки и вижу, как мой сын и один из ребят, на которых указывал Дейв, сидят

рядом, склонив головы друг к другу, и что-то обсуждают с серьезным видом. Они удивленно глядят друг на друга, потом разражаются хохотом.

— Они вместе играли, — повторяет Дейв. — И вместе тренировались день за днем, а это, наверное, еще важнее, чем играть. И вышли на первенство штата. И даже имеют шанс выиграть его. Я не думаю, что это выйдет, но не в том дело. Даже если «Льюистон» вычесет их в первом раунде, все равно вполне достаточно. Потому что они что-то делали вместе за меловой чертой. И они будут об этом помнить. Будут помнить, что это такое.

— За меловой чертой, — повторяю я, и мне вдруг становится все ясно — будто монетка проваливается в щель автомата. Дейв Мэнсфилд *верит* в эту старомодную чушь. Мало того, он может себе *позволить верить* в нее. Такие штампы не срабатывают во взрослой лиге, где то один игрок, то другой балуется наркотиками, но здесь не взрослая лига. Здесь национальный гимн в исполнении Аниты Брайант доносится из разбитых громкоговорителей, кое-как прикрепленных к загородке. Здесь вы не платите за вход, а бросаете деньги в шляпу, которая идет по кругу. Если хотите, конечно. Никто из этих ребят не учит бейсболу пузатых богачей во Флориде в промежутках между сезонами, не надписывает дорогостоящие бейсбольные карточки на презентациях и не ходит на светские обеды по две тысячи долларов за вход. Когда все это бесплатно, говорит улыбка Дейва, все эти штампы возвращаются к тебе в первозданном, незамутненном виде. Вы снова можете верить в Реда Барбера, Джона Тьюниса и Мальчишку из Томкинсвилла. Дейв Мэнсфилд верит в то, что говорит, в то, что ребята за меловой чертой чувствуют себя равными, и он имеет право в это верить, потому что он, и Нил, и Сен терпеливо подводили мальчиков к тому, чтобы и *они* в это *поверили*. И они действительно верят: это видно по их лицам там, под навесом на противоположной стороне бриллианта. Вот почему Дейв Мэнсфилд и все прочие Дейвы Мэнсфилды по всей стране продолжают заниматься этим год за годом. Это бесплатный

пропуск. Не обратно в детство — так не получается, — а обратно в мечту.

Дейв замолкает на минутку, задумавшись, подбрасывая семечки на ладони.

— Дело не в том, победишь или нет, — наконец произносит он. — Это приходит позже. Дело в том, как они пройдут друг мимо друга в коридоре в этом году, или на улице в старших классах, и взглянут один на другого, и вспомнят. Это еще долгие годы будет команда, которая выиграла первенство группы в 1989 году. — Дейв глядит на темный навес у первой базы, где Фред Мур смеется над чем-то вместе с Майком Арнольдом. Оуэн Кинг с ухмылкой посматривает то на того, то на другого. — Дело в том, что ты знаешь, кто твои товарищи. Люди, от которых ты зависишь, хочешь ты этого или нет.

Он смотрит на ребят, которые смеются и шутят за четыре дня до начала турнира, затем повышает голос и приказывает Мэтту сделать еще три-четыре броска и закругляться.

Не все тренеры, которые выигрывают жеребьевку — как Дейв Мэнсфилд 5 августа, в шестой раз за девять матчей, — соглашаются, чтобы их команда выступала в роли хозяина поля. Некоторые из них (например, тренер «Брюэра») убеждены, что так называемое преимущество хозяина — чушь, особенно в турнирах, где на самом деле никто не играет на своем поле. У сторонников утверждения, что в таких матчах лучше быть гостями, следующие аргументы: в начале игры ребята из обеих команд нервничают. Чтобы воспользоваться этой обстановкой, рассуждают они, лучше первыми отбить мяч и дать обороняющейся команде совершить побольше проходов и ошибок, а самому сесть в седло. Если первым отбить мяч и набрать четыре пробежки; заключают такие теоретики, то ты выигрываешь матч еще до начала. Вот так. Этой теории Дейв Мэнсфилд не разделяет.

— Я хочу то, что мне положено, — рубит он, и все дела.

Но сегодня немножко иначе. Это не просто турнирный матч — это турнирный матч на звание *чемпиона*, да еще показываемый *по телевидению*. И когда Роджер Фишер выпрямляется и бросает свой первый мяч, на лице Дейва Мэнсфилда написана искренняя надежда, что он не ошибся. Роджер знает, что он вынужденная замена — что на его месте должен был бы стоять Майк Пелки, если бы Пелки не пожимал сейчас руку Кинг-Конгу в Диснейленде, — но первый иннинг он проводит не хуже, чем можно было ожидать, возможно, даже чуть лучше. Он поворачивается на подушке всякий раз, получив мяч обратно от кетчера, Джо Уилкокса, изучает отбивающего противника, играет с рукавами рубашки и всячески тянет время. Самое главное, он понимает, как важно бросать мяч понизу. Линия йоркцев необычайно сильна. Если Роджер ошибется и мяч попадет на глаза отбивающему — особенно такому, как Тарбокс, который бьет с такой же силой, как и подает, — мяч не попадет к своим.

Тем не менее он проигрывает первую подачу отбивающему «Йорка». Бушар шествует к первой базе под истерические возгласы своей команды. Следующим выходит выбивать шорт-стоп Филбрик. Первый мяч он отыгрывает назад Фишеру. В одном из этих розыгрышей, которые, бывает, решают исход матча, Роджер решает ударить по второй базе и засалить первого бегущего. В большинстве юношеских матчей из таких попыток ничего не выходит. Либо подающий промахивается и засылает мяч на центральное поле, давая возможность первому бегущему добраться до третьей базы, либо оказывается, что шорт-стоп не успел выдвинуться накрытие второй базы и мешок остался незащищенным. Сегодня, однако, все получается. Сен-Пьер прекрасно вымуштровал ребят действовать на оборонительных позициях. Мэтт Кинни — сегодня он шорт-стоп — стоит там, где ему положено быть. И бросок Роджера пришелся точно в нужное место. Филбрик добегаает до первой базы, но Бушар уходит в аут. Теперь вопят от радости болельщики «Уэст-Бангора».

От такой игры у ребят из Бангора проходит мандраж, а Роджер Фишер приобретает столь необходимую уверенность в себе. Фил Тарбокс, лучший отбивающий в «Йорке» и в то же время лучший подающий, промахивается по низко поданному мячу.

— В следующий раз врежь им, Фил! — кричит со скамьи кто-то из игроков «Йорка». — Ты же не привык подавать так медленно!

Но не в скорости дело в единоборстве йоркских отбивающих с Фишером; дело в высоте. Рон Сен-Пьер проповедовал преимущества низкой подачи на протяжении всего сезона, и Роджер Фишер — Фиш, как его зовут ребята, — был молчаливым, но прилежным учеником на уроках Сена. Решение Дейва поставить Роджера на подачу и отбивать вторым оказалось удачным, когда «Бангор» переходит в оборону в середине первого иннинга. Я вижу, как несколько мальчиков прикасаются к Мо — маленькой пластиковой туфельке, — выходя из-под навеса.

Доверие — команды, болельщиков, тренеров — можно измерять разными способами, но по-любому у «Йорка» оно будет велико. Группа поддержки из родного города вывесила на трибуне громадный транспарант: «ЙОРК ЕДЕТ В БРИСТОЛЬ». Великое множество значков 4-й группы. Но самым ярким показателем доверия тренера «Йорка» к своим игрокам было то, кого он выпустил первым на подачу. Все другие клубы, включая «Уэст-Бангор», выставили сильнейшего подающего в первом матче, памятуя простую истину: если не назначил свидания, нечего идти на танцы. Если не можешь выиграть предварительный матч, не стоит пробиваться в финал. Но йоркский тренер поступил вопреки этой мудрости и в первой игре с «Ярмутом» выставил подающего номер два — Райана Ферно. И не прогадал, потому что его команда, хотя и с трудом, выиграла у «Ярмута» 9:8. Разрыв, конечно, небольшой, но зато уж сегодня они отыграются. Он придержал Фила Тарбокса на финальный матч, и, хотя Тарбокс не столь техничен, как Стэнли Стерджис, у него

есть другое качество, которого у Стэнли не было. Фил Тарбокс *устрашает*.

Нолан Райан, вероятно, сильнейший подающий в бейсболе всех времен, любит рассказывать, как он подавал на одном турнирном матче юношеской лиги. Он попал первому отбивающему противника в руку, сломав ее. Второму отбивающему он угодил в голову так, что мяч расколол шлем, и паренек потерял сознание. Пока с ним возились врачи, отбивающий номер три, весь дрожа и посерев от ужаса, побежал к своему тренеру и умолял, чтобы тот не дал попасть в него.

— И я его понимаю, — добавлял Райан.

Тарбокс, конечно, не Нолан Райан, но бьет он мощно и знает, что устрашение — секретное оружие подающего. Стерджис тоже сильно бросал, но он пускал мяч понизу и вбок. Стерджис был вежлив. Тарбокс любит работать высоко и близко. «Уэст-Бангор» пробился в финал потому, что хорошо работал битой. Если Тарбокс сможет их запугать, то тем самым он словно отберет у них биты, и тогда «Бангору» конец.

Ник Трзаскос сегодня не подвинулся дальше базы дома. Тарбокс пятнает его прямо на линии резко брошенным мячом. Ник оглядывается, пораженный, и раскрывает рот, чтобы заявить протест судье в доме.

— Ни слова, Ник! — кричит Дейв из-под навеса. — Быстро сюда! — Ник уходит с тем же недоуменным видом. На скамье он с отвращением швыряет свой шлем.

Тарбокс старается достать всех высокой и близкой подачей, кроме Райана Ярробино. Слава о нем уже разнеслась, и даже Фил Тарбокс при всей своей самоуверенности не осмеливается бросать ему вызов. Он достаёт Ярробино ударом понизу и вбок, отправляя и того на выход. Следующим появляется Мэтт Кинни, и он тоже выбит навесным ударом. У Мэтта великолепная реакция, и она ему пригодилась, чтобы не быть ушибленным, и крепко ушибленным. Когда он достигает первой базы, Ярробино уже на второй, в основном благодаря пушечному удару мяча, который пролетает в нескольких санти-

метрах от лица Мэтта. Затем Тарбокс немного утихонмирается, запятив до конца первого иннинга еще Кевина Рошфора и Роджера Фишера.

Роджер Фишер продолжает работать медленно и методично, поигрывая рукавами между бросками, окидывая взглядом поле, а то и поднимая глаза к небу, видимо, в поисках НЛО. При двух проходах и одном ауте Эстес пробирается к третьей базе, когда мяч отскакивает от перчатки Джо Уилкокса и приземляется у его ног. Джо быстро приходит в себя и пасует мяч Кевину Рошфору на третью базу. Мяч дожидается прихода Эстеса, и тому приходится удалиться под навес. Два аута — вторым выбит Ферно.

Уайатт, восьмой номер «Йорка», ведет мяч касанием по правой стороне внутреннего поля. Продвижение мяча замедляет вязкая почва. Фишер бросается к мячу, Кинг с первой базы тоже. Роджер хватает мяч, поскользывается на мокрой траве и юзом подкатывается к мешку с мячом в руках. Уайатт легко выхватывает его. Ферно достигает базы дома, завершая первую половину иннинга.

Если Роджер сломается, то этого следует ожидать именно сейчас. Он проверяет свое поле, осматривает мяч. Он, похоже, готов подавать, но вот он сходит с подушки. Можно подумать, что ему не нравятся собственные рукава. Он возится с ними, пока Мэтт Франке, отбивающий «Йорка», не состарится на своей позиции. К тому времени, как Фишер, наконец, вбрасывает, Франке в полной его власти и легко пропускает мяч в сторону Кевина Рошфора на третьей базе. Рошфор пасует на Мэтта Кинни, мимо Уайатта. Тем не менее «Йорк» пролил первую кровь и к середине второго иннинга ведет 1:0.

«Уэст-Бангор» во втором иннинге не получил очков, но и не дал разгуляться Филу Тарбоксу. Мускулистый подающий «Йорка» после первого иннинга сходил с подушки с высоко поднятой головой. Сейчас, после безрезультатных подач во втором, он плетется, низко опустив голову, и некоторые товарищи по команде бросают на него недобрые взгляды.

Оуэн Кинг, первый отбивающий «Бангора» во втором иннинге, не боится Тарбокса, но он здоровенный парень и гораздо медлительнее, чем Мэтт Кинни. Тарбокс пытается поразить его в незащищенное место. Мяч подскакивает и сильно ударяет Кинга под мышкой. Он падает на землю, хватается за ушибленное место; поначалу он слишком поражен, чтобы плакать, но ему, несомненно, больно. Потом появляются слезы — их немного, но самые настоящие. При росте сто восемьдесят семь и весе за девяносто килограммов он выглядит как взрослый, но все-таки ему всего двенадцать лет и он не привык, чтобы в него попадали мячи на скорости сто двадцать километров в час. Тарбокс бросается с подушки к нему, изображая на лице сочувствие и раскаяние. Судья, уже нагнувшийся над сбитым игроком, нетерпеливо отгоняет его взмахом руки. Дежурный фельдшер вообще не глядит на Тарбокса. Зато болельщики глядят вовсю.

— Уберите его, пока он еще кого-нибудь не поранил! — кричит один.

— Выгоните его, пока кому-то не стало *по-настоящему* больно! — добавляет другой, будто от попадания мяча в ребро с лету бывает больно не по-настоящему.

— Предупреди его, судья! — врывается третий голос. — Это он нарочно сделал! Предупреди его, что будет, если такое повторится!

Тарбокс смотрит на болельщиков, и на мгновение этот мальчишка, только что излучавший крайнюю самоуверенность, выглядит маленьким и растерянным. Такой вид был у Стэнли Стерджиса под конец матча «Белфаста» с «Льюистоном». Возвращаясь на подушку, он с подавленным видом засовывает мяч в перчатку.

Между тем Кингу помогают встать на ноги. Дав понять Нилу Уотермену, фельдшеру и судье, что он намерен продолжать игру, он ковыляет к первой базе. Болельщики обеих команд награждают его дружными аплодисментами.

Фил Тарбокс, который, конечно, не имел намерений вывести из строя первого отбивающего таким образом, демонстрирует свое раскаяние, отправляя мяч через центр

поля Артуру Дорру. Артур, второй по росту с конца в команде «Бангора», принимает этот неожиданный подарок и пасует в правый центр.

Кинг находится на расстоянии броска битой. Он отбивает в сторону третьей базы, зная, что не попадет, но надеясь таким образом вывести Артура на вторую базу, и тут дают себя знать погодные условия. Возле третьей базы почва еще не просохла. Когда Кинг пытается затормозить, ноги у него разъезжаются и он садится прямо в грязь. Тарбокс это заметил и не рискует бросать: тогда он попадет в Кинга, который безуспешно пытается подняться. Под конец самый крупный игрок «Бангора» просто поднимает руки в красноречивом трогательном жесте: *сдаюсь*. Благодаря скользкой почве Тарбокс теперь имеет дело с одним бегущим на второй базе и одним аутом вместо двоих игроков на второй и третьей базах и без аутов. Это большая разница, и Тарбокс показывает, что самообладание вернулось к нему, запятнав Майка Арнольда.

При третьей подаче он попадает следующему отбивающему, Джо Уилкоксу, в локоть. На этот раз крики бангорских болельщиков гораздо громче и исполнены возмущения. Некоторые обращают свой гнев на судью в доме, требуя убрать Тарбокса. Судья, полностью понимающий ситуацию, даже не считает нужным предупредить его. Растерянное выражение на лице мальчика, когда Уилкокс, пошатываясь, ковыляет к первой базе, свидетельствует, что предупреждение излишне. Но менеджеру «Йорка» приходится подойти к своему подающему и успокоить его:

— *У тебя два аута, а первая база все равно была открыта. Без вариантов.*

Но для Тарбокса проблема есть. В этом иннинге он травмировал двух ребят, причем от боли они оба плакали. Если это не проблема для мальчика, то ему нужен психиатр.

«Йорк» выигрывает три пробежки в начале третьего иннинга и ведет 3:0. Если бы это случилось в начале первого иннинга, «Бангору» пришлось бы туго, но когда его игроки выходят бить, вид у них боевой. Ни у кого нет

ощущения, что матч проигран — ни тени пораженческих настроений.

Райан Ярробино выходит первым отбивающим «Бангора», и Тарбокс работает против него осторожно — чересчур осторожно. Он начал прицеливаться перед броском — с вполне предсказуемым результатом. При счете 1:2 он попадает мячом в плечо Ярробино. Тот поворачивается и ударяет битой по земле — то ли от боли, то ли от обиды или гнева. Скорее всего, от всего сразу. Гораздо легче определить настроение трибун. Бангорские болельщики вскакивают с криками возмущения в адрес Тарбокса и судьи. На стороне «Йорка» болельщики смущенно притихли: такой игры они не ожидали. Переходя к первой базе, Райан бросает взгляд на Тарбокса. Взгляд короткий, но смысл его совершенно ясен. *«Это уже третий раз. Это твой последний раз».*

Тарбокс быстро совещается с тренером, затем оборачивается к Мэтту Кинни. Он больше не уверен в себе и мажет в первой подаче; надо полагать, ему так же хочется продолжать подавать в этом матче, как кошке лезть в ванну с мылом. Ярробино легко пасует перехваченный у йоркского кетчера Дэна Бушара мяч на вторую базу. Тарбокс упускает Кинни. Следующим отбивает Кевин Рошфор. После двух удачных перехватов Кевин отходит назад. Затем отправляется к базе. Еще не истекли три иннинга, а Тарбокс произвел более шестидесяти подач.

У Роджера Фишера счет против Тарбокса также 3:2; последний теперь старается подавать мягко, видимо, решив, что если он и попадет в игрока противника, то не причинит ему боли. Ставить Фиша некуда: все базы заняты. Тарбокс это понимает и идет на рассчитанный риск, пустив мяч с закруткой и считая, что Фиш отскочит. Вместо этого Роджер бросается на мяч и отбивает его ко второй базе. Ярробино достигает дома, принеся первое очко «Бангора».

Затем выходит отбивать Оуэн Кинг, тот, с которого началось падение Тарбокса. Тренер «Йорка», уверенный, что его подопечный на сей раз еще хуже сработает против

Кинга, считает, что с него вполне достаточно. И на подачу становится Мэтт Франке, а Тарбокс переходит на место кетчера. В ожидании Франке он приседает за пластиной, во всем его виде — явное облегчение. Франке никого не увечит, но он бессилён изменить ход событий. К концу третьего иннинга «Бангор» салит только двоих, но ведет в счете 5:3.

Наступает пятый иннинг. В воздухе очень сыро, и транспарант «ЙОРК ЕДЕТ В БРИСТОЛЬ», прикрепленный к табло, беспомощно провисает. Такой же помятый вид и у болельщиков. Действительно ли Йорк едет в Бристоль? *«Ну, мы должны были, — можно прочесть на их лицах, — но уже пятый иннинг, а мы отстаем на два очка. Господи, почему так рано стало уже слишком поздно?»*

Роджер Фишер по-прежнему неутомим, и к концу пятого иннинга «Уэст-Бангор» как бы загоняет последние гвозди в крышку гроба «Йорка». Сначала берет очко Майк Арнольд. Джо Уилкокс прикрывает пробежку Фреда Мура ко второй базе, а Ярробино дважды отбивает подачи Франке, обеспечивая очко Мура. К пластине выходит Мэтт Кинни. После того как перепасовка мяча продвигает Райана к третьей базе, Кинни попадает в шорт-стопа, но мяч срывается с перчатки последнего, и вот Ярробино уже в доме.

«Уэст-Бангор» уверенно ведет 7:3, и ему не хватает всего трех аутов.

Когда Роджер Фишер становится на подушку в начале шестого иннинга, на его счету уже девяносто семь подач; мальчик явно устал. Это сразу видно, когда он дает возможность вышедшему на замену отбивающему йоркцев Тиму Поллаку начать проход по базам. С Дейва и Нила достаточно. Фишер уходит на вторую базу, а на подушку становится Майк Арнольд, который разминался между иннингами. Он обычно хорошо работает на заменах, но не сегодня. То ли от напряжения, то ли от сырости под подушкой движения у него скованны. Он выбивает Франке, но потом Бушар уходит в отрыв, Филбрик делает

дубль, а бегущий Поллак, приставленный к Фишу, получает очко, и Бушар останавливается на третьей базе; сама по себе пробежка Поллака еще ничего не значит. Важно то, что бегущие «Йорка» стоят на второй и третьей базах, что дает возможность выйти к пластине. Тот, кто может выйти туда, крайне заинтересован в этом, потому что он главная причина того, что «Йорку» остается всего два аута до поражения. Это Фил Тарбокс.

Майк доводит счет в иннинге до 1:1 и быстро забрасывает мяч прямо в середину пластины. На скамье «Уэст-Бангора» Дейв Мэнсфилд вздрагивает и подносит руку ко лбу, словно заслоняясь от удара, когда Тарбокс появляется на поле. С громким стуком Тарбокс исполняет самую трудную вещь в бейсболе: попадает круглой битой точно в пуговицу круглого мяча.

В тот же момент Райан Ярробино срывается с места, но он явно поспешил. Мяч перелетает на десять метров за забор, ударяется о телекамеру и падает обратно на поле. Райан оторопело уставился на него; между тем болельщики «Йорка» режут от восторга, а вся команда под навесом стоя приветствует Тарбокса, который засалил бегуна перед самым домом и таким образом полностью реабилитировал себя. Он не становится на пластину дома, а *запрыгивает* на нее. На лице у него написано чуть ли не божественное удовлетворение. Товарищи в экстазе обнимают его и почти несут обратно под навес — его ноги не касаются земли.

Болельщики «Бангора», ошеломленные таким ужасным поворотом событий, застыли. Вчера в матче с «Льюистон-ом» «Бангор» флиртовал с поражением; сегодня он замер в его объятиях. Мо снова не с ними, и болельщики всерьез опасаются, что навсегда. Майк Арнольд совещается с Дейвом и Нилом. Те приказывают ему идти на место и подавать как следует — ведь матч вовсе еще не проигран, но Майк явно растерян и не в себе.

Следующий отбивающий, Хатчинс, пропускает легкий мяч в сторону Мэтта Кинни, но не один Арнольд выбит из колеи: обычно надежный Кинни упускает мяч, и Хат-

чинс бежит по базам. С третьей подачи Энди Эстес пропускает мяч к Рошфору, но Хатчинс после паса перебегает ко второй базе. Кинг перехватывает Мэтта Хойта в третьем ауте, и «Уэст-Бангор» облегченно вздыхает.

К концу шестого иннинга команда могла бы завершить матч, но это ей не удается. Подачи Мэтта Франке стоили ей трех очков, и впервые «Уэст-Бангор» будет играть дополнительное время, потому что в основном счет 7:7.

К концу игры с «Льюистоном» погода улучшилась. Сегодня не так. Когда «Уэст-Бангор» выходит на поле в начале седьмого иннинга, небо заметно темнеет. Уже около шести, и видимость на поле была бы неплохой, но начинает наползать туман. Когда просматриваешь видеозапись игры, может сложиться впечатление, что телекамеры были не в порядке: все выглядит серо, скучно, будто выдержка была недостаточной. Болельщики, сидящие на трибунах в рубашках с короткими рукавами, напоминают отделенные от туловища головы и руки; на внешнем поле Трзаскоса, Ярробино и Артура Дорра можно различить только по рубашкам.

Не успевает Майк вбросить первый мяч, как Нил толкает Дейва и показывает на правое поле. Дейв немедленно берет тайм-аут и бежит выяснять, что с Артуром Дорром: тот согнулся так, что голова оказалась чуть ли не между колен.

Артур удивленно смотрит на приближающегося к нему Дейва.

— У меня все в порядке, — отвечает он на еще не заданный вопрос.

— Так что же ты делаешь, черт побери? — допытывается Дейв.

— Ищу клевер с четырьмя листьями, — поясняет Артур.

Дейв то ли слишком ошеломлен, то ли ему слишком смешно, чтобы отчитывать мальчика. Он просто замечает, что, может быть, лучше заняться этим после игры.

Артур вглядывается в наползающий туман.

— Думаю, тогда будет слишком темно, — отвечает он.

С Артуром все ясно, можно продолжать игру, и Майк подает успешно — видимо, потому, что у противника тоже вышли замены. «Йорк» не получает очков, и к концу седьмого иннинга у «Бангора» снова появляются шансы на победу.

Они очень близки к тому. При занятых базах и двух аутах Роджер Фишер удачно посылает мяч на первую базу. Однако Мэтт Хойт перехватывает его, и команды меняются местами.

Филбрик открывает восьмой иннинг подачей на Ника Трзаскоса, а затем появляется Фил Тарбокс. Он еще не покончил счеты с «Уэст-Бангором». Он снова уверен в себе; абсолютно спокойно он встречает первую подачу Майка. На следующий мяч он прыгает и выбивает его так, что тот ударяется в поножи Джо Уилкокса. Он выбегает с линии, слегка приседает с битой между колен и сосредоточивается. Это техника медитации дзен, которой тренер «Йорка» научил своих ребят, — Франке несколько раз делал это на подушке, когда ему приходилось туго, — а сейчас она работает на Тарбокса вместе с кое-какой помощью от Майка Арнольда.

Последняя подача Арнольда идет точно по навесной траектории, именно туда, где, как надеялись Дейв и Нил, мяч никогда не окажется, а Тарбоксу того и надо. От его удара битой мяч пролетает через левое центральное поле высоко над забором. Там нет телекамеры, чтобы остановить его, и мяч исчезает в неизвестности, а болельщики «Йорка» снова вскакивают на ноги и вопят «Фил! Фил! Фил!», пока Тарбокс бежит по кругу и подпрыгивает в воздухе. Он не просто запрыгивает на пластину дома — он пивается в нее.

И это, кажется, еще не все. Хатчинс добегают до второй базы. Эстес вслед за ним пятнает игрока третьей базы, а Рошфор отброшен на вторую. К счастью, Роджер Фишер при поддержке Артура Дорра спасает вторую пробежку, но теперь мальчики из «Йорка» стоят на первой и второй базах, и у них только один аут.

Дейв ставит на подачу Оуэна Кинга, а Майк Арнольд уходит на первую базу. После первой промашки при

подаче, продвигающей йоркцев на вторую и третью базы, Мэтт Хойт отдает мяч Кевину Рошфору. В той игре, когда «Уэст-Бангор» проиграл «Хэмпдену», Кейси Кинни смог вернуться и продолжить игру после допущенной ошибки. Сегодня это удастся Рошфору, и весьма успешно. Он хватает мяч, с минуту держит его, чтобы убедиться, что Хатчинс не рвется к пластине. Затем он пасует через весь бриллиант Майку, на два шага опережая медлительного Хойта. Несмотря на то состояние, в котором находятся ребята, они демонстрируют необычайно красивый бейсбол. «Уэст-Бангор» снова в форме, и Кинг четко обрабатывает Райана Ферно — того, который в матче с «Ярмутом» засадил бегущего у самого дома, — выискивая свободные углы, помогая броску удивительной обводкой вокруг талии. Ферно выбит, не дойдя до первой базы, и иннинг заканчивается. В середине восьмого иннинга «Йорк» ведет 8:7. Шесть очков «Йорку» принес Филип Тарбокс.

Мэтт Франке, подающий «Йорка», устал точно так же, как Фишер, когда Дейв, наконец, заменил того на Майка Арнольда. Разница в том, что Дейв имел в запасе Арнольда, а потом еще и Оуэна Кинга. Тренер же «Йорка» резерва не имел: он использовал Райана Ферно в матче с «Ярмутом», и сегодня тот не в состоянии был подавать, и замены Франке не было.

Франке неплохо начинает восьмой иннинг, попав в Кинга. Следующим идет Артур Дорр, это его четвертая пробежка за сегодня (и дубль от Тарбокса). Франке, явно из последних сил, горя желанием закончить игру, подает на Артура чуть сбоку. Артур бежит к первой базе.

За ним Майк Арнольд. Ему сегодня не везло на подушке, зато в пластине он на этот раз играет хорошо, отразив мощный удар. Он не собирается жертвовать: Майк хочет отбить на базу, и это ему почти удастся. Но мяч не остается на этой грязной полоске между домом и подушкой подачи. Франке хватается его, присматривается ко второй базе, затем бьет по первой. Теперь двое в ауте и один бегущий на второй. Еще один аут — и «Уэст-Бангор» вылетает.

Появляется Джо Уилкоккс, кетчер. При счете 2:1 он отбивает мяч с линии первой базы. Мэтт Хойт хватается за него, но слишком поздно: он касается мяча менее чем в десяти сантиметрах от вражеской территории, и судья на первой базе не засчитывает его хват. Хойт, уже собиравшийся бежать к подушке и обнимать Мэтта Франке, понуро отдает мяч.

Счет в иннинге становится 2:2. Франке сходит с резинового мата, смотрит в небо и сосредоточивается. Становится обратно и дает навесной в сторону. Джо все равно бежит к мячу, не глядя, зигзагами. Бита совершенно случайно касается мяча, и он уходит вбок. Франке еще раз концентрирует внимание, бросает — и опять мимо.

Теперь наступает решающая подача матча. Вроде бы это должен быть классный бросок, достойное завершение игры, но судья объявляет промах. Джо Уилкоккс с недоверчивым видом бежит на первую базу. Только позже, просматривая в замедленном темпе видеозапись игры, можно убедиться, насколько прав был судья. Джо Уилкоккс нервничал так, что крутил биты в руках, словно клюшку для гольфа, и встал на цыпочки в момент приближения мяча, а потому решил, что мяч, пересекая пластину, шел на уровне груди. Судья, который никуда не движется с места, свободен от нервного тика и потому засчитывает промах по правилам взрослой лиги. В правилах сказано, что нельзя уменьшать зону удара путем приседания; отсюда следует, что нельзя и увеличивать ее, вытягиваясь. Мяч, поданный Франке, шел на уровне горла, а не груди. И вместо того чтобы третьим выйти в аут и закончить игру, Джо оказался на пути к базе.

Одна из телекамер была нацелена на Мэтта Франке, подающего «Йорка», в этот исторический момент, и она зафиксировала удивительную картину. При видеоповторе можно было наблюдать, как Франке уже расплывается в улыбке, тогда как мяч падает на мгновение позже, чем нужно для того, чтобы нанести удар. Он поднимает победоносно сжатый кулак. И тут же идет направо, под навес своей команды, а судья загораживает ему дорогу. Когда

секунду спустя он возвращается на место, его лицо выражает удрученное недоверие. Он не спорит с судьей — ребята приучены не делать этого в обычных играх и уж ни в коем случае в финальном турнире, — но, когда Франке готовится обрабатывать следующего отбивающего, видно, что он чуть ли не плачет.

Болельщики «Уэст-Бангора» оживают, и, когда Ник Трзаскос подбегает к пластине, они встают на ноги и начинают кричать. Ник пытается чисто пройти базы, и ему это удастся. С пяти бросков Франке не может выбить его. Это одиннадцатый проход, упущенный за сегодня подающими «Йорка». Ник добегают до первой базы, и тут вступает Райан Ярробино. Снова и снова Райан Ярробино выручает в таких ситуациях, и вот опять Райан. Болельщики «Уэст-Бангора» снова на ногах и снова вопят. Игроки столпились под навесом, вцепившись в проволочную сетку, и жадно следят за происходящим.

— Не могу поверить, — говорит один из телекомментаторов. — Не могу поверить, что бывает такая игра.

При этих словах камера зловещим контрапунктом выхватывает крупным планом пораженное ужасом лицо Мэтта Франке. Изображение наглядно свидетельствует, что это *последнее*, что хотел бы видеть левша из «Йорка». Почему? Ярробино дважды сделал дубль, дважды прошел базы и только один раз был засален. «Йорк» ни разу не вывел его из игры. Франке делает бросок высоко вбок, затем понизу. Это его 135-я и 136-я подачи. Мальчик обессилел. Чак Биттнер, менеджер «Йорка», подзывает его на разговор. Ярробино пережидает, пока они беседуют, затем идет дальше.

Мэтт Франке сосредоточивается, откинув голову и закрыв глаза; он похож на птенца, который просит кормежки. Затем разворачивается и делает последнюю подачу в чемпионате юношеской лиги штата Мэн.

Ярробино вовсе не интересовала медитация. Он опустил голову пониже: следил лишь за тем, куда Франке сделает бросок, ни на секунду не упуская из виду мяч. Тот низко полетел к наружному углу пластины. Райан

Ярробино пригибается. Мелькает головка биты. Он ловко перехватывает мяч, словно припечатывает, и, когда мяч отлетает в глубину правого центрального поля, Райан вскидывает руки над головой и исполняет безумный танец на линии первой базы.

На подушке Мэтт Франке, который дважды был за шаг до победы, опускает голову: он не хочет смотреть. И когда Райан пробегает вторую базу, направляясь к дому, он, наконец, понимает, что наделал, и разражается рыданиями.

Болельщики в истерике; спортивные комментаторы в истерике; даже Дейв и Нил, похоже, близки к истерике, когда закрывают пластину, оставив место Райану, чтобы коснуться ее. Обогнув третью базу, он встречается там с судьей, который все еще вертит указующим перстом в сером воздухе, показывая, что путь к дому свободен.

За пластиной Фил Тарбокс срывает маску и покидает чужое торжество. На лице его написано отчаяние. Он уходит из кадра и из юношеской лиги навсегда. В следующем году он уже будет выступать за юниорскую лигу, и, наверное, неплохо, но подобных игр ни для Тарбокса, ни для других ребят больше никогда не будет. Эта, как они выражаются, попадет в хрестоматию.

Райан Ярробино со смехом и веселыми возгласами, одной рукой придерживая шлем на голове, а другую подняв высоко к небу, подпрыгивает, вскакивает в пластину дома и снова прыгает прямо в объятия товарищей, которые уносят его с поля, как триумфатора. Игра закончена: «Уэст-Бангор» победил со счетом 11:8. Теперь они чемпионы юношеской лиги штата Мэн 1989 года.

Я поворачиваюсь к забору возле первой базы и вижу замечательную картину: лес размахивающих рук. Родители игроков столпились у загородки и пытаются через верх достать своих сыновей. Многие родители тоже в слезах. У всех мальчиков одно и то же выражение счастливого недоверия, и все эти руки — наверное, сотни рук, — машут им, тянутся к ним, хотят поздравить, хотят обнять, хотят *поцупать*.

Мальчишки не замечают их. Все эти объятия и поцелуи будут потом. Прежде надо закончить дело. Они выстраиваются в шеренгу и пожимают руки ребятам из «Йорка» через пластину, как положено по ритуалу. Большинство ребят из обеих команд плачут, некоторые так сильно, что еле могут идти.

Затем, прежде чем бангорские ребята направляются к забору, навстречу этому лесу рук, они окружают своих тренеров и тузят их и друг друга, счастливые донельзя. Они многое пережили и выстояли, победив в этом турнире, — Райан и Мэтт, Оуэн и Артур, Майк и Роджер Фишер, тот, что нашел клевер с четырьмя листьями. В этот момент они чествуют друг друга, а все прочее подождет. Потом они бросаются к забору, к плачущим, вопящим, смеющимся родителям, и Земля понемногу начинает вращаться, как обычно.

— Сколько мы еще будем играть, тренер? — спросил Джей Джей Фидлер Нила Уотермена после того, как «Бангор» выиграл первенство группы у «Мачиаса».

— Джей Джей, — ответил Нил, — мы будем играть, пока кто-нибудь нас не остановит.

Командой, которая, наконец, остановила «Уэст-Бангор», оказался «Уэстфилд» из Массачусетса. «Уэст-Бангор» встретился с ним во втором туре Восточного регионального первенства юношеской лиги в Бристоле, штат Коннектикут, 15 августа 1989 года. Мэтт Кинни был подающим «Уэст-Бангора», он отправил в аут девятих, пятерых согнал с линии (одного намеренно) и только три раза промазал. «Уэст-Бангор», однако, имел только одно поражение от уэстфилдского подающего Тима Лорита, и получил его, ясное дело, Райан Ярробино. Окончательный счет был 2:1 в пользу «Уэстфилда». Единственное очко «Бангору» принес Кинг пробежкой по базам. Решающее очко победителю принес Лорита опять-таки пробежкой по базам. Это была тяжелая игра, строго по правилам, но она не шла ни в какое сравнение с матчем против «Йорка».

Для профессионального бейсбола этот год был неудачным. Один из кандидатов в Зал славы был пожизненно дисквалифицирован; бывший подающий застрелил жену, а потом и самого себя; член контрольной комиссии федерации умер от инфаркта; впервые за более чем двадцать лет пришлось отложить первый матч Кубка мира из-за землетрясения в северной Калифорнии. Но игры великих — это лишь малая часть мира бейсбола. В других местах и в других лигах — например, в юношеской, где нет освобожденных функционеров, никому не платят зарплату и не берут денег за вход, — дела в этом году шли замечательно. Победителем в Восточном региональном турнире вышел «Трамбулл» из Коннектикута. 26 августа 1989 года «Трамбулл» выиграл у Тайваня и стал чемпионом мира в юношеской лиге. Впервые с 1983 года американская команда победила на чемпионате мира в Уильямсporte, и впервые за четырнадцать лет победитель представлял регион, в котором играет «Уэст-Бангор».

В сентябре отделение Федерации бейсбола США в штате Мэн объявило Дейва Мэнсфилда лучшим тренером любительских команд года.

С о д е р ж а н и е

Глаза дракона	5
Дело доктора Ватсона	311
Нищий и алмаз	351
Ниже голову	357

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

ГЛАЗА ДРАКОНА

Выпуск 35

Сдано в набор 14.06.95. Подписано в печать 09.07.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 26 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

Нашу серию продолжает
роман Стивена Кинга «Глаза дракона»,
написанный в стиле фэнтези.

Юный принц вступает в борьбу
с грозным чародеем, в течение столетий
вносящим хаос и разрушение
в жизнь королевства.